

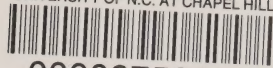
THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

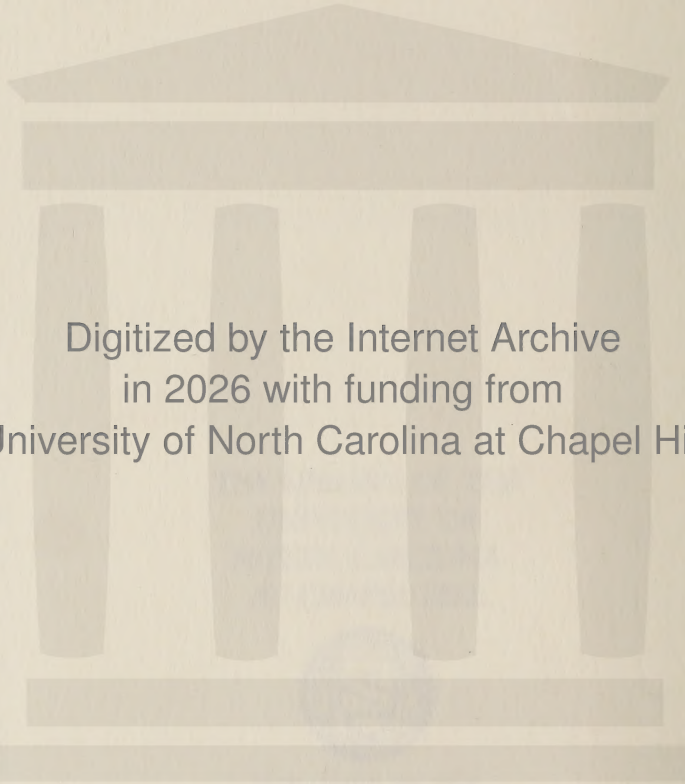
ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3476
.A36
B6
1928

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL

00008753039

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

<https://archive.org/details/bolsheviki00alek>

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВ

БОЛЬШЕВИКИ

Ю. Гамф

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

БОЛЬШЕВИКИ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1920-21

PG3476
A36
B6
1928
A 47

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВ

БОЛЬШЕВИКИ

5-е ИЗДАНИЕ

BOL'SHEVIKI

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

Дорогой друг Федор!

Посылаю тебе нашу повесть... Увы, мне не удалось написать даже пятой доли ее... Боюсь, что и не удастся написать.

Я чувствую себя худо... Вдалеке от Москвы и друзей я лежу больной—меня уже третий месяц мучит тропическая лихорадка... Я уже не встаю с постели целый месяц...

И доктора уже не обещают мне выздоровления...

Ну, да неважно... Я свое отработал.

Жаль только, что не успел дописать книги...

Но я думаю, что кто-нибудь из друзей возьмется дописать ее. Материал у меня готов. План тоже... Нужно только его понятно изложить. Возьмись за это, Федюша...

Ты не поверишь, как мне трудно писать... Еле шевелятся пальцы. Прощай, друг... Привет всем...

Михеев

Темир-Хан-Шура
Октябрь 1921 г.

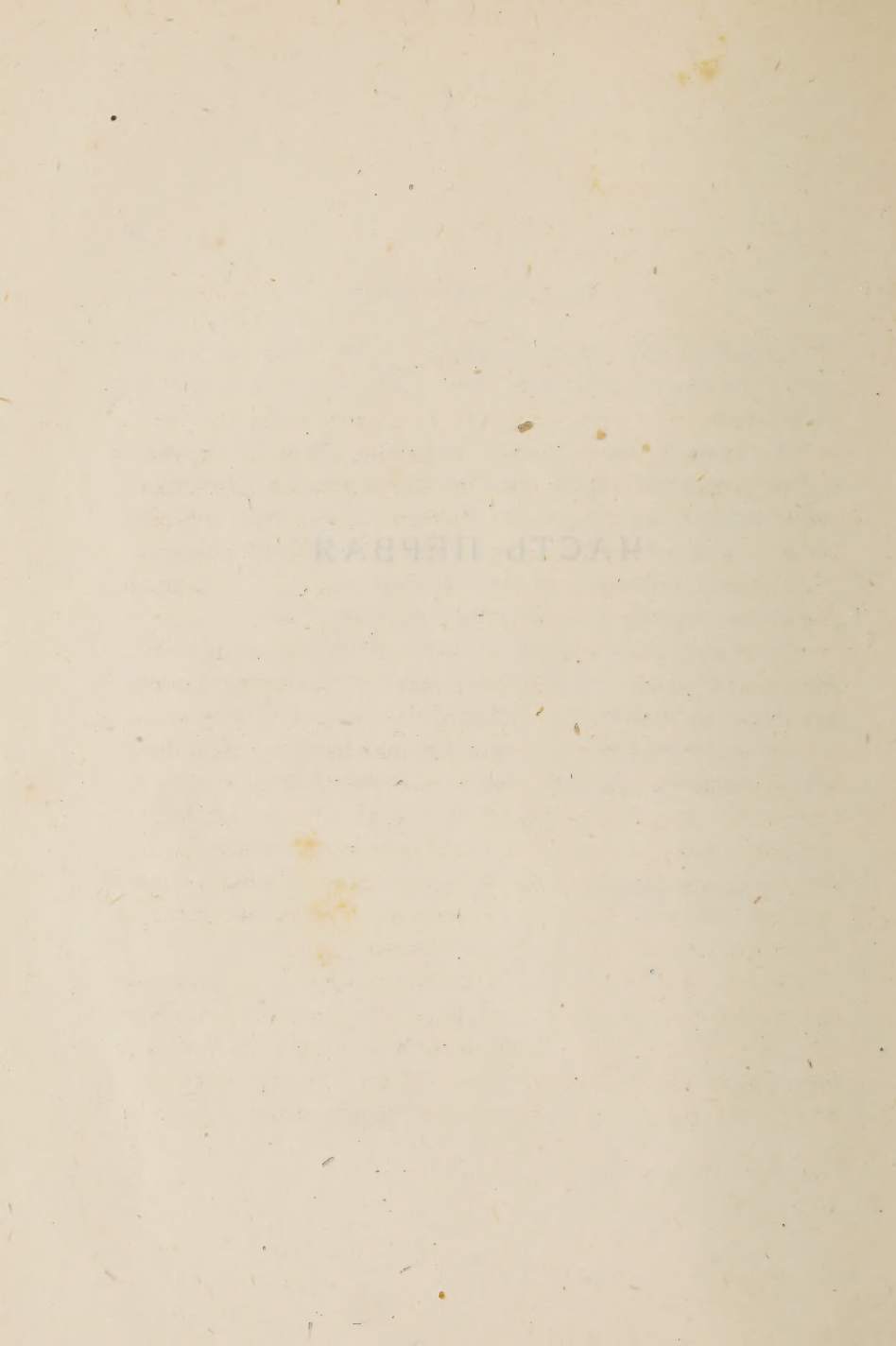
Второй акт

Входит Анна, потом Мария.
Анна. Вот тебе письмо, которое я получила от тебя. Оно так интересно.
Мария. Спасибо тебе, Анна. Оно действительно интересно.
Анна. Ты ведь знаешь, что я люблю читать.
Мария. Конечно, я знаю. Ты ведь всегда говоришь об этом.
Анна. И вот теперь я получила от тебя письмо, которое так интересно.
Мария. Спасибо тебе, Анна. Оно действительно интересно.
Анна. Ты ведь знаешь, что я люблю читать.
Мария. Конечно, я знаю. Ты ведь всегда говоришь об этом.
Анна. И вот теперь я получила от тебя письмо, которое так интересно.
Мария. Спасибо тебе, Анна. Оно действительно интересно.
Анна. Ты ведь знаешь, что я люблю читать.
Мария. Конечно, я знаю. Ты ведь всегда говоришь об этом.

Конец

Второй акт
Конец

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда-то я и Борин работали на Урале. Вместе подпольничали там в крупном заводском районе. Работали дружно. Борин тогда был секретарем нашей организации. Ее вдохновителем. Его все работники любили, как отца и учителя. Ценили в нем товарищескую чуткость и отзывчивость.

Мы двое стояли во главе нашего подполья. Работали вместе на одном сталелитейном заводе. Жили в небольшой комнатухе заводского общежития. Правда, наша совместная жизнь не совсем отвечала правилам конспирации, но в этом глухом районе мы в маскировке не нуждались. По убеждениям управляющий заводом, да и почти вся администрация были наши или близко стояли к нам. Среди них имелось много меньшевиков и немного эсеров. Эти меньшевики и эсеры частенько затевали с нами словесные битвы, но всегда без успеха. И уже тогда можно было видеть всю их гнилость. Но в те времена на Урале они, хоть на словах, но казались революционерами.

Помню, как теперь, наши схватки с ними на нелегальных собраниях. Выступает кто-нибудь из них. Держит речь. Красота слога, остроумие, возвышенность, цитата сыплется за цитатой: «Маркс, Капитал, том I, 25 стр., 5-я строка снизу... Анти-Дюринг, 53-й лист, 14-я строка сверху...» и т. д.

Превосходство в тоне голоса, превосходство в фигуре, и непременно на ораторе то инженерная, то какая-либо другая казенная форма. Совсем другими были наши выступления. Мы, правда, хуже знали «Капитал» и «Анти-Дюринга», плохо ораторствовали, но мы лучше их понимали жизнь, были близки рабочим массам и были на деле, а не на словах революционны. И мы всегда грубовато, но просто и понятно для присутствующих партийных рабочих громили и побивали их фактами.

То, что говорили мы, рабочим было понятно и дорого. Они в любую минуту готовы были умереть за революцию, и в массе шли за нами.

Так протекали годы нашей уральской жизни...

Как теперь вижу завод. Он примостился в лесу у родников, между скалистых гор. В 60 верстах от завода находился уездный город, а ближе—ни одного человеческого жилья. Зимой в заводской ложине было холодно, ветрено и мертво. В эти метельные дни, по вечерам, партийные кружковые собрания являлись нашим единственным развлечением. Бывало, бежишь из квартиры, попадая из сугроба в сугроб, и на бегу думаешь, как бы это пожестче отчитать меньшевиков и эсеров.

Всего мы жили и работали в этом районе пять долгих лет. За эти годы я прошел хорошую школу. Борин выучил меня практике революционного действия, помог мне разобратся в трудных научных книгах. Потом мы расстались.

Борин уехал работать в Питер. Я же остался на старом месте. Никогда я больше не думал увидеть Борина. Но через восемь лет мы снова встретились в Москве.

Это было в Октябрьские дни. Там я, бок-о-бок с Бориним, дрался с юнкерами. В ночной уличной схватке я получил пулевую рану в грудь на вылет. Целый месяц лежал

в госпитале между жизнью и смертью. Но потом поправился. Борин эти месяцы жил и работал в Москве. Я часто виделся с ним. Однажды я узнал, что он спешно назначен в Н. предчека. По счастливому совпадению, через несколько дней после его отъезда меня назначили на работу в тот же город заведывать губернским народным судом...

* * *

Приехал в город, ознакомился с людьми и обстановкой. Местная партийная организация оказалась немногочисленной и довольно вялой. Из стариков в городе работало шесть человек; двоих я знал хорошо по уральской работе. Они приезжали к нам из центра с поручениями, привозили литературу. Остальных я не знал. С первых же дней для меня стало ясно, что партийный состав губернии до чрезвычайности слаб.

— Ну, Петя, придется нам здесь, как видно, поработать высунувши язык,—сказал я другу.

— Сами-то мы мало что сможем сделать, если за все будем браться,—ответил он.—Нужно расшевелить, раскачать, разбудить организацию. Надо оживить ее работу... Вот наша задача.

За эту-то задачу мы и принялись с первых же дней.

* * *

Город, в который нас назначили на работу, был типичным российским провинциальным городом. Первые месяцы революции совершенно не изменили его вида. Кривые улочки, покрытые лужами и кочками высохшей грязи. Маленькие полудеревянные, полукирпичные дома, выкрашенные в серые тона. Во дворах и на улицах обилие разной живности: свиней, уток, цыплят, собак. Кривые телефонные и теле-

графные столбы. Несколько чахлых акаций. Две базарные площади, огромные и грязные. На них два раза в неделю съезжались окрестные крестьяне с телегами, полными деревенского добра. На базарных площадях высились две больших новых церкви. Под городом в садах протекала широкая, но мелкая река. Особенно достопримечательной являлась главная улица. До революции она звалась «Николаевской», но теперь была переименована в «Ленинскую». Эта улица постройками от других улиц почти не отличалась: несколько двух-трехэтажных домов одинаково торчали среди массы одноэтажных, приземистых, с крылечками. Эта улица была замечательна своей шириной. Она казалась полем, разделявшим две деревни.

Горожане были типичными российскими обывателями. Верили слухам, плели обычные басни и сплетни на советскую власть, на коммунистов, на вождей революции и главным образом на ЧК. Трусливому мещанину казалось, что этот орган пролетарского возмездия польститися на его заплеванную, загаженную жизнь просто ради нее самой. Создавая басни о невероятных ужасах, творимых в ЧК, это трусливое животное после само же боялось отражений своей лжи. Трусость и лживость были неотъемлемой принадлежностью всякого рода обывателя во все времена и у всех народов. В нашем городе, на первом году революции, обыватель жил и плодился по-старому, только сплетничал жестче и бессовестнее лгал. Городская интеллигенция оказалась в большинстве белогвардейской. В этом нам пришлось убедиться на собственном опыте.

* * *

Один старый большевик, сотрудник губчека, от напряженной работы получил острое переутомление нервной си-

стемы. Однажды, после побоев, полученных им при поимке двух белогвардейских агентов, его нервы не выдержали. Он впал в истерию.

Помню, как теперь, тот день, когда мы провожали его в лечебницу. День стоял серый и ветреный. Ветер дул пронзительно, порывами. По дороге носились тучи пыли и песку, гнулись деревья. На Фролова было больно смотреть. Он хотел казаться спокойным, но его голос прерывался судорогой. Непослушные губы передергивались и дрожали. Мускулы лица находились в непрерывном движении. Он хотел казаться твердым, но рыдал. Хотел бодро стоять, но колени подкашивались сами собой. Прощаясь, он хотел пожать всем нам руки, но не мог. Его рука дрожала так сильно, что нам приходилось ловить ее на лету. Мы заботливо уложили его в коляску. Отъезжая, он все-таки сумел крикнуть нам: «Тов...варищи-и! Бор-и...ись до...» Коляска тронулась, заглушая последние слова.

Ровно через две недели после его отъезда Петя передал мне потрясающую новость. Фролов, по приезде в лечебницу, где-то в 60 верстах от губернского города, внезапно сошел с ума. Эта тяжелая новость сильно подействовала на всю городскую организацию. Но все мы в эти недели были уже подготовлены ко всяким тяжелым потерям. Мы видели, как перед нашими глазами разворачивалась гигантская классовая борьба. Практика говорила нам, что мало только совершать революцию, что самое главное—это в смертельном бою отстоять ее завоевания. Еще до отъезда Фролова белогвардейщина вышла на улицу. И с тех же дней мы стали работать, точно в горячке. Этого требовал момент. Нас было мало, а врагов масса. Думать и жалеть о потерях было некогда. Мы приняли сумасшествие

Фролова как совершившийся факт и подчинились его непоправимости.

Петя буквально летал, как птица, по всей губернии. В уездах, в медвежьих углах, враги устраивали восстания, заговоры и убийства наших товарищей из-за угла. Шли массовые аресты. Пете приходилось подписывать смертные приговоры чуть ли не ежедневно. За это время его успели два раза легко ранить. Один раз он был пойман и жестоко избит бандой офицера Шигла и только случайно избежал смерти. Пять раз под ним убивали лошадь, но его энергия и работоспособность не ослабевали, а, напротив, усиливались. К зиме горячка нашей работы еще повысилась. Весной же этого года она достигла высшего момента.

В последних числах мая, в субботу, состоялось городское партийное собрание. После него я, Петя и заведывающий оперативным отделом губчека Федор Федосеев, шли темными переулками на заседание в губпартком. Дорогою говорили о военной опасности. Петя настаивал на большей мобилизации в армию. «Три миллиона красноармейцев,—говорил он,—мало для того, чтобы удержать такой огромный фронт, как наш, да и к тому же не только удерживать фронт нужно, надо и побеждать». Мы были с ним вполне согласны. «К тому же внутренний фронт потребует много вооруженных сил. Враг внутри страны еще не сломлен».

Я тогда не придавал большого значения последним словам Пети.

В огромном зале парткома все были в сборе. Под большим портретом Ленина, за простым письменным столом, сидел секретарь комитета. Он смотрел на красное сукно стола и хмурил седые брови. Не успели мы рассестись по

стульям, как он подбежал к нам. Быстро пожал руки и взволнованно сказал:

— Только что получена телеграмма из уезда. В селе Михайловке зверски убиты местными бандитами шесть коммунистов. Между убитыми—секретарь уездного парткома и член ревкома. Убийство безусловно политическое. В этом уезде настроение крестьян благополучное. Вы это хорошо знаете. Но это второй случай убийства в этом районе. Вам, тов. Борин, и вам, тов. Михеев, губком поручает немедленно же расследовать на месте это дело. Губчека должна, наконец, начать работу.

Секретарь, все еще хмурясь, ушел за свой стол. Позвонил в маленький колокольчик. Когда в зале стих разговор, он сказал:

— Товарищи, на повестке дня два вопроса: 1. Доклад о внутреннем положении. Докладчик—приехавший из Москвы тов. Герасим. 2. Текущие дела. Порядок принимается. Слово тов. Герасиму.

Мы внимательно прослушали доклад. Товарищ центро-вик говорил о том, что все окраины республики горят в огне белогвардейских восстаний; он приводил факты и цифры. «Кольцо восстаний суживается вокруг центра мировой революции,—говорил он.—Мировой мешок с золотом всеми силами поддерживает царских генералов—Колчака и Деникина. Почувяв приближение своих друзей, вся внутренняя реакция выползла из подполья. Большинство российской интеллигенции ведет работу паникеров, смутьянов, провокаторов и организует террористические выступления. Партии эсеров и меньшевиков служат не за страх, а за совесть буржуазии. Они пытаются свалить революцию в бездну. Белому террору должен быть противопоставлен красный. Нужно произвести генеральную чистку

у себя в тылу. Нужно мобилизовать на борьбу все честное, что есть в стране. Нужно показать всем, что рабочей революции грозит смертельная опасность. Каждый час дорог, товарищи; Центральный комитет призывает вас работать с особым напряжением, в особенности ЧК. Враги должны быть разбиты сначала внутри страны».

Разошлись с собрания поздней ночью, глубоко потрясенные. По дороге я чистосердечно сознался Пете:

— Я никак не предполагал, что у нас так плохо. Газеты этих сведений не давали. Сводки тоже. Нужно действовать энергичнее.

— Да,—согласился Петя.—Мы живем на вулкане. Борьба только еще начинается... И, пожалуй, не скоро закончится.

Наш разговор прекратился. Мы долго шли молча по темным улицам уснувшего города. Над нами сияли звезды. Деревья склоняли свои темные шапки. Кое-где в занавешенных окнах еще теплились желтые огни. Лаяли собаки.

У здания ЧК мы распрощались, условившись рано утром отправиться в дорогу.

* * *

Мы двинулись в путь в 6 часов утра. Две рессорные почтовые брички быстро помчали нас по глухим переулкам. Колеса прыгали по высохшим кочкам. Бричка часто накренялась то в одну, то в другую сторону, попадая в воюющие лужи. Чем дальше за город, тем домики делались все ниже и старше. Но зато все больше деревьев попадалось по обеим сторонам дороги, и больше и чаще из-за убогих домиков выглядывали фруктовые сады в полном цвету.

Вот и река, подернутая легкой мелкой рябью. А вон и далекая степная ширь с синими и фиолетовыми пере-
ливами. Утренние туманы гнездились по балкам и овра-
гам. Степное просторное и глубокое небо свежо. Всех
опьяняют запахи трав и весенних степных цветов.

Хо, хо, хо!—кричит Федор. Он сияет от избытка
радостных чувств. Козырек солдатской фуражки съехал
у него на ухо.—Поддай-ка, братец-ямщикок. Ну-ка! Това-
рищ, да стегани же гнедую. Эге. Вот так. Эх! Э-э-эх! Разлю-
ли-малина!

Федор даже прыгает на сиденьи. Коляска мчится
во весь дух. Петя сидит на переднем месте против
нас, спиною к кучеру, русую бородку треплет ветерок.
Из-под хмурых бровей смеются голубые глаза. Одет он
в военное. Летняя зеленая солдатская гимнастерка, кар-
туз, солдатские серые шаровары и желтые английские са-
поги. Он полной грудью вдыхает степной воздух. С до-
вольным изумлением смотрит на Федора.

— Прыгаешь, молодец? А, правда, хорошо, Федя?—
шутит он. Федор смеется всем своим широким скуластым
лицом. Маленькие черные глазки горят.

— Хорошо было бы пофантазировать о будущем... Ну-
ка, объясни, тов. Борин, как будет здесь, в деревне, потом...
когда мы победим? Вот интересная задача. А ну-ка, объ-
ясни.

Петя помолчал, потом сказал:

— Нынче надо не фантазировать, а действовать. За-
дача не в том, чтобы объяснить, как будет, а в том, чтобы
переделать существующее. Однако, как хорошо кругом!

* * *

Наша бричка мчалась среди зеленых посевов. Преры-
вистый ветер пробежал волнами по хлебам и развевал

хвосты и гривы наших лошадей. Пристяжная на бегу смешно разбрасывала ноги в стороны.

Даль светлела, зеленела и розовела. На востоке горело красное и желтое золото. Мы взбирались на холмистый, поросший яркой зеленью склон оврага. Лошади пошли устало. Мы сошли с брички и принялись помогать лошадям, подталкивая бричку сзади. У самого гребня оврага мы встретились с ликующим горячим солнцем.

— Ура солнцу!—шутливо крикнул Федор:—ура!

Мы со смехом смотрели на кричащего Федора. Наш кучер, старик, бородач тов. Микита, и тот снисходительно ухмылялся на выходку Федора.

— Ха, баловник!—пробасил он с высоты козел.—Солнцу-то ура? Хе-хе-кхе. Пушай его. Все от бога.

Микита пренебрежительно махнул кнутом на солнце.

— Не от бога, тов. Микита, а из природы все взялось. А бога-то нет, вот что, — вызывал Микиту на спор Федор.

— А кто ж его знает?—уклонился от дальнейшего разговора Микита. Погладил седую бороду. Насупил огромные рыжие брови. На темном морщинистом лице застыла суровость.

* * *

Через полчаса новая почтовка мчала нас. В полдень мы отдыхали в степи, закусывали. Опять мчались, а к вечеру уже подъезжали к 53-й версте по тракту. Отсюда нужно было свернуть вправо от дороги и проехать лесом 5 верст, чтобы попасть в Михайловское.

Наш новый кучер Андрон гнал лошадей во все лопатки и почему-то подозрительно оглядывался по сторонам.

«Почему это?»—думал я, но у него не спрашивал.

В сорока саженьях от леса залегла травянистая канава с водой. Здесь Андрон решил напоить лошадей. Мы не сопротивлялись. Но опять мне показалось подозрительным его поведение: всего ехали с четверть часа, лошадей поили при нас на станции,—и вдруг вновь поить лошадей. Опять три сотрудника губчека и мой секретарь, ехавшие на второй бричке, обогнали нас и скрылись в лесу.

Стемнело. Вершины леса резко чернели на бледно-зеленом фоне неба. Пахло лесной свежестью и хвоей. В траве трещали кузнечики. У водопоя ржали наши лошади.

— Пора бы ехать. Чего он там мешкает?—сказал я вслух и крикнул:—Эй, товарищ кучер!—В ответ совсем близко раздался выстрел, а вслед за ним трахнул залп. Пронзительно зазвенели над нами пули. Шагах в пятидесяти от нас, ближе к лесу, появилось несколько темных фигур. На синем фоне леса блеснуло яркое пламя.

Вновь раздались выстрелы и зудящий свист пуль вверх.

— Измена! Предательство!—крикнул Петя.—Ты ступай вперед,—толкнул он меня,—да смотри лучше по сторонам. Мы будем защищать друг друга с тылу и отступать к лесу.

Мы быстро достали револьверы из кобур и стали отходить к лесу. Кругом темнело все больше и больше. Но предательское кольцо бандитов сближалось и окружало нас. Выстрелы раздавались чуть не в десяти шагах.

— Бежим,—шепнул нам Петя,—бежим прямо в лес... Иначе окружат.—В это мгновение перед нами, точно изпод земли, вынырнул силуэт широкой фигуры в шапке и с винтовкою в руках. «Обошли»,—подумал я.

— Напролом!—крикнул Петя.

Мы трое выстрелили на бегу. Фигура всплеснула руками, подпрыгнула и грузно шлепнулась на землю. Путь был свободен. Мы побежали изо всех сил. Вот уже за

нами осталось одно темное дерево. Потом их появилось сразу несколько. Еще пара прыжков, и нас обступили десятки деревьев. Наконец чаща леса раскрыла свою мохнатую пасть и поглотила нас. За нами первые минуты были слышны выстрелы. И в листве деревьев еще повизгивали пули. Падали на наши головы отрубленные ими ветви. Но мы свернули с большой лесной дороги влево, в самую непролазную чащу, и погоня осталась где-то позади.

* * *

Бегство в дремучем лесу темной ночью было для нас непривычным делом. Как мы не разбились на смерть, остались живы—было неразрешимой загадкой. Наша одежда разрывалась в клочья. Все, что попадалось по пути, било, царапало, опрокидывало нас с ног. В ушах стоял сплошной звон от ушибов... Не знаю, долго ли мы так бежали. Наконец, утомление одержало верх, и мы остановились передохнуть. Не только лицо и руки, но и все тело было изранено и избито. Голова была в кровоподтеках, ссадинах, ушибах, шишках. Я не чувствовал боли. Она, мне казалось, заползла во все места моего тела, которое ныло и болело.

Федор пострадал больше нас. Он при падении распол кожу руки от кисти до локтя о какой-то острый сук. Он стонал. Мы в потемках на ощупь устроили ему перевязку. Разорванные рукава рубашки и гимнастерки послужили бинтом. Потом мы уже тише, с большей осторожностью, продолжали продвигаться дальше в колючем, хлеставшем мраке. Шли, выставив вперед руки, еле-еле передвигая ногами.

Этот последний путь был темен и мучителен. Казалось, что вокруг нас был не воздух, а целый океан чернил.

К тому же в лесу было совсем тихо. Я ясно слышал дыхание товарищей и их шаги, но ничего не мог видеть. Только слабый прерывистый шум листвы вверху да треск сухих сучьев под ногами говорили за то, что мы в лесу. Наконец, когда мы уже изнемогали, в просвете между деревьями блеснул огонек. Потом другой. И целый десяток их загорелся впереди. Мы у жилища. «Но, может быть, эта деревня занята бандитами,—подумал я.—Ведь не спроста был сделан налет. И тогда идти в нее—значило бы идти на бессмысленную мучительную смерть».

Эти же мысли были и у товарищей. Первая радость сменилась сомнениями. На опушке леса мы остановились и на виду неведомых огней посоветовались. Решено было отправиться в разведку. Пошел Петя. Он пострадал меньше нас. С двумя наганями в руках он ушел в темноту. Мы присели на землю и ждали его возвращения, чутко прислушиваясь.

*
*
*

Прошел, приблизительно, час томительного ожидания. Наконец, в стороне показались качающиеся огоньки и слышался кричащий голос Пети. Мы побежали навстречу. Увидели его в сопровождении нескольких десятков хорошо вооруженных людей. Четыре человека несли фонари. Мы были спасены. По дороге Петя сказал мне, что за эту ночь мы прошли и пробежали в потемках целых 15 верст. Лесом мы вышли к местечку Р...

Оно находилось в 55 верстах от губернского города. Товарищи, с которыми Петя явился, были местными коммунистами и беспартийными членами совета.

На наше счастье в местечке оказалась полусанатория-полубольница. Нас привели туда. Там испуганные спросонок

няни и дежурная фельдшерица оказали нам первую медицинскую помощь. Я и Федор чувствовали себя скверно. Федор временами стонал. По настоянию Пети был разбужен и затребован санаторский доктор. Заспанный, хмурый седой великан-доктор внимательно осмотрел наши раны. Сам сделал перевязку, затем сказал:

— Нужно подлечиться.

— Долго?—спросил Петя.

— Не знаю,—сухо ответил врач. Хмуρο посмотрел в угол операционной.—Может быть, дни, а может быть—и недели.

Петя через местный совет устроил нас в санатории, а сам, не отдохнув и не переодевшись, в сопровождении вооруженного отряда, поскакал в Михайловское.

* * *

Остаток ночи прошел для меня без сна. Ныли ушибы и раны на шее. Беспокоил столами Федор. У него нестерпимо болела раненая рука.

Нас устроили в угловой маленькой комнате. Здесь у окна я просидел до восхода солнца.

Под утро поднялся ветер. О карниз окна билась и скрипела ветка. Стонал Федор. Скрипела, повизгивая, ветка, ныли ушибы и царапины. Мое сознание давила тяжесть пережитого за день. Какая-то особенно тупая и мучительная.

Я прислонил лоб к холодному стеклу. Тусклые пред-рассветные сумерки сменили ночь. Своя серовато-синий туман в окно виднелся темный сад. Еще дальше, за садом, в синей дымке тумана поднимался холм. На холме чуть вырисовывались постройки. Где-то далеко прокричал петух. Я отошел от окна и, не раздеваясь, прилег на постель. Федор уже спал, тяжело дыша.

Обедали за общим столом. Судя по числу приборов, в санатории обедало около сорока человек. Больные медленно собирались по звонку. Было шумно. За едой нервно шутили и смеялись. Мне бросился в глаза пролетарский вид больных. Я поделился этим замечанием с соседом, худощавым, длинноволосым, остролицым блондином.

— Здесь все коммунисты, — кратко бросил он мне и, не глядя в мою сторону, принялся сосредоточенно есть суп.

После обеда я помог Федору улечься на постель, а сам спустился в нижний этаж, в общую санаторскую гостиную.

Среди статуэток, зеркал и тропических растений отдыхали больные, развалившись по мягким диванам и креслам. Одни играли в шахматы и шашки, другие курили. Я присел в угол и принялся рассматривать висевшую напротив картину — какой-то солнечный морской пейзаж. Минут 15 было спокойно и тихо. Вдруг двое шахматистов заспорили. Стали горячиться, кричать, привлекая внимание соседей. Шум все усиливался. Один из спорщиков, смертельно бледный, поднялся. Вытянулся во весь рост, широко раскрыв глаза, и закричал: «Э... э!» Это был дикий крик. Его сосед, сидя, стал понемногу всхлипывать, моргать глазами. Вдруг он откинулся на спинку дивана, захлебываясь в истерике. В гостиной поднялась невообразимая суматоха. Трое больных истерически всхлипывали. Один бился в припадке на ковре. Другой — высокий, худой — стоял на коленях у зеркала с закрытыми глазами. Он громко и отрывисто командовал несуществующим полком: «Пуле-меты. На-пра-во. Полк смир-но. Бей прикладом. Коли штыком. Не жалей, братцы, генеральских мундиров. Раз-два. Р-аааз!» Двое упали на ковер в обмороке. Остальные бегали по залу, задевали друг друга и кричали. Этот крик раскалывал мне голову. Мне

стало страшно. На шум прибежали няни, толстушка-фельдшерица и хмурый седобородый фельдшер. Давали почти всем успокоительные капли. Еще больше успокаивали словами. Наконец, переполох улегся; няни развели и разнесли утихших больных по комнатам. В опустевшей гостиной стало совсем тихо. Я был один.

И только теперь мне стала понятна та гигантская драма, участником которой был и я. Наиболее тяжелая часть ее скрыта от нас в земле и за стенами санаторий и лечебниц. Она стоит в стороне от победоносного бега великой революции. Припадок открыл мне щемящую картину крестного пути борцов за революцию. За будущее человечество они отдают все: здоровье, силу и жизнь. Ради него они целиком отрешаются от личного счастья и здоровья. Приносят себя в жертву революции, не требуя ничего в награду. Им от природы дано столько же здоровья, сколько и всем. Но они горят ярким пламенем самоотречения в неустанной работе, в голодных, нищенских условиях, тогда как другие только тлеют. И быстро сгорают эти великие и в массе незаметные герои. Вот их остатки по санаториям и больницам мучительно ждут здоровья. Затем его жалкие доли вновь растрачивают в утомительной сверхчеловеческой борьбе за освобождение труда. А потом опять санатории, и опять тоска по живой революционной работе...

* * *

В 4 часа приехал Петя в сопровождении трех сотрудников. Он был бледен и возбужден.

— В чем дело, Петя?—тревожно спросил я.—Что нового?

Петя устало бросился на стул. Гневно сжал кулаки.

— Был целый день в Михайловском. Видел убитых. Производил дознание. Несмотря на то, что там втайне ра-

ботаю мои агенты,—ничего неизвестно. Фу-х! Я привез с собой оттуда одного серьезно раненого—рабочего, члена совета.

Оказывается, они умертвили там не шесть, а семь человек, и одного этого не добились.

Петя вскочил со стула. Нервно зашагал по комнате.

— Вот на него только надежда. Поправится он от горячки—расскажет. Не поправится—дело плохое. Андрона, кучера, искали, нету—сбежал.

Петя вновь сжал кулаки.

— Ты не представляешь себе, какие это звери. Какая бесчеловечность! Сначала вырезали на спинах РСФСР. Потом отрезали уши. У живых людей. Понимаешь? Потом кололи штыками: на секретаре парткома обнаружено девять штыковых ран.... У многих перебиты руки и ноги, прикладом разбиты головы. О, мерзавцы!

Петя вновь забегал по комнате.

— Но кто, кто это сделал?

— Раненый внизу?—спросил я.

— Да, его там перевязывают. Пойдем посмотрим. Бедняга.

Внизу, в операционной, я увидел сильного мускулистого человека без рубашки. Его держали за руки четыре сиделки, ноги раненого были связаны. Старик фельдшер бинтовал грудь и сильно хмурился.

— Ну, как?—спросил у него Петя.

— Плохо. Вряд ли долго проживет. Кажется, кровоизлияние внутрь и загноение.

Раненого положили на носилки. Он перестал стонать. Но когда его выносили из операционной, он вдруг закричал иступленным ревом: «Мааа-ша, как же ты будешь? А-а-а. Ми-л-л-а-я-ая... Ох!... Реж-ж-ут... И-ах... И-ах!»

Его унесли.

— Надо действовать немедленно. Здесь пахнет чем-то плохим,—сказал Петя, когда мы остались одни.—Знаешь, что, Миша? Давай-ка поедem в губернию. Я не хочу тебя и Федора оставлять здесь. Здесь ненадежно. Поедем.

Я ему передал, что доктор запретил мне и Федору оставлять санаторию раньше, чем заживут большие раны: у меня на шее и на груди, у Федора на руке.

— Тем более Федору нельзя ехать,—сказал я.—У него жар. Температурит.

Петя подобрал губы.

— Хорошо. Только вы оба, в случае чего,—смотрите, дайте мне знать немедленно. Здесь есть ребята, но все молодежь: неосторожны. А я еду в город сейчас же—срочно вызывают. Прощай, дорогой друг.

— Прощай, Петя.

Мы обнялись. Потом зашли к нам в комнату. Попрощавшись с Федором, Петя сошел вниз. Через минуту из своего окна я увидел, как его бричка покатила в гору. Из-под копыт лошадей поднимались клубы пыли и ветром относились в сторону. За бричкой в пыли скакало пятеро верховых. Вот бричка перевалила за бугор и скрылась—точно утонула в красном закатном небе. Эту ночь я долго не мог заснуть. В соседней комнате уложили раненого. Он мучительно стонал, кричал и бранился. В час ночи он замолк. А на утро я узнал, что он умер ровно в час ночи.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Следующие дни я был предоставлен исключительно самому себе. Захолустная санаторная обстановка создавала впечатление полной оторванности от жизни. Точно я на-

ходилась не в 60 верстах от губернского города, а где-нибудь на краю света.

Санаторцы больше походили на монахов, чем на больных. В первый же день я почувствовал, что значит не иметь утром газеты—не знать, что ты будешь делать круглые сутки. Вся тяжесть растительной жизни была для меня особенно остро ощутительна именно здесь. Проснувшись, бродишь по коридору и залу санатории. Пьешь, ешь, спишь. Вот и все. Организовывать какие-нибудь вечеринки, любительские спектакли вполне резонно запрещал врач. Вести какую-нибудь работу в местечке также было строжайше запрещено. Оставалось или самоуглубляться, чего я терпеть не мог и не умею, или ничего не делать и терпеливо ждать выздоровления. Я решился на последнее.

* * *

Первые дни от нечего делать я знакомился с окружающей обстановкой. Узнал многое. Я узнал, что наш хмурый старик фельдшер в этой санатории служил уже 20 лет. До Октябрьской революции он был махровым эсером. При советизации края его сын, поручик царской армии, и дочь, гимназистка 7-го класса, сбежали в Сибирь к белым. Теперь он прикидывался честным беспартийным, но на самом деле ненавидел революцию и ее творцов. Я сам убедился в этом.

Как-то утром, во время перевязки, он попросил меня дать о себе сведения.

— Для анкеты, требует губерния,—прибавил он.

После перевязки он сел за письменный стол. Надел на свои серые подслеповатые глаза большие роговые очки. Глядя на меня исподлобья, стал задавать анкетные вопросы. Я отвечал. Он, не спеша, записывал ответы. Когда

дело дошло до графы «партийность», и я без заминки ответил, он весь как-то съежился. Записывая, скорчил на лице полунасмешку, полугримасу и сказал: «В большевиках, значит, состоите». В его голосе прозвучала неприкрытая злобная нотка.

Кроме него в санатории находились две фельдшерицы. Одна была худенькая, бледная женщина с большими синими кругами под глазами, шопотным разговором и робкими движениями. Она словно была чем-то сильно напугана и всего боялась. У нее, говорили, был туберкулез.

Другая фельдшерица долго привлекала мое внимание. Это была типичная жирная базарная торговка. Все у нее было крикливо—от вертлявой походки, резкого голоса, пестрого коврового платья и до ярко желтых волос.

Она умела самые любезные слова произносить грубым тоном. Если ее приходилось слушать издали, то всегда казалось, что она с кем-то ожесточенно ругается. На самом деле в эти минуты она вела самую мирную беседу. О ней говорили, как о жестокой женщине. И на самом деле, когда она делала санаторцам перевязки, то даже мне со стороны было больно смотреть. Она буквально срывала марлю с запекшейся кровью от ран.

Все больные относились к ней недружелюбно, и она это знала.

Ознакомившись с ней и стариком фельдшером, я решил при первой возможности сообщить о них в губернский здравотдел.

Непосредственно нас обслуживали няни. Они работали в санатории посменно, а жили в 3—5 верстах по деревням. Здоровенные, краснощекие крестьянки-няни ласково обращались с больными—зачастую даже слишком ласково.

* * *

Большинство больных оказались рабочими. Часть из них уже давно отошла от производства. Другая, большая часть—только с Октябрьских дней. Кроме рабочих, в санатории лечились также несколько красных солдат-партизанов. Все они были героями революционного долга. Дали все, что могли, нашему делу. О каждом стоило написать большую, захватывающую, полную героизма книгу.

* * *

С двумя из больных я близко сошелся. Это были мои соседи по обеденному столу—и оба завзятые шахматисты. Санаторная скучища заставляла нас играть в шахматы по пяти-десяти партий в день.

Первым из них был мой неразговорчивый сосед, ответивший мне как-то за обедом: «Здесь все коммунисты». Он состоял редактором губернской газеты. Несколько месяцев назад его привезли в санаторию. Пёреработался. На работе стали одолевать нервные припадки. Да и немудрено: он работал и за корректора, и за журналиста, и за редактора. Руководил книгоиздательством, замещал много начальников и заведывающих губернских аппаратов. Состоял в десятке комиссий, был активным членом губкома—и все один. В губернском городе у него остались жена и трехлетний ребенок. Он их любил и тосковал без них. Это был начитанный, по-большевистски мыслящий человек. Но его одолевала серьезная болезнь. Нервная система работала с острыми перебоями. Временами на него нападали припадки слепой раздражительности. В такие моменты он был невменяем.

Вторым санаторцем, с которым я близко сошелся, был военный комиссар бригады — рабочий-путиловец Ветров. Лицо у него было хмурое, загорелое и энергичное. Большие

черные усы свисали вниз. Говорил он баском и как будто лениво. Любил шутить. Мы хохотали до боли, до слез, слушая его замечания «по существу» или реплики за шахматами. Вся соль его юмора была непередаваема. Она заключалась в несоответствии смысла и произношения. Он был контужен в голову, и часто с ним случались припадки. Я всего только один раз видел его в эти минуты. Безжизненно стеклянели глаза и каменели черты его лица. В этот момент на него было жутко смотреть. После каждого припадка он лежал несколько дней.

Наконец, моим третьим, правда — старым другом являлся Федор Федосеев. В отношении нервов он был здоров, как пень. Сильно мучила его пораненная в лесу рука. Чтобы представить его себе, нужно вообразить олицетворенную хитрость, скрытую под маской простодушия и даже легкомыслия. Федор представлял собой необыкновенный талант самородка-следователя. Как паук, он умел плести невидимые сети дознания. В жизни он почти всегда что-нибудь и кому-нибудь рассказывал, но еще больше расспрашивал. Бывало, болтает час-другой, ничего путного не скажет, а всех присутствующих заставит высказаться о себе. По происхождению он был крестьянин, но с крестьянством порвал еще задолго до революции.

Его философия была очень проста и ясна; он иногда говорил мне: «Я, братец ты мой, все время на войне. И еще долго на войне будут. Вояка я. Я, братец, думаю так, что нужна полная победа, а не мир. Мир-то, братец, чепуха на постном масле. Никогда наши враги не примирятся с нами. Волков и овец не примиришь. Да и не к чему примирять,—врагов уничтожать надо. Вот какой я, братец ты мой, вояка. Ха-ха-ха!»

Но такие разговоры он вел очень редко и только с близкими друзьями. Между прочим, в санатории не сообщил ни своей партийности, ни настоящей должности. А назвался беспартийным завхозом. Об этом он меня предупредил еще в первый день нашей санаторной жизни.

Вот с этими друзьями в тяжелой санаторной обстановке я и проводил все время.

На четвертый день после обеда тов. Стрепетов предложил нам прогуляться по местечку. Федор отказался—пошли трое: я, Ветров и Стрепетов. Поднялись на бугор. Вечерело. Солнце еще не зашло, но наполовину уже скрылось за дальним лесом. С бугра, как на ладони, открывалась вся окрестность. В зеленой массе леса выделялись островки деревень. От нашего бугра вниз тянулась главная улица местечка и обрывалась у реки. За нею расстился луг. А позади нас на десятки верст разбросалась степь, гладкая, широкая, озаренная красными лучами солнца.

Стрепетов взял на себя шутливую роль руководителя прогулки.

— До ужина мы все по порядку успеем осмотреть,— говорил он:—а интересного много.

Мы пошли вниз по улице. Стрепетов быстро вошел в роль путевода.

— Вот этот кооператив,— сообщил он,— интересная штука; заведывает им местный кулак—Ничипор. Пайщики выбрали. У него девиз: не до жиру, а быть бы живу.

Мы шли дальше.

— А вот эти ворота, что вымазаны дегтем, принадлежат родителям невесты председателя совета. Славная девушка! Кто вымазал—неизвестно. Вон в том желтеньком домике с карнизом и занавесками проживает наш врач—вождь здешнего эсеровского подполья—Павел Иванович Жигла.

— Как!—в один голос воскликнули я и Ветров.—Здесь есть эсеровская организация?

Стрепетов произвел успокоительный жест:

— Только не кричите. Есть, и даже сильная. Я вам это неспроста говорю. Вот отойдемте дальше—покалякаем. Но я отвлекся. Дальше. Вот там, видите, в долинке, в березях усадьба. Там жил член ЦК партии эсеров. Он раньше заведывал местным домом для умалишенных. Теперь в этом здании, где он жил раньше, помещается школа.

— Здесь есть дом для умалишенных?

— Да. Я же вам сказал. В двух верстах отсюда. Говорят, там безобразия творятся, но насколько верно—это вопрос.

Мы перешли мостик. Внизу журчала вода.

— Вот здесь,—указал Стрепетов на зеленый холм под двумя елями,—здесь похоронен зверски убитый местный партийный рабочий. Славный был парень, говорят. Видите ли, он послал донос на эсеров, но послал его по почте, а на почте сидит заведывающий, как говорят, сам секретарь местной организации эсеров.

Мы вышли за местечко. Кругом нас было пустынно.

— Теперь мы сможем говорить свободно. Пойдемте вот по этой дороге—она широкая и прямая, дальше видно. Дело вот в чем, товарищи,—лицо Стрепетова стало серьезным:—сегодня утром я лежал возле мостка в кустах, припадок был. На мостке остановились и разговаривали два местных бородача-мужика. Они меня не видали и во-всю негодовали на разверстку. Если только правда, то здесь орудует мерзавец упродкомиссар. Во всяком случае, похоже на правду. Один мужик говорил, что у него все зерно забрали дочиста. Нечего есть. А богатея-то,—вон этого Ничипора, кооператора—не трогают. Ругали советскую власть—

скверно ругали, называя висельниками коммунистов. Пообещали скоро показать нам кузькину мать. Говорили о каком-то Степке-головорезе, о теплых ребятах из лесу, о некоем радетеле. Обещались рассказать старикам в селах. «Неча,—говорят,—врать-то; это-то советская власть, да не та, а другая: тут жида да воры орудуют, мол, дохтур Павел Иванович сказывал. Вот мы, мол, им покажем». Ну, а нашего врача зовут Павлом Ивановичем—мотайте на ус. Да-с, вот что. Об организации эсеров здесь каждый коммунист знает—эсеров всех знают наперечет. Только с поличным уловить не могут. Хорошо подпольничают.

Ну, что вы скажете?

Я рассказал об убийствах в Михайловском.

— Надо бы нечто предпринять,—буркнул Ветров.

— Сначала повернем назад,—предложил Стрепетов,—а затем я внесу предложение.

Мы повернули обратно. Уже стемнело. Поселок сиял огнями. С реки несло сыростью. Где-то хороводила деревенская молодежь. Пели песню унылую и заливную.

— Прежде всего будем внимательны. Это основное. Потом нужно предупредить здешних ребят и губернию. Потом нужно спровоцировать доктора на откровенность. Разозлить его и узнать, что теперь предполагается с их стороны. Это беру я на себя,—говорил Стрепетов.—Потом мы установим слежку за врачом. Этим придется заняться нам всем. Завтра еще поговорим. Ну, теперь молчание. Мы переходим мост. Направо—видите—шесть огней. Это местный рабочий клуб. Но руководит им бывший эсер, как говорят—профессиональный террорист.

Было уже темно, когда мы вошли в санаторию.

После ужина Стрепетов шепнул мне: «Ступайте на электризацию. Будет интересно». Я сошел вниз и в дверях докторского кабинета столкнулся с врачом.

— Разрешите мне на электризацию? Любопытно,— сказал я.

— Пожалуйста. Любопытство—полезная вещь.

Я вошел за врачом в кабинет. Там было темно. В теплой, душной комнате стояло шесть человек больных. Среди них был Стрепетов. Доктор любезно шутил со всеми. Разговаривая, облачился в серый халат и сказал: «Приступаем».

Было полутемно. Затрещала ручная электрическая машина. На конце электрического душа загорелись синеватые искры. Искры потрескивали, гасли и вспыхивали вновь. Врач смотрел на часы и вел разговор со Стрепетовым.

— Так... Явление вполне реальное—электричество.

— Но не материальное.—Доктор как-то по-волчьи оскалил зубы.

— В широком смысле—материальное электричество везде, его можно всюду извлечь из любого предмета. Да оно же лежит в основе первичных элементов материи, атомов. Нельзя отрицать последних данных науки.

— А что эта ваша хваленая наука знает? Ничего.

— Доктор, это очень смело. Наука—это аэроплан, телеграф, радио, рентгеновские лучи, жизнь в капле воды, астрономия, теория атомов. Доктор, вы впали в пустячки. Мягко выражаясь, вы говорите не серьезно.

— Наука всего не знает.

— Это неважно: она знает много и будет знать больше.

— Но кто создал мир, наука знает?

— Никто не создавал,—говорит наука. Природа вечна.

— Вечна? Ха-ха-ха! Мы многого не знаем, дорогой друг. Нам многого не дано знать.—Доктор опять оскалил зубы:—Да, не дано.

— То-есть как не дано?

— Мы, например, не знаем, где начало мира и где его конец. Не знаем, да?

— Узнаем. Да это не столь существенно.

— Не знаем, что значит беспредельное. Не знаем границ мира—мы ничего не знаем. Нам многого не дано знать.

— Вы, как видно, веруете в бога, доктор? Ха-ха!

— Да, вы напрасно смеетесь. Верую.

— Тогда зачем же вы поступаете своей верою? Зачем кошунствуете—лечите? Ведь все от бога, и болезни стало быть от него.

— Профессия...

— Только-то? Бедные мы пациенты. Доктор! Вы—ходячий покойник. Вам нельзя быть врачом. Ступайте в монастырь.

Доктор промолчал.

— Следующий, садитесь под душ.

Опять затрещало электричество. Еще ярче сверкали и громче потрескивали изумительно красивые электрические искры. Стрепетов не отставал от врача.

— Доктор, какова же ваша действенная программа? Неужели вы зовете все человечество в церковь? Призываете сломать науку и сжечь ее достижения?

— Знаете что, тов. Стрепетов? Мы когда-нибудь наедине поговорим о программах и вообще. Теперь не место.

— Как видно, вы отрицаете материю?—не унимался Стрепетов.

— Нет, не отрицаю; но не она первоисточник. Первоисточник—дух. Вот что говорю я.

— Дух? Это неуловимо и непонятно.

— Да, дух. То-есть то, чем вы живы.

— Мой организм живет пищей.

— Через сознание, вот в чем тут дело. Вначале вы должны пожелать есть.

— Но ведь я пожелаю есть тогда, когда явится физическая потребность в еде.

— Нет, вначале следует осознание, а потом является потребность. Как следствие—является потребность.

— Сознание определяет бытие человека, хотите вы сказать?

Врач снова не ответил.

— Следующий,—сказал он. И добавил Стрепетову:— Жизнь покажет, на чьей стороне правда. А вообще болтать—вредно. Особенно вам. Но как-нибудь на-днях вы узнаете мою действенную программу. Поверьте мне. И тогда поговорим.

Мне показалось, что глаза доктора сверкнули в потемках.

— А пока попрошу всех оставить кабинет. Один из ваших товарищей, хотя он и исповедует материализм, вынужден прибегнуть к нематериальной вещи, к лечению внушением—гипнозу.

Выходя, Стрепетов огрызнулся:

— Это еще большой вопрос, насколько гипноз нематериален. Он действует только на близком расстоянии. Попробуйте загипнотизировать кого-нибудь из ваших за границей. Ну, хотя бы Чернова. Уверен, что не сумеете.

* * *

Когда я поднимался по лестнице к себе в комнату, то почувствовал за спиной чей-то взгляд. Я быстро огля-

нулся. В углу у стены стоял старик фельдшер. Кулаки у него были сжаты. Брови и губы плотно стиснуты. Он смотрел на меня раскаленным взглядом поверх больших роговых очков. Заметив, что я оглянулся, он скрылся за углом лестницы. В комнате я застал Федора. Он писал письмо. Я прервал его занятие и подробно рассказал ему все, что узнал от Стрепетова. Сказал также о том, что мы троим решили предпринять. Он с минуту подумал и затем отрезал:

— Лечитесь и не делайте глупостей. Никаких слежек не устраивайте. Во всяком случае меня оставьте в стороне... Так-то, братец. А сами действуйте, как знаете.

Затем он дал мне прочесть свое письмо. Там было сказано дословно все, что я сегодня узнал от Стрепетова. Оно было адресовано предгубчека и пересылалось не по почте.

— Теперь давайте, братец, спать,—предложил Федор.— Утро вечера мудренее. Х-ха!—И тут же внес поправочку:— То-есть завтрашнее утро мудренее сегодняшнего вечера.

* * *

Утром ко мне явились гости. Я только что умылся и поднимался к себе наверх. У двери своей комнаты я увидел военного и женщину в костюме сестры милосердия. Лицо военного показалось мне знакомым. Где-то я уже встречал эту курчавую рыжую бородку, этот нос с горбинкой и два большущих серых глаза.

— Вам кого?—спросил я.

Военный внимательно посмотрел мне в глаза и вдруг стремительно бросился на меня с криком:

— Тебя нам нужно, чорт полосатый.

— Тут только я узнал его. Это был мой друг, гомельский рабочий Арон Шеенсон. Мне было бы на много

легче представить себе встречу с Ароном где-нибудь на луне, чем в этой глуши. Но Арон не дал мне времени для расспросов.

— А вот знакомься: красная сестра милосердия—Феня Маслова.

— Зеленая,—шутливо добавила сама Феня:—я только что окончила курсы.

— Ну, не форси, Феничка. Ты знаешь, ведь она уже два года на фронтах. Героиня. Хо-хо!

Мы вошли в комнату. Я познакомил прибывших с Федором.

— Какими судьбами?—задал я вопрос Арону.—Мне что-то удивительно.

— Много, брат, бывает удивительных вещей на свете. Однако, слушай. Я—секретарь местной партийной организации. Попал сюда по своему желанию. У меня такой характер—люблю развернуться в работе.

— Но ведь ты последнее время работал в Минске?

— Ничего не поделаешь. Перебросили. Говорят—хороший организатор, а я не верю.

— А сестрица?—полюбопытствовал Федор.

— Она практиканткой в доме умалишенных. Ха-ха!

— Эта работа тяжелая с непривычки,—сказал я.

— Сама хотела. Ее в губернии все уговаривали не ехать. И я уговаривал, и предчека уговаривал, и секретарь губкома—она партийная. Не помогает.

— Потише вы о партийности,—оборвал его Федор,—да и сюда напрасно пришли.

Арон и Феня переглянулись.

Я, правда, не особенно опытный наблюдатель, но все же заметил, как Феня густо покраснела, когда Арон упомянул о Борине. «Здесь что-то есть»,—подумал я. Но расспрашивать не стал. Я знал от самого Пети, что у него где-

то на юге проживала жена. Знал, что он ее горячо любил и что она его тоже сильно любила. Они разошлись еще задолго до революции, с глубоким надрывом у обоих. О причинах разрыва я никогда не решался расспрашивать Борина.

Однако, эти мысли я тотчас отбросил. Феня была еще совсем девушкой. У нее были прекрасные прямые черты лица, девичья походка и стан, открытый взгляд больших голубых глаз. Взгляд этих глаз был строгий и искренний. Может быть, потому глаза казались такими, что они были окаймлены иссиня-черными бровями и ресницами.

Мы поговорили еще около часу о наших злоключениях.

Арон сердито сдвинул брови и обещал узнать «этого прохвоста упродкомиссара». Потом мы расстались. Феня ушла к себе на службу. Федор взял с нее обещание—пока с недельку никому не говорить про свою партийность и не заглядывать к нам.

Арон обещал заходить ко мне два раза в сутки. Федор благосклонно разрешил ему это.

После завтрака меня отозвал в сторону Стрепетов.

— Надо договориться. Идите в зал. Я приду с Ветровым.

В другое время и при других обстоятельствах я бы, пожалуй, отклонил этот заговорщический союз троих. Но я был без дела. К тому же у меня были основания для серьезных подозрений. Поэтому, не послушавшись вечерних наставлений Федора, я все-таки сошел в зал. Через минуту пришли мои друзья. В спешном порядке, шопотом, мы распределили время и роли. Все нити сосредоточивал у себе Стрепетов. Было решено следить за домом врача до и после ужина. Каждый дежурил по два часа. Стрепетов, кроме того, взял на себя связь с местной ячейкой и губернией. Решив действовать, мы разошлись. Мне предстояло дежурить с 9 до 11 часов ночи вместе с Ветровым.

В 5 часов пришел Арон и принес с собой свежие газеты. Это было для меня большой радостью. Кроме газет он принес еще кулек с конфетами. Час от часу становилось не легче,—Арон и конфеты были для меня несвязуемыми вещами. Но, видно, на самом деле все течет и изменяется.

Арона я знал еще с раннего детства. Мы жили вместе в одном доме в Гомеле. Моя семья проживала на чердаке, а его—в подвале. В темном и сыром подвале Арон и вырос. Из подвала ему был виден кусок грязного, вымощенного булыжником двора. На дворе круглые сутки стучал молотком его отец, колесник. Мы с Ароном часто играли на улице, частенько дрались, причем я всегда был бит. Начиная с детства, он все время работал с отцом, а 16 лет попал на выучку к портному. До революции работал швейником. В подполье он нес небольшую ячейковую парторботу. До конца 1918 г. я ничего не слышал о нем.

Но как-то однажды мне о нем рассказал раненый красноармеец, попавший к нам в городской лазарет южного фронта. Вот что он рассказал мне об Ароне. На юге, где жидоедство царским правительством было развито, в этой стране непрекращающихся погромов Арон руководил хохлами-повстанцами. Те шли за ним куда угодно и под его начальством проявляли чудеса храбрости. Украинцу тогда занимали немецкие оккупанты. Два раза хохлы-повстанцы выносили на своих плечах тяжело раненого Арона. Рискуя пытками и смертью, они лечили его на хуторе у своих. Все объяснялось очень просто. Арон являлся человеком положительного дела. Целиком принадлежал идее, за которую боролся, и в этом была его сила. Он никогда не обманывал, не обманывался сам и никому не спускал лжи. К тому же он был прирожденным бойцом

и организатором революционной борьбы. Крестьянскую психологию он знал до тонкости. Во всем остальном слыл большим простаком.

Когда Арон ушел, я сел просматривать газеты. Все они грозно писали: над республикой собирается черная туча. Со всех сторон, со всех окраин, к Москве движутся генеральские банды. Голод и эпидемия разыгрались на неорганизованном просторе бывшей России. Бил тревожный набат из края в край. Его могучие отзвуки растекались по всему миру... Из всего этого я сделал только один вывод—скорее поправляться да вновь за работу. Но рана на шее все еще не заживала. Она гноилась, требовала частых промываний и перевязок. Она привязала меня к санатории.

* * *

За ужином я заметил сильную возбужденность и бледность Стрепетова. Я спросил его, что случилось.

— У доктора в доме сейчас идет многолюдное собрание; будем следить.— И наклонившись ко мне совсем близко, он шепнул:—У них, кажется, есть стража, и они, как будто, поют молитву—не знаю только, какую.

Ужин мне показался невкусным, но я принудил себя и через силу съел его.

Соблюдая меры предосторожности, я незаметно выскользнул из санатории. Спешно взбежал на бугор. Перешел на противоположную сторону темной улицы и оттуда принялся наблюдать за домом доктора. Было свежо, и пахло дождем.

Шагах в пятидесяти от меня где-то находился Ветров. По условию мы обязаны были сообщать друг другу наиболее важные результаты наблюдения. Ночь стояла темная, туманная. На близком расстоянии было трудно видеть. Дом доктора сиял туманными, расплывчатыми пятнами окон.

По временам из него доносились не то песни, не то крики. Было моментами похоже, что там кричали «ура».

Через полчаса бесплодного топтания на одном месте я устал. Стала болеть шея. Захотелось спать. Показалось никчемным и дурацким торчать ночью у забора. С этой мыслью я пошел разыскивать Ветрова. Его нашел я сидящим на скамейке, шагах в двадцати от меня. Я высказал ему свою мысль. Он не возражал.

— Надоело,—сказал и он.

Мы решили приблизиться к дому настолько, чтобы, если не слышать, то, по крайней мере, видеть самый предмет нашего наблюдения. С двух разных концов улицы мы перешли дорогу. Вокруг дома с улицы никого не было видно. Мы осмелели и подошли вплотную к освещенным окнам. Стали ясно слышны крики, шумный говор десятков людей. Какие-то звонки и стуки.

— Надо заглянуть в окно,—предложил я.

Ветров молча утвердительно кивнул головой. Оперся об стену руками и предложил мне взобраться на его плечи. Мы осмотрелись. Туманная улица была пустынна. Я влез ему на спину и уже хотел было, взявшись за карниз, стать на его плечи. Но вдруг был кем-то сзади схвачен, легко поднят на воздух и с высоты сажени брошен на землю. Я больно ушибся, но сознания не потерял. Возле меня заревели хриплые голоса, послышалась отборная матерщинная ругань и смех. Потом чей-то властный, зычный басок приказал:

— Несите их, ребята, в дом—скорее, через сад.

Кто-то грубо схватил меня подмышки и потащил. Мои ноги волочились по земле. Все было ничего, пока меня тащили по ровному месту. Но когда стали втаскивать по лестнице, и мои ноги пошли выбивать по железным ступень-

кам частую дробь, я застонал от сильной боли. Однако ж мои мучения на этот раз были непродолжительны.

Над моими ушами раздался стук сапог и звон шпор. Тот же властный голос сказал:

— Доктор, приведите их в чувство.

Я открыл глаза. Увидел перед собой нашего санаторского врача в черном фрачном костюме и рядом с ним офицера в седилах, одетого в полную форму полковника царской армии.

— Этот в сознании,—сказал доктор, указывая на меня.— Вы пока займитесь им, а я этим...

— Посадите его на стул,—приказал полковник двум растерянного вида мужикам, стоявшим у дверей.— Не мешкать.

Мужики подбежали ко мне, подняли и усадили на стул. Полковник расселся напротив в кресло.

— Не ушиблись ли, любезнейший?—осведомился он с нежной улыбкой.—И охота же вам толкаться по ночам и засматривать в чужие окна!

Я молчал.

— Но, может быть, вы и ваш товарищ просто любители пикантных картинок. А? Насчет всяких там раздеваний и одеваний. Тогда несколько неудачный объектец избрали вы. Лучше бы заглянули в окошко, например, к невесте здешнего предисполкома. Она в этом отношении откровенна, и занавесочки у нее невысокие.

От полковника несло водкой.

— Или, может быть, вы не знали, что это дом доктора Павла Ивановича?

Я молчал и следил за тем, как доктор давал нюхать что-то из пузырька Ветрову. Ветров лежал пластом, без малейших признаков жизни. Полковник достал роскошный

золотой портсигар, бережно извлек оттуда папироску и предложил мне:

— Хорошие папироски.

Я сказал, что не курю.

— Не курите? Напрасно. Ну-с, так что же вы делали здесь под окнами, мой милый?

Я сказал, что мы вдвоем случайно проходили мимо этого дома, услышали шум и пение. Решили удовлетворить праздное любопытство.

— Хе-хе-хе!—отрывисто засмеялся полковник.—Воистину праздное—и для этого вы полчаса, а ваш коллега полчаса часа торчали на той стороне улицы?

Как видно, они все знали. Я решил отмалчиваться.

— Так как же, голубчик? Вы что же не изволите отвечать? Павел Иванович, он из вашей санатории?

— Да,—буркнул доктор.—Это коммунист, друг предчека.

Я следил, как голова Ветрова безжизненно покачивалась на руках у доктора.

— Ага, вот что!—ласково и игриво изумился полковник и затем обратился ко мне:—Ну и шутник же вы, я вижу, милорд... Но шутки в сторону, собака! Говори, шпион, что вашим известно о нашем восстании? Говори сию же минуту, иначе расстреляю.

Черты лица полковника исказились. Он занес свой огромный кулак надо мною:

— Говори, мерзавец!

Я сразу сообразил, что нужно прикинуться хорошо знающим о восстании. Я хотел ложью напугать его и спутать у них карты. В своей смерти я нисколько теперь не сомневался.

— Мы знаем все,—твердо сказал я.—Но восстанию не бывать! Из губернии сюда движется войско. Вы все на на-

шем учете. Не пройдет и двух дней, как вы будете в ЧК.

— В ЧК?—вскричал полковник.—Врешь, мерзавец: мы не будем ждать и одного дня ради вашего удовольствия. Мы завтра же, мы сегодня же устроим восстание.—Полковник вытер пот с лица раздушенным платком.

— Пока что, я удовлетворен. Павел Иванович, отправьте их куда-нибудь. Они мне больше не нужны. А завтра вас, голубчики коммунистики, мы расстреляем или повесим.

Врач, не глядя на меня, ответил:

— Я их отправлю в сумасшедший дом. Он в стороне. Туда я проектирую отправить всех этих. Там же удобно и расстреливать. Я вызову сейчас закрытую карету и переброшу их туда. Там все готовы.

Полковник и доктор вышли из комнаты. Мужики у дверей внимательно уставились на меня. «Караулят»,—подумал я. В полураскрытую дверь, куда ушли доктор и полковник, слышались шум, смех и звон бьющегося стекла. Крики. Особенно выделялся чей-то женский грубый смех. Мне показалось, что там смеялась наша санаторская толстуха-фельдшерица,—именно ее смех слышался мне теперь. Внезапно шум прекратился, и в тишине раздался зычный голос полковника:

— Господа, мы прослежены. Через два дня будут здесь красные войска. Нужно действовать немедленно, пока на нашей стороне сила. Минута благоприятная. Сегодня, сейчас же—сбор. Арестовывать всех причастных к коммунизму, но самочинно никого не расстреливать!

— Хи-хи-хи,—пьяно засмеялся кто-то.

Полковник продолжал.

— Арестованных отправлять сюда, оцепить санаторию. Совет. Партком. Чтобы ни один сочувствующий советской

власти не был на свободе. Каждая минута дорога. Действуйте энергично. Господа командиры, штаб здесь. Командир отряда, выставить заставы на все дороги! Господа, в решающую минуту выпьем все за единую и неделимую Россию-матушку! За наше верховное командование. Ура!

— У-р-р-р-а-а-а!—заревел десяток голосов. Затем крикливый голос санаторского доктора прорезал тишину:

— Господа, выпьем за счастье великого многострадального русского крестьянства, которое не...—Но ему не дал закончить полковник. Он крикнул:—Довольно тостов! Время действовать. Командиры по своим местам, шагом марш!

Раздался стук и грохот отодвигаемой мебели, звон шпор и хлопанье дверей. Потом в доме наступила тишина. Только по временам тишину нарушали телефонные звонки и стоны очнувшегося Ветрова.

А через час нас усадили в закрытую карету и повезли.

* * *

Здесь обрывается рукопись Михеева, но по его рассказам и отчасти по сведениям, полученным от других, я решил закончить эту повесть о действительно бывшем с покойным другом моим Михеевым и другими товарищами из Н-ой организации.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Забрезжили предрассветные отблески. Михеев вскочил с койки. В полумраке, осторожно шагая, подошел к окну. Снаружи перед окном, закрывая собою все, шла черная стена. В окно с обеих сторон была вделана железная массивная решетка. Михеев обошел осторожно вокруг комнаты. На ощупь, что его очень поразило, стены и пол были обиты мягкой материей. «Похоже на ватное одеяло»,—подумал Михеев. Сел на койку. Койка тоже была обита толстой, мягкой материей и наглухо прикреплена к полу. Дру-

гой мебели в комнате не было. Михеев подошел к дверям. Массивная дверь была, как и стены, обита мягкой материей. На высоте, повыше груди, в двери Михеев нащупал железный глазок. Сомнений не могло быть. Его посадили в камеру для буйнопомешанных.

— Как глупо! Вот ведь как глупо!—вырвалось у него шопотом восклицание.—И как был прав Федор! Вмешался в незнакомое дело и не только что не принес пользы, но навредил. Кроме того, что меня и Ветрова расстреляют, погибнут сотни. А если бы я послушался Федора, то—кто же его знает—может быть, через дня два, здесь был бы целый полк красноармейцев, и тогда бы ничего не произошло. Дураки! Ах, дураки были мы!

Кругом—тихо. Михеев ощущал глухой стук своего сердца. Тук-тук-тук. И ему стало жаль себя. Не смерть страшна. А обидна бессмысленность жертвы. Погибнуть хорошо в бою, в борьбе... Но тут...

Расстреляют, повесят или будут пытаться.

Всплыла картина казненных в Михайловском. Раздробленные головы, груди, изрезанные в куски.

Мелькнула мысль о том, что лучше было бы уехать тогда с Петей в город. Михеев в потемках почувствовал стыд, кровь бросилась ему в лицо: «Вот этого еще не доставало. Смелодушничал».

Он, забыв осторожность, принялся быстро расхаживать по камере. Мягко стучали сапоги о пол.

В окно уже падало много света. Черная стена, заслонявшая от Михеева весь мир, оказалась красной, кирпичной, с желтыми потеками смазки. Стены и пол комнаты стали светло-серыми.

Михеев опять прилег на койку. Горела голова. Где-то по соседству вдруг забулькали сдавленные воющие крики.

38
Мороз пробежал по коже. «Фу ты, чорт, что они хотят сделать со мной? Неужто думают мстить? Конечно. Они могли бы убить меня еще вчера».

Михеев лег на спину, крепко зажал ладонями глаза:

* * *

Наступили часы полузабытья, воспоминаний. И все время, как молотком, дробила мозг одна мысль: на муки, на смерть, на муки, на смерть.

* * *

Вспомнился завод, на котором работал он с 8 лет и отработал ровно 10 лет. Раздувал маленькие меха, таскал кокс. Подметал полы. Чистил инструменты. Собирал стружки, железные опилки, обрезки.

Пылали печи. Ослепительно сияло раскаленное железо, гудели большие и малые меха. Под громкими ударами молотков сыпались фонтаны огненно-красных искр.

* * *

А полотно с картинами его жизни разворачивалось все дальше. На 23-м году попал он на работу в Питер. Подружился с Ваняткой столяром. Ванятка был разбитной парень. По праздникам он носил неизвестно почему студенческую фуражку, курил дорогие папиросы и любил блеснуть «иностранным» словом. Через него попал Михеев в «конспирацию» — в подпольный кружок. Прошло два года, и превратился Михеев в большевика-пропагандиста. Был арестован 1 мая во время речи на массовом собрании за городом.

* * *

Вот конспирация. Собрания по пять-десять человек. По чердакам, подвалам, при свете свечей, ночников. Горячие споры, речи, долгие ночи напролет. Снег ли падает за окном, месяц ли бросает на дырявый пол свой желтый свет,—все споры и споры. Расходятся. За пазухами—политические книжки, газеты: все это нужно раздать заводским ребятам или расклеить на видных местах.

— Эй, берегись!—кричит сторожевой товарищ:—крючок!—И бегут все сломя голову, трепетно прижимая к груди пучки бумаги.

Вот пивная. Звон, гам, крики, песни. Туманится воздух от табачного дыма. Вокруг Михеева сидят в тесном кругу четыре рабочих. Пьют пиво и слушают его страстные речи.

— Правильно. Верно, товарищ. В самую точку. Нужно объединяться. Да, сила... большая у них, у буржуев. А что правда—то да. Нас много, а их мало.

И пьют рабочие. Гневно говорят. Там, смотришь, и всплакнет кто из них: «Ох ты, жисть-то. Едят тебя мухи с комарами. Тяжко—ох!»

Как много прожито, и как мало сделано!

* * *

Загремел в дверях замок. Дверь распахнулась, и в камеру вошел громадного роста детина. На нем был надет белый докторский халат.

Михеев вскочил на ноги.

— Пожалуйте за мной,—сказал детина. Почему-то тупо ухмыльнулся, вытер указательным пальцем нос, обтер палец о фартук и показал им на дверь.

— Пожалуй-ка.

— Куда?—спросил Михеев.

— А там узнаешь. Пожалуйте.—И парень опять ухмыльнулся.—Пойдем.

Михеев повиновался. Они шли узким коридором вниз. Из-за решеток оконцев в дверях камер на них смотрели безумные лица больных. Подошли к угловым дверям в конце коридора. На них красовалась большая готическая надпись: «Кабинет главного врача». Парень открыл дверь без стука и втолкнул Михеева в кабинет. В кабинете за письменным столом сидел санаторский врач—с волчьей улыбкой на гладко выбритом лице. По левую руку от него к креслу прилепился санаторский седобородый старик фельдшер. Оба они внимательно смотрели в лицо Михеева.

— Как спали?—спросил врач.—Как вам нравится новоселье?

Михеев промолчал.

— Вы не знаете последних новостей. Восстание—совершившийся факт. Все ваши друзья арестованы и находятся здесь—пока, разумеется. Мы соединились с мамонтовской кавалерией. Все ваши завтра будут опрошены. Коммунисты и активисты будут расстреляны.

Доктор помолчал. Постучал пальцами о сукно стола. Михеев стоял с деланным безразличием на лице. Доктор поморщился.

— Вы присядьте,—указал он на кресло.—Мы и сидя сумеем договориться. Только что перед вашим приходом за ложь и за упорство был мной направлен в общую камеру для тихопомещанных ваш друг—военкомбриг Ветров.

Михеев вздрогнул. Но промолчал.

— Какой вы апатичный,—процедил доктор сквозь зубы.—Даже не узнаете, что стало с вашими друзьями?

— Что вы хотите от меня?—почти крикнул Михеев.

— Успокойтесь. Очень небольшой услуги. Нам нужно, чтобы, во-первых, вы сознались в том, что вы и ваши товарищи большевики получают по 10 тысяч рублей золотом в месяц.

— Ведь вы же знаете, что это ложь.

— Я ничего не знаю. И даже убежден в обратном.— Доктор нагло оскалил зубы.

— Потом вы дадите нам расписку, что вы больше не будете грабить крестьян—отнимать у них все добро, насиловать жен и дочерей, прокучивать в разврате все награбленное. Эта расписка нам нужна. И потом—еще секунду—вы дадите подписку в том, что больше не будете ходить оправляться в церкви, по примеру ваших друзей. За это мы вас простим и освободим. Идите на все четыре стороны. Мы не злопамятны. Ну-с?

— Это все?!!

— Нет, не все. Если же вы этого не исполните, то мы вынуждены будем оставить вас в этом доме... и, может быть, даже прибегнуть к лечению—водолечению и лечению внушением... А внушение, знаете ли, бывает разное.

— Это все?!!—Михеев был красен от гнева.

— Да, все,—оскалил зубы доктор.

— Подлец, негодяй! Внеклассовый мошенник!—Раздался звонкий звук пощечины.—Вот, получи тебе и твоим друзьям, это за меня и за моих товарищей! Жаль, что большего дать не могу.

Доктор вскочил во весь рост. Потирая ладоньюшибленную щеку, нахмурился, процедил:

— Уведите его. Вы видите—это буйнопомешанный. В карцер и холодное обливание на голову...

— Так вот какие негодяи скрываются под халатом врача. Товарищи...—быстро обернулся Михеев к служителям.—Я не сумасшедший. Я ваш...

— Выводите скорей,—прервал его пронзительный окрик доктора.—Он будет сумасшедшим! Ну!!!

Два служителя в белых фартуках подхватили Михеева под руки и почти вынесли на руках из кабинета.

Промелькнули темные коридоры, лестницы, и снова за Михеевым захлопнулась дверь с железным глазком. Гнев немного поутих, и Михеев уже ругал себя за то, что вспылал. «Все равно—смерть. Притворился бы, что на все условия согласен, пообещал бы на митинге разбить большевиков... Ну, выступил бы и произнес речь. Показал бы им, как умирают большевики. Хотя не дали бы говорить. Сразу заткнули бы рот. Что теперь они со мной будут делать?»

* * *

У дверей слышались голоса. Щелкнул ключ в замке. Двери раскрылись настежь. В камеру вошли три служителя и старик фельдшер.

— Пожалуйте-ка, барин большевик, с нами помыться,—сказал фельдшер. Его глаза злобно и остро поблескивали из-под седых бровей.

— Гы-гы-гы,—заржали санитары.—У! Вот так точно.. Гы-гы. Попариться, ваша светлость. Пожалуйте-ка. Гы...

Санитары цепью стали подходить к нему.

— А он вроде как быдто тово, здоровый,—сказал один санитар, молодой, безусый, скуластый, здоровый парень.

— Вот распусти-ка слюни—он тебе тово, и цапнет...

— Прикидывается, стервец,—назидательно сказал его сосед, человек с перебитым пополам носом. Казалось, что у него вместо одного торчало два носа.

— Ну, ну, живей!—окликнул их фельдшер.—Бери и тащи его без разговоров.

— Куда вы меня, товарищи?—спрашивал схваченный и влекомый по коридору Михеев. Но ответа не получил. В конце коридора его втолкнули в светлую ванную комнату, быстро раздели до-нага.

— Холодный душ на голову. Лейте прямо из ведра,—приказал фельдшер.

— Товарищи!—крикнул Михеев,—я вовсе не больной, я здоров... Эти люди...

— Эй! Заткните ему глотку,—приказал фельдшер.—Чтобы без криков—другим беспокойство. Ну, ну!

Санитар с перебитым носом взял со скамьи какую-то мокрую тряпку и силой воткнул ее в рот Михеева.

Потом пошли муки. Голову и все тело обливали холодной, почти ледяной водой. Ведро за ведром. Вода забиралась в уши, в нос, не давала дышать. Сжимала железными обручами голову. Жгла и замораживала мозг.

Тело Михеева вдруг повисло бессильно. Он впал в обморочное состояние.

— Отнесите его обратно в камеру... Да так несите—там оденете...

— Вот, проклятый,—прошептал фельдшер; наклонившись над телом Михеева:—это тебе за моих расстрелянных детей—за сына и дочь, за позор!

* * *

После дневных истязаний и обморока наступило состояние полного безразличия. Казалось, что раскалывалась голова. Болеет рот. Воспалились глаза. Не было успокоения, не было забытья. Не было мысли. Все было безразлично, неинтересно—и боль и неизвестность. Неподвижно

лежал Михеев на койке. Смотрел воспаленными глазами прямо перед собою.

Погасли последние отблески дня. В камере сгустился мрак. Он все лежал, не шевельнувшись.

Неожиданно приоткрылся железный глазок двери. Брызнул потоком электрический свет и образовался светлый круг на полу.

«Опять за мной,—вздригнул Михеев.—Скорее бы конец». Между тем светло-желтый круг стал слабым, темно-серым, точно чье-то лицо засматривало в глазок. «Наблюдают»,—решил Михеев.

— Михеев! Миша!—послышался громкий шопот через глазок.

В одну секунду Михеев был у двери.

— Кто здесь?—трепетным шопотом спросил он.

— Вот записка—прочтешь, уничтожь.—В глазок просунулось несколько пальцев. Михеев быстро выхватил из них маленький лоскуток бумажки; припав головой к двери, он прочитал записку. Она была написана мелким нервным женским почерком.

«Тов. Михеев! Устраиваем побег. В 2 часа выключим свет и заберем тебя. Не сопротивляйся пришедшим.

Д р у з ь я

Уничтожь записку».

* * *

Настроение мигом изменилось. Ноги невольно задвигались вдоль темной камеры. Апатия сменилась горячкой. Лихорадочно заработал мозг. «Скорее бы два часа... Да почему в два, а не в десять? Может быть, еще до этого срока придут враги и... Но кто же эти друзья? Здешние рабочие. Да, больше некому. Все коммунисты арестованы. Скорее бы пришло время».

Все нетерпеливее становились его шаги. Все хаотичнее переплетались мысли. «Только бы раньше не пришли... Те, враги». Каждый звук шагов по коридору острым ножом резал его сознание. Каждый отдаленный крик заставлял его вздрагивать

«Не идут ли это за мной?»

Наконец нервность утомила его. Он забрался в самый дальний угол камеры и, сжавшись, присел там на пол. Все внимание его сосредоточилось на узкой желтоватой полоске света, струившейся из неприкрытого дверного глазка. Шли часы.

* * *

Чуткий слух Михеева уловил звук осторожных шагов по коридору. Кто-то приблизился к дверям камеры и замер. Внезапно желтая полоска света погасла. Послышался железный лязг замка и скрип открываемой двери. В открытые двери громко прокричал женский голос:

— Михеев, быстро ко мне!

Он уже был у дверей.

— Держитесь за руку. Идем.

Маленькая женская рука схватила его руку и быстро повлекла за собой во мраке. «Почти так же темно, как тогда в лесу,—почему-то подумал Михеев.—Только побольше риска».

— Здесь лестница,—предупредил его женский голос.— Держитесь за перила, вот они.

— Разве наверх, а не вниз?—вырвалось у Михеева.

— Весь двор и ближайшие дороги оцеплены и наводнены восставшими,—ответил женский голос.—Нужно спрятаться здесь же и перебыть несколько дней. Но молчите.

Лестница оказалась высокой.

— Когда же конец?—прошептал запыхавшийся Михеев.

— Вот здесь, направо, пригните голову. Теперь видите—белое пятно впереди,—идите прямо к нему. Там есть ваш друг. Он вам все расскажет. Я же бегу вниз.

Михеев почувствовал крепкое рукопожатие. Потом рука спутницы выскользнула из его руки. Позади раздался стук захлопнутой двери. Михеев ощупью пошел по направлению к светлomu синеватому пятну. Пятно оказалось куском ночного неба, видневшегося через чердачное окно. Он находился под самой крышей главного корпуса больницы.

«Ну, что же, будем ждать друга»,—решил Михеев.

В окно дул свежий ночной воздух. Снизу доносились странные звуки, то поющие, то звенящие. Минутами слышались человеческие голоса.

Рядом с Михеевым из чердачной тьмы вдруг вынырнула бородатая низкорослая фигура. Михеев вздрогнул и отступил в сторону.

— Не пугайтесь,—полушопотом сказала фигура.—Я—Фролов.

— Фролов! Ты жив?—почти закричал Михеев.

— И даже здоров,—отвечала фигура.—Что борода отросла? Однако же расспросы после. Теперь же пойдем-ка прятаться, а то могут и сюда притти. Держись за меня. Здесь осторожно. Три ступеньки. Здесь печная труба. Это зимние рамы и ящики. Теперь пригнись и поози за мной. Теперь давай руку—поднимайся. Видишь—целая комната. Это другое чердачное окно. В него днем видна вся площадь и больничный поселок. Тут же внизу трактовая дорога. Большое оживление здесь днем. Кругом же нас ящики в три ряда совершенно нас закрывают от нескромных взоров. Так что здесь даже и курить можно. Я балую

этим. Фу ты, да ведь соловья баснями не кормят. Ты, верно, голоден?

Михеев на самом деле почувствовал острый голод и тошноту.

— А есть ли что?

— Только один хлеб да вода. Но воды мало. Вот ешь, на. А я закурю.

— Бу-бу-бу-бу,—силился что-то сказать Михеев ртом полным хлеба.

— Чего?—спросил Фролов.

— А бу-бу-бу.

— Ну, ладно, прожуй—потом скажешь.

Михеев с трудом проглотил кусок.

— Я буду есть,—сказал он,—а ты мне расскажешь все о себе, да подробно.

— Ладно,—согласился Фролов.—Только вот закурю. А ты ешь, наедайся.

С треском вспыхнула спичка. Из пригоршни Фролова заструились оранжевые лучи. Запрыгали кругом тени. Спичка погасла, и стало совсем темно. Фролов попыхивал красным огоньком цыгарки. Огонек освещал кулак, усы, губы, низ носа, надбровные дуги. Остальное же было чернее сажи. И Михееву казалась, что эти освещенные части фроловского лица совсем разъединены мраком и плавают в этом мраке, по временам освещаясь оранжевыми отблесками огонька цыгарки.

— Я, как видишь, не только что жив, но и—представь себе—в небольшой степени, правда, но укрепил свои нервы. Не я укрепил, а их укрепили наши враги. Да, всяко бывает. Но дорого мне далось это укрепление нервов. Ты, вот, не заметил, темно здесь, а у меня вся голова седая... Да-с. Вот, когда Феня помогла мне взобраться

сюда, она мне это сказала: «Совсем седая у тебя голова, тов. Фролов». Вот что.

— Феня? Сестра милосердия?—давясь хлебом, спросил Михеев.

— Да. Это она тебя притащила сюда, как и меня.

— Она партийная,—вставил Михеев.

— Партийная—тем лучше; значит, ты ее знаешь. Она вчера ночью была у меня. Принесла этот хлеб и воду. Рассказала много скверных новостей. Ты, чай, и не знаешь о том, что восставшие соединились с белыми войсками и что общий фронт их уже прошел стороною на север. Через день-другой здесь будут генеральские казаки. Их ждут здесь—не дождутся. Дело все в том, что на местных повстанцев-крестьян здешние белогвардейские заправилы не надеются. Арестованных же в подвалах этого дома очень много. Почти что вся санатория и местная организация, советская и партийная. Феня говорила, что арестовано около полусотни товарищей; их не кормят, но и не трогают пока. Боятся.

— Все ли санаторцы арестованы?—спросил Михеев.

— Все, за исключением Федора. Всего-то, говорила Феня, только двоим коммунарам удалось избежать ареста: это Федору и Арону, секретарю местной организации. Но ты, может быть, хочешь спать?

— Нет, нет. Ты рассказывай о себе. Я просто так прилягу отдохнуть—очень устал.

— Хорошо. Ты помнишь, каким калекой я выехал сюда из губернии. Ни рукою, ни ногою я не мог свободно владеть. Был накануне полного паралича. Так-с. Привезли меня, раба божьего, в эту дыру—в санаторию. Как тяжело больному отвели особую комнату, а в качестве сиделки приставили ко мне одного фельдшера—какого-то полоум-

ного злого старикашку. Этот бес вместо того, чтобы делать мне массаж, давай мне читать божественные проповеди. «Это вас бог наказал за то, что вы большевик,—говорил он.—Известно, мол, что все большевики чорту душу продали». Я сначала отшучивался, а потом стал злиться. «Вы,—говорю я ему,—бросьте мне городить чепуху. Лучше-ка массаж делайте. А вот, мол, когда я поправлюсь окончательно, тогда я с вами побеседую. А, может быть, и лекцию здесь прочитаю о божестве». Не унимался старик. Еще чаще стал заглядывать ко мне и говорить свои мракобесные речи. «Вы, мол, слышали, Христа распяли?»—«Да его,—отвечаю,—вовсе не было в мире». О другом начинает говорить старик. «Вы, мол, людей убиваете—это грех. У вас руки в крови. У меня,—говорит,—вы сына и дочь отняли!» И даже всхлипывать начинает старикашка.

Ну, я и не вытерпел однажды: не знаю, откуда и сила взялась. Схватил как-то удачно табуретку да и запустил ею в старика. В старика-то не попал, а попал в дверь. Дверь была из тонкого дерева, ну и раскололась в щепки. Вот, после обеда приходит ко мне врач, как волк, и глаза горят страшно.

«Что с вами?»—спрашивает, а сам все со стариком-фельдшером шепчется. «Вы почему буйствуете?» Я не мог, конечно, ничего рассказать, так как со мной был тогда припадок. Ни губы, ни глотка не двигались. Но я услышал громкий шопот старика фельдшера: «Большевик... вредный... убрать нужно...» Доктор еще раз посмотрел на меня и умышленно громко сказал:

«Он выглядит ненормальным. Отвезите его ко мне в палату для легких. Делайте холодные ванны». Я только вечером узнал, в чем заключался смысл слов доктора.

Меня отвезли в этот дом для умалишенных как психически больного и поместили вниз.

Доктора после этого я не видел ни разу. Зато целиком попал в лапы этого старого подлеца. Как он истязал меня! Чорт бы его побрал! Он бил меня, пользуясь беззащитностью, колол булавками, плевал в лицо. Держал по целым часам в ледяных ваннах. Но нет худа без добра. Холодные ванны, вопреки всем желаниям моих врагов, воскресили мою нервную систему. Здоровье пошло восстанавливаться, и я решил бежать. Для этого я притворялся попрежнему больным. Правда, с большим трудом, но все же сдерживал себя от нестерпимого желания ударить, задавить этого старого садиста. И только позавчера, когда белые устроили восстание, меня освободила Феня. Для меня это было совершенной неожиданностью. Оказалось, что Феня сильно заинтересовалась моей камерой с первого же дня прибытия в лечебницу. Ей сразу показалось странным, почему меня обслуживает один фельдшер, тогда как при лечебнице служило много сестер, санитаров и сиделок. Да к тому же старик фельдшер работал еще в санатории. Почему такая нагрузка в работе? Вот и пошла она узнавать обо мне по всем источникам. Подсмотрела, как обращается со мной этот старый изверг, и, если бы только не переворот, я бы непременно был на свободе, а фельдшер-врач и еще кто с ними—в каталажке. Этот бандитский переворот помешал! Но что за золото эта Феня! Ты не поверишь, до чего умная девушка. За какой-нибудь час до моего освобождения она узнала и взвесила все до мелочей. Узнала о восстании. Узнала, что все улицы и все местечко, в том числе и эта лечебница, окружены пьяными бандитами. Взвесила эти обстоятельства, отыскала это самое помещение на чердаке и, пользуясь суматохой, по-

могла мне добраться до чердака. И все это было сделано ею за какой-нибудь час! За один час! Я еще никогда не встречал такой бесстрашной и смелой девушки. Однакож, надо закурить.

Зашуршала бумага.

— Вот и все мои приключения. Очередь за тобою. Рассказывай, Михеев!

Ответа не последовало.

— Михеев! — позвал Фролов.

Но Михеев не отвечал. Он уже спал, изнуренный дневными потрясениями. «Ишь ты, посвистывает! Устал, бедняга. Пора и мне заснуть. Вот только закурю». Опять затрещала сера. Вспыхнул оранжевый огонек. Закружились синеватые тени. Фролов закурил и при свете спички посмотрел на Михеева. Тот лежал на спине и держал в одной руке недоеденную корку хлеба. Спичка погасла. В потемках Фролов прилег на пыльный пол. Несколько раз затянулся. Погасил папиросу. Затих.

Где-то в местечке уже кричали петухи. А снизу, через слуховое окно, доносились невнятные человеческие крики.

* * *

— Заспался на новосельи. — Фролов с улыбкой на бледном бородатом лице наклонился над сонным товарищем. Михеев лежал, широко разбросавши руки и ноги. Чему-то во сне хмурился. Солнечный луч, падавший через слуховое окно, резко освещал его лицо. «Похудел он сильно, — размышлял Фролов. — И глаза запали. Борода изменилась — подлиннела. Выступили скулы. Серый какой-то стал».

Взгляд Фролова остановился на сгустке темной крови, прилепившейся на воротнике гимнастерки Михеева.

«Что с ним?» — Миша! Миша! — тревожным шопотом окликнул спящего. — Проснись!

Михеев открыл глаза. Тупо осмотрелся. С трудом вспомнил вчерашнее.

— Что у тебя за кровь на воротнике?

— Кровь? Ага, это у меня рана на шее. Как видно, вчера растревожил. Как сразу заболела! — Михеев поежился и поморщился от боли. — Во время бегства по лесу получил.

— Вот тут вода есть, — указал Фролов на бутылку. — Давай, промой.

Михеев покорно наклонил шею.

— Большая царапина. Пыли-то сколько кругом — на целый палец.

— Да и у тебя, Фролов, на лице целая куча пыли.

— Ничего. Зато здесь безопасно, тепло и сухо.

— Долго ли будем сидеть здесь? Я бы предпочел быть на воле.

— А чорт его знает! Здесь-то сидеть во всяком случае не скучно. Отсюда видна вся площадь. Большой тракт. Потом мы здесь — как у Христа за пазухой.

Отсветы солнечного пятна на полу падали тусклыми бликами на стену из ящиков, на доски и на железо крыши. На солнечном луче, струившемся непрерывно потоком из слухового окна, плясали золотые пылинки. С улицы были слышны людские голоса.

Фролов закончил промывание и замотал рану грязным бинтом.

— Как ясно слышно! — сказал Михеев. — Почти каждое слово можно разобрать.

Снаружи послышался топот и лошадиное ржанье.

— Давай посмотрим, что там такое, — предложил Фролов. — Это можно делать совершенно безопасно.

Они подошли к слуховому окну и под защитой навеса выглянули наружу.

На улице стоял яркий солнечный день. Изумрудом отличалась зелень деревьев. Сверкали стекла в окнах домиков, приютившихся у широкого десятисаженного тракта. В степи золотела солома в стогах. Розовели и синели солнечные степные и лесные дали.

Поднимая тучу сверкающей пыли, по тракту продвигался мелкой рысью отряд казаков в несколько тысяч человек.

Конница растянулась длинной, серой, сияющей искрами лентой. Сияли концы длинных казачих пик. Сверкали металлические части на аммуниции и оружии. Перед конницей гарцовала группа офицеров. Форма, в которую были одеты солдаты и офицеры кавалерии, была формой царской армии. Впереди офицеров, возле трехцветного знамени отряда, во главе всей процессии ехал командир, покачиваясь на белом коне, точно выжженный солнцем, высохший до костей, скелет в генеральском мундире.

Небрежным жестом, не оборачиваясь назад, кивнул он пальцем в сторону группы офицеров. Мигом к генералу подскакали два штабных офицера и грациозно отдали честь. Генерал что-то сказал им и отвернулся. Адъютанты карьером помчали к голове колонны казаков. Впереди отряда ехала музыкантская команда. У невооруженных, но одетых по форме людей торчали из-за спин ярко вычищенные, светящиеся медные и никкелированные духовые трубы. Офицер, ехавший впереди музыкантской команды, вынул из сапога черную палочку и, точно собираясь вспорхнуть с седла на воздух, взмахнул обеими руками. Музыка заиграла бравурный марш, и под быстрые звуки его отряд помчался крупной рысью.

Вот уже из поля зрения скрылись и генерал, и знамя и музыкантская команда. Полился, колыхаясь, однообразный серый казачий поток. Вот он пронесся весь. Ему на смену загрохотали пять артиллерийских батарей. Зеленые 3-дюймовые орудия в трехпарной упряжке. Зарядные ящики. Потом пошли пулеметы на тачанках. И опять кавалерия и кавалерия. Затем потянулись войсковые обозы, крестьянские телеги, нагруженные ящиками с патронами, караваями хлеба, мешками с обмундированием. И, наконец, в заключение потянулись лазаретные двуколки, телеги с соломой, на которых лежали больные. В хвосте отряда шло небольшое кавалерийское прикрытие. Фролов и Михеев отошли от окна, пасмурные и поникшие. Образцовый военный порядок в белом казачьем отряде создавал впечатление силы и мощи.

— Стало быть, наши далеко отошли на север,—как бы в раздумьи сказал Михеев.—Не слышно стрельбы, не видно беспокойного фронтового настроения у врага.

— Да. Очень странно.

— Хотелось бы узнать, что там делается на наших позициях, в Москве, за границей.

— Погоди. Придет Феня. Принесет новостей. Она все знает.

— Феня? Она слишком смела...

— Да, но не безрассудна. С ней не пропадешь. Но вот что, Миша! Пока ты мне ни слова не рассказал о себе—о том, как дошел ты до жизни такой. Я тебе вчера добросовестно всю свою историю выложил, а ты возьми да засни.

— Ладно... Расскажу. Но у меня аппетит почему-то разыгрался. Нет ли чего у тебя?

— Ничего нет. Последний хлеб вчера ты съел. Ну, да не беда, давай подтянем потуже животы.

— Да у меня-то и пояса нет. Видишь, в одних верхних штанах да в нижней рубашке.

— Это так, к слову. У меня у самого кроме этого больничного халата еще нижнее белье есть. Только его срам даже тебе показывать. Ну, да это не беда. А ты все же валяй, рассказывай поподробнее. Ничего не забудь. Начни с того момента, когда я уехал больной.

* * *

Михеев рассказывал долго. Фролов, лежа, слушал и временами курил отвратительную махорку. Махорка трещала и вспыхивала. Кругом распространялся удушливый запах дыма.

Солнце ушло в сторону, и его золотой луч перестал падать в чердачное окно. Железная крыша под полуденным солнцем сильно накалилась, и на чердаке было жарко, душно и темно. Откуда-то издалека, должно быть из местечка, долетали разные обрывки мелодий. То одна, то другая труба досылала свою ноту до чердачного окна.

Еще одинокий человеческий голос внизу назойливо нудно пел «Стеньку Разина». Человек этот, как видно, стоял на часах или же просто сидел у ворот лечебницы и со скуки пел все одно и то же:

А-и-и-из-за о-о-о-стра-ва-а на стрежень,
На п-р-а-с-т-о-о-о-р р-р-р-ечной волны
А-и-и в-ы-плаавают...

* * *

Михеев уже с час назад окончил свой рассказ. Оба друга в полудремотном состоянии. Как вдруг неожиданно под окном громко зашпорили:

— Не велено пущать...

— Да, а ты пойми. Своим-то умом разберись.

— Не велено...

— Не велено, не велено. А почему не велено, глупая голова, не разберешь. Мне к их благородию, к доктору, от его превосходительства, а ты—не велено.

— Не наше дело. Мне приказано. А я—что...

— Да как же быть-то, дубина ты стоеросовая? Важная секретная, собственное поручение, а ты—не пущать. Да тебя за это вместо этих краснопузых, что здесь сидят—растрелять надо завтра... Вот что.

— Не велено пущать. Уж ежели ты такой напористый, я и разводящего выкликну...

— Выкликну—хе-хе, чортов пень. Давно бы надо. Знаешь, с кем имеешь—с для поручений его превосходительства, генерала от кавалерии...

Прозвучал свисток, и спор прекратился.

— Значит, завтра товарищи будут расстреляны,—глухо сказал Михеев.

— Э, дорогой товарищ. А сколько их в этот же миг гибнет по всей стране! На войне всегда есть и убитые и раненые.

— Но у нас их особенно много—особенно много дорогих жертв.

— И борьба грандиозная, мировая.

— Ах, Фролов! Да нельзя же в такие минуты так рассуждать. Ведь это же товарищи в борьбе. Больно ведь.

На глазах Михеева показались слезы. Он вспомнил санаторцев; особенно ярко всплыли в его сознании Стрепетов и военкомбриг. Ему не хотелось верить, что они завтра будут расстреляны.

— Ты просто устал. Измучился. Приляг, Миша.

Михеев послушно лег на пыльный пол лицом к ящикам.

Ночью Феня не приходила на чердак. Поутру Михеев и Фролов проснулись с ощущением болезненной тошноты в желудках. Хотелось есть. Фролов пытался острить.

— Этак, пожалуй, и помереть голодной смертью можно. Придет Феня через неделю и увидит здесь наши хладные трупы.

Михеев криво улыбнулся.

— Вот я тебя, Фролов, съем—это будет куда позанятнее. Представь себе, входит Феня и видит: я сижу и с легким ворчаньем гложу твою лапку.

— Да, это будет позабористее.

Между тем через слуховое чердачное окно лился рекою уличный шум. То отдельное ржание лошади, то громкий смех или речь всплывали на поверхность этого потока и вновь тонули в нем. Фролов, пригнувшись, посмотрел в слуховое окно.

— Площадь полна военными... Только—стой-ка, да ведь часть из них стоит под стражей... Миша, подойди, посмотри ты.

Михеев подошел и выглянул.

— Да. На самом деле, под стражей. Это казаки окружают солдат. Но кто эти солдаты? Или взбунтовавшиеся, или...

— Или пленные,—добавил Фролов.—Скорее всего пленные.

Площадь внезапно затихла. До чердачного окна стала долетать неразборчивая крикливая речь. Вся площадь заревела в ответ.

— Приветствуют кого-нибудь. Отвечают так, точно лает необыкновенной величины пес.

— Похоже. Жаль только, что не видно того, кто здорывается.

Площадь опять затихла. Снова послышалась крикливая невнятная речь. Она то замолкала, то вновь раздражалась, все повышаясь в тоне. Речь снова замолкла.

— Смотри-ка, Миша, смотри,—офицеры ходят и смотрят у пленных руки. Видишь? Вон вывели двоих и еще. Что это такое?

— Что-то трудно понять...

— Их куда-то уводят в сторону. Жаль, что не видно куда. Вон видишь, один упал; видишь, крайний офицер бьет его каблуком по животу. Мерзавец!—Брови Фролова сдвинулись.

— Смотри-ка, уводят всех. Вот уже никого не видно, кроме казаков.

Опять с площади понеслись шум и крики. Вдруг прорезал воздух ружейный залп: т-р-р-рах!

— Что это?—вздрогнул побледневший Фролов.—Залп?

— Расстрел.—Губы Михеева задрожали.—Это пленных расстреливают.

Залпы стали продолжаться через ровные промежутки времени.

— А что, если... это... наших стреляют?—робко сказал Фролов, но тотчас же добавил:—Хотя так в бою не ведут себя. Вон на площади казаки стоят кучей и спокойно разговаривают, даже смеются.

— Нет, это расстрел. Слышишь, стоны. Это расстрел,—придушенно сказал Михеев. Точно придавленные громадной тяжестью, сгорбившись, они отошли от окна. Каждый залп и стон заставляли их вздрагивать.

— Как много!—сказал Фролов.—Как много убитых!—Вдруг оба они стремительно бросились к окну. Внизу пели «Интернационал».

— Поют... Слышишь... Поют. Кто же это?
— Это, наверно, из пленных—коммунисты.
— Это, наверно, санаторцы,—почти шопотом сказал Михеев.—Они... Там среди них... Знаешь... Гм... Гм... Стрепетов... Гм... и-и, ох, др-у-у-ги-и-и-е. Я не могу больше слушать этих залпов... Не могу.—Михеев лег ничком на пол, заткнув пальцами уши. Фролов подошел к нему. Постоял над ним как бы в глубокой задумчивости. Покачал головой. Пожевал губами и вдруг неожиданно для самого себя заплакал.

Около двух часов длилась стрельба.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Федор бегал по своей санаторской комнате.

— Чорт их знает—испортили всё дело. Ну, а еще что? Он был в сильном гневе. Скуластое лицо потемнело. Он судорожно потрясал руками. Морщил брови.

— Ну, а еще что ты видел?—спрашивал он.

Перед ним стоял подросток, одетый в праздничный костюм деревенского парня, в черные сапоги гармонькой, полосатые шаровары с напуском, в синюю рубаху без пояса.

Парень полушопотом отвечал:

— Трудно мне было видеть все из-за забора, товарищ Федосеев. Но было слышно, как кто-то из них громко закричал. Должно быть убили или ранили. Потом стало тихо. Улица обезлюдела.

— Ах, ты-шь!.. Ну, что же делать. И сами погибнут и других погубят. Наверно, уже в живых нет...

На глазах Федора заблестели слезы.

— Гм! Вот что, братец... Ты продолжай слежку, и остальные чтобы на постах были... Побольше маскировки..

Ты сам проследи, что они сделают с Михеевым и санаторцами. Раз они пошли на такой шаг, значит нужно действовать побыстрее. Я же бегу предупредить ребят. Так... Донесение давай под мост справа.

Федор вытер глаза.

— Ну, ступай, братец... или иди-ка сюда.—Парень близко подошел к Федору. Федор пожал ему руку. Крепко поцеловал в губы.—Иди, Коля, работай, братец—небось, увидимся...

— Увидимся... товарищ Федосеев.

Парень быстро шмыгнул за дверь. Федор вынул из чемодана наган и браунинг. Быстро спрятал их в необъятные карманы своих солдатских штанов. Тихонько вышел в коридор. Не спеша пошел к выходу из санатории. У выхода на улицу он повстречался со стариком фельдшером. Старик подозрительно посмотрел на него исподлобья, но не сказал ни слова.

Поднявшись на бугор, Федор пустился во всю мочь бегом по направлению к партийному комитету. Партийный комитет помещался возле церкви, приблизительно в полуверсте от санатории. Запыхавшись, Федор подбежал к крыльцу одноэтажного бревенчатого дома. Вбежал на крыльцо. Парадная дверь оказалась запертой. Федор перепрыгнул через палисадник и подбежал к окну с закрытыми изнутри ставнями. Энергично постучал в окно кулаком. Загремел болт ставни, и окно открылось. В светлом четырехугольнике окна появилась фигура Арона. Федор не дал ему сказать ни слова.

— Арон, быстро бери оружие и прыгай сюда. Опасность!

Арон отбежал внутрь комнаты, схватил со стола револьвер, снял со стены винтовку и выпрыгнул в окно.

— Готовится восстание. Надо предупредить остальных товарищей. Телефон есть? А то...

Но Федору не удалось закончить мысли. Вблизи слышался топот и выстрелы. Шум приближался. Федор выглянул через изгородь на улицу.

— Бегут сюда,—сказал он.—Уже поздно предупреждать других; бежим и мы, или нас перестреляют как зайцев.

На бегу Арон взволнованно спросил:

— А как же с санаторцами?..

— После узнаешь... А теперь давай-ка припустим по-быстрее... На ходу, братец, трудно говорить... Вон через этот огород, а там через плотину мельницы, да в лес... В лесу поговорим... Время будет...

* * *

В лесу, неподалеку от опушки, усталые беглецы бросились на мягкую прохладную траву. В лесу было темно и тихо.

— У-ф-ф! Никак не отдышеешься, во рту все пересохло,—прохрипел Федор.—Уф!

— А все же свинство,—отрывисто бросил Арон.—Так работать, как работает ваша ЧК, свинство. Просто безобразия... не могли предупредить восстание. Позор!

— Тут не ЧК виновата, а другие.—Федор рассказал Арону, что услышал от своего агента.

— А ты бы за ними установил слежку,—глухо проворчал Арон.—Они—что малые дети.

— Поди ты к лешему. Слежку я установил за ними, но и слежка не помогла. Тут, братец, не нужно искать виноватого. Нужно, отдохнувши, быстрее взяться за работу. Может быть, еще спасем ребят. Там у меня оста-

лись сотрудники. Они сообщат нам завтра все новости. Лишь бы дотянуть до завтра. Ползи сюда поближе, Арон, да осторожнее—лба не расшиби. Возле меня есть корень, точно подушка. И давай спать.

Арон подполз к Федору. Лег на спину, подложив под голову ладони рук. Ему не хотелось спать. Темнота давила его.

— Федор, а как ты думаешь: нас сюда не отправятся искать, не захватят сонных? Узнают, что сбежали, и пойдут искать.

Федор в потемках заворочался. Сонно ответил:

— Не раньше, как завтра. Спи, брат.

Но Арон не спал до самого рассвета. Он почти всю ночь пролежал на спине, глядя перед собою. Сквозь просветы в листве деревьев, мерцая, потухали и загорались звезды. Проплывали легкие серые облачка, заслонявшие глубокую синеву неба. Где-то неподалеку во тьме верещал не то какой-то зверь, не то сонная птица:

— Сфрь! Сфрь!

В утренних туманных сумерках громоздилась масса темного леса. На рассвете выпала большая роса. Федор же беззаботно спал, свернувшись клубочком.

* * *

В просветах между темной листвой чуть-чуть порозовело небо. Федор проснулся. Лежа, он поежился и мигом вскочил на крепкие ноги.

— Арон, вставай,—крикнул он спящему товарищу. Арон медленно поднялся на локтях. Собрал разбросанное вокруг него оружие, спросил:

— В разведку? Не рано ли?

— Не рано. Только ты, Арон, будь поосторожнее. Героизм свой—пока что—не проявляй зря.

— Не учи ученого, а то...

— Знаю... Ну, идем.

Они медленно и осторожно пошли к опушке леса.

В открытых местах пригибались и прятались за стволами деревьев, за высоким кустарником.

Опушка оборвалась поросшей боярышником выбоиной. Дальше шла сплошная стена леса. Дороги все не было видно.

— Ночью мы, как видно, пришли с другого конца,—шепнул Федор.

Пошли кустарником. Неожиданно перед ними, у самых ног, оказался огромный обрывистый овраг. На дне оврага клубился серый туман. Слышался шум падающей воды.

— Да мы на самом деле не туда идем.—Арон вытер рукою пот со лба.—Этого оврага мы как будто вчера ночью не встречали на пути.

— Возьмем-ка правее,—прошептал Федор.—Лишь бы нам выбраться на большую дорожку, а там уж мы найдем направление.

Они пошли направо все с той же осторожностью. Шли утомительно долго. В росистой траве размокли, как тряпки, сапоги. А на дорогу вокруг не было даже намека. Наконец, усталый Федор предложил отдохнуть:

— Уже часа три гудаем. Присаживайся.

— Вон, на той поляне,—указал Арон.—Там незаметнее. Федор согласился, но при этом выругался:

— Чорт знает, не везет как; в этом раю—чтобы он пропал—мы даже дорогу потеряли.

Вышли на небольшую поляну, усеянную цветами. Лес кругом стал совсем диким. Ни признака человека не было

вокруг. Кругом, в высокой густой траве росло много ромашки. Трава местами доходила до пояса и вся горела под солнечными лучами зеленым золотом. Сплошной стеною обступили прогалину лесные великаны. Сучья берез, дубов и сосен переплелись в зеленом хаосе. Трещали кузнечики, сверчки. В листве, в кустах звенели и пели на тысячу ладов лесные птицы. Усталые путники присели на траву.

— В экую глушь мы попали! — громко сказал Арон. — Здесь течно лесная пустыня. А не вредно было бы перекусить чего-нибудь.

— Да, не дурно было бы, — согласился с ним Федор.

* * *

Вдруг — неизвестно откуда, не то сверху, не то со стороны — раздался громкий, басовитый голос:

— Эй, вы, которые там на поляне, — ни с места! Да оружие на траву положите, не то мы вас как зайцев перестреляем. Н-у-у-у, что ли!

— Падай на траву да отползай к деревьям, — шепнул Арон.

«Б-у-х. Бух!» Сразу выстрелили в пустоту Арон и Федор. Припав к траве, они стали пятиться к деревьям.

— Ай да стрелки. Вам бы ворон пугать на огороде! — ядовито прокричал все тот же голос. — Да не ползите. Далеко не уползти вам от нас, все одно — наши будете. Ха-ха-ха! Хе-хе! — завторили баску еще голоса.

— Прячься за деревья, — крикнул Федор. Быстро скрылся за большим дубом. Арон присел у подножья сосны.

— Да не бежите же, дубьё, — прокричал все тот же голос. — Все одно — от нас не убежи. Вы у нас все равно, что в плену. Вот что. Давайте-ка лучше потолкуем по-свойски.

— Вы кто такие, храбрецы?—крикнул Федор.—Самито, как зайцы, прячетесь.

— А мы лесовики,—ответил басок.—Мы сами по себе. А вы кем будете? Сказывайте, чтобы знать, кого поймать.

— Мы—государственные служащие.

— Государственные? Хе-хе. Какого такого государству?

— Советского. Вот какого. Оно и у вас, почитай, тоже правительство.

— У нас правительства нету. Мы сами по себе. Вы-то кто же, коммунисты, что ли, будете?

— Да, коммунисты.

С минуту в лесу было молчание. Посвистывали птицы. Трещали кузнечики.

— А вы ж откелева будете?—спросил уже другой, теноровый голос.—Из каких местов? И почему в лесу?

— Мы из Н. бежали от белых бандитов,—ответил Федор.—А вы же кто такие?

— Мы-то—крестьяне. Мы тутошние жители. Деревенские.

— Что же вы в лесу делаете?

— От офицеров спасаемся.

— А не врете?—спросил обрадованный Федор.

— Для че нам врать-то? Вчера ночью из села сбегли.

Обе стороны помолчали. Федор радостно переглядывался с Ароном.

— Вас много?—наконец, спросил Арон.

— Оснадцать мужиков.

— А кто из советов с вами есть?

— Председатель есть,—сразу ответило несколько голосов.

— А оружие у вас есть?

— И оружие есть у нас.

Опять помолчали..

— Пусть-ка придет к нам председатель,—крикнул неведомым крестьянам Федор.—Мы ему худа не сделаем, сговоримся, как бы сообща действовать.

С минуту на поляне было тихо. Потом, вправо за деревьями, послышался шум. Из-за большой сосны вышел сухой, козлобородый мужик, без шапки и босой. На нем была грязная холщевая рубашка с раскрытым воротником. Изорванные и заплатаанные портки. Мужик шел робко и заметно трусил.

— Иди, иди, не бойся,—подбадривал его Федор, высунувшись из-за дерева. Мужик подошел к ним вплотную.

Юрко бегая впалыми серыми глазами, он с заметной дрожью в голосе спросил:

— Кто вы будете, товарищ? Ваши документы?—Мужик шмыгнул остреньким розовым носом.—Я председатель.

— Много, братец, захотел,—пошутил Федор.—Документы? Ишь ты, какой нашелся.

— Да я что... Да мне что...—залепетал испуганно председатель.—Да мне разве как... Мне ничего. Право слово.

— Ладно уж. Смотри документы.—Федор достал одно из советских удостоверений с гербом и штампом РСФСР.—Вот на.

Арон же показал свой партбилет с фотографической карточкой. Председатель долго разглядывал и карточку и Арона. Потом решил:

— Твоя. Бери. У меня тоже был билет-то. Вчера сь порвал.

Неожиданно председатель заревел на весь лес благим матом:

— Бра-тцы! Тута сва-а-аи. Валяй суд-ы-ы. Жив-ва-а-а!

Кругом зашумела листва. Федора и Арона окружила толпа босоногих и бородатых крестьян. У иных из бородачей за плечами торчали винтовки. У одного из них вместо пояса шла пулеметная лента.

— Свои. Наши, стало быть?—спрашивал каждый из них у председателя и внимательно разглядывал новых людей.

— Коммунисты. Как же,—отвечал председатель.—И партийный билет, честь-честью. Все на своем месте.

Федор пустил в ход все свое искусство. В несколько минут разузнал о крестьянах все.

В село «Шестино» вчера ночью неожиданно приехали 15 вооруженных молодцов. Они стали ходить по дворам. Арестовывали ни в чем неповинный народ. Грабили. Подняли на ноги все село. Но народ молчал. Потом приехал пьяный поручик в погонах, при шпорах. Он начал всеми командовать. Все бы сошло благополучно, если бы не вздумал поручик собственноручно и всенародно заголить животы двум проходящим бабам и одной девке. И это еще было бы ничего, если бы не стал он тут же безобразить с бабами. Тут вступились мужья за жен, но вступились на свою голову. Мужиков связали по рукам и ногам. На их глазах поручик приказал двум своим молодцам изнасиловать баб. Четверо вооруженных держали баб за руки и за ноги, а трое безобразили. Только тут поднялись мужики. Поручика убили и с ним прикончили 10 вооруженных молодцов. Остальные разбежались. Сами же мужики подобрали оружие убитых. Вместе с живностью, семействами, скарбом ночью же бежали из села в лес. Все село звали с собою, да не пошло.

Наконец все вопросы были заданы друг другу обеими сторонами. Уже некоторое время крестьяне стояли вокруг

Арона и Федора. Почесывали животы, затылки. Поглаживали бороды.

Председатель нашел выход из положения.

— Пойдемте-ка, товарищи, в наши лагеря,—сказал он.—А то, может, вам и того—перекусить? А?

Это предложение было всеми принято с удовольствием. «Лагеря» помещались на дне оврага возле лесной речки. В кустах, разраставшихся на дне оврага, с трудом можно было заметить несколько повозок. Возле повозок жались мужичьи семьи.

* * *

Поздней ночью Федор в сопровождении председателя ходил в местечко за сводками. В темноте, под мостком справа, на верхней балке он нашел две шифрованные бумажки. Взбираясь на мосток, он поскользнулся в сырой глине и чуть было не упал в речку. Отошли в лес версты на две, и там при свете спичек Федор прочел шифровки.

В первой бумажке говорилось:

«Восстание в уезде совершившийся факт. Все сов- и партработники и санаторцы арестованы, за исключением секретаря партийного комитета, тов. Шеенсона. Вас, тов. Федосеев, разыскивают всюду. Михеев жив и переброшен вместе со всеми арестованными в сумасшедший дом.

Все арестованные будут расстреляны после того, как в местечко прибудет штаб белой дивизии. Восставших в местечке около 2 тысяч.

Николай».

Вторая шифровка была короче. В ней значилось:

«Штаб дивизии прибудет через два дня. В рядах восставших отсутствует дисциплина. Процветает пьянство и

мордобой. Особенно в офицерской среде. Есть случаи изнасилования женщин и девушек. Крестьянство в массе недовольно поведением белых.

Николай».

— Хорошо. Очень хорошо,—прошептал Федор, когда прочел шифровку.—Наши дела, председатель, идут в гору.

Председатель шмыгнул носом и с уверенностью ответил:

— А как же иначе? Известно.

В становище они вернулись на рассвете, сильно уставшие. Легли спать на песке и сразу богатырски захрапели.

* * *

Арон выполз из-под телеги, куда залез ночью, укрываясь от дождя. Посмотрел на часы, было 9 утра. Все небо заволокли серые, пасмурные тучи. Дул ветер, раскачивались деревья и кустарники. Между телег в траве бегали полунагие ребятишки. У реки три бабы что-то полоскали. Где-то ржали лошади.

В стороне к откосу оврага два мужика рыли землю. Возле них стояло шесть человек и курили. Арон направился к ним. Подошел. Поздоровался. Попросил закурить. Закурить ему дали.

— Что делаете, товарищи?—спросил Арон, попыхивая собачьей ножкой.

— Да кто—что? Видишь, землицу роем. Только беда—всего две лопаты. Вот по очереди и роем.

— А почему бы нам шалашей не сделать?—предложил Арон.—Лесу много.

— И шалаши будем делать. Вон, послухай-ка... рубят... двое там рубят.

— Двое и восьмеро здесь,—прикинул Арон.—А на страже кто есть, товарищи?

— Как же, есть—ребятишки.

— Только?

— А тебе кого еще надобно?

— А где остальные пятеро?

— Ушли в село.

— То-есть как ушли, зачем ушли?

— За лопатами.

— Вот дурачье! Да их там, как мух, переловят. И заставят выдать нас.

— Авось не переловят: огородами пройдут.

* * *

Копавшие присели на краю ямы передохнуть. Отирали пот рукавами грязных рубах. Арон взял у одного из них лопату.

— А ну-ка, дай-ка я, товарищ, покопаю.

Крестьяне с удивлением посмотрели на него.

— Могешь, стало быть?

— Ха-ха,—засмеялся Арон.—Я, товарищи, и не то могу; смотрите-ка—кто лучше?

Арон принялся рыть. Твердая черная земля, точно мягкая студенистая масса, легко резалась лопатой. Крестьяне смотрели на Арона с удивлением.

— Здоровяк парень. Смотри-ка, Ефим.

— Вот так ну!..

А Арон, не замедляя и не ускоряя работы, все больше и глубже запускать лопаты в землю. Ему стало жарко.

— Работяга парень,—восхищались крестьяне.—Он один уже за двоих наработал.

— Ты бы приотдохнул, парень.

— Ха-ха,—засмеялся Арон.—Я только что начал работу! Я работу люблю.

— Молодца! Молодца!

Восемь крестьян долго с восхищением следили за работой Арона.

— Дарма, что жид, а молодца,—восторженно вырвалось у одного из них.

— Не жид, а иудей,—поправил его рослый сосед.

— А то тоже жид!

— Эх, ты, недотепа: жид—это все равно, что...

— А мне что же... По мне что жид, что иудей—одно слово,—оправдывался первый.—А парень, ей, одно слово работничек. Другие, что из этих... из иудеев, больше по торговой части.

Арон оставил работу.

— Уф, жарко,—сказал он, разогнул свою могучую спину и разжал свои пудовые кулаки.

— Жарко.

Мокрая рубаха прилипла пластом к спине Арона. Он подошел к крестьянину—босоногому и без шапки. Крестьянин имел загорелое веснушчатое лицо, окаймленное рыжей бородой веером и копной рыжих волос на голове.

— У тебя, дядя,—сказал Арон ласково,—борода побольше моей, а разум, не в обиду будет сказано, с наперсток. Вот что.

— Да ты не сердись на него, мил человек, он тебя жидом назвал по необразованности,—вступился за рыжего его длинный сосед.—Это он от необразованности.

— Да кто тебе сказал, что я сержусь? Я просто говорю, что надо уметь людей различать. Вот что я говорю. Жид—это глупое слово. Помещики да цари выдумали.

— Это правильно.

Арон похлопал рыжего по плечу. Улыбнулся.

— Чего сердиться? Пусть дураки сердятся. А у кого есть закурить, товарищи?

— У меня. У меня возьми,—сразу предложили трое кисеты.

* * *

Опять двое мужиков взялись за лопаты, а остальные уселись на земле возле Арона. Солнце пробилось сквозь тучи. Далеко в небо шли стены оврага, поросшие густым кустарником и травой. Красные глинистые пласты стенок оврага чередовались с серыми песчаными прослойками и на солнце отливали кровью. По голубому небу плыли сотни легких желтоватых облачков. От земли шел пар. Пахло теплой землей и зеленью.

— Эх его парит,—сказал рыжий мужичонко.—Скоро и ржицу убирать бы! Эх! Эх!

— Да, уберешь,—угрюмо срезал его лысый в седирах крестьянин.—Тут самим бы прибраться.

— Ничего,—успокоительно заметил Арон.—Не робей, дядя. Белые здесь долго не продержатся. Поверь мне. Те из крестьян, что теперь помогают им, завтра в три шеи погонят их. За белыми помещик и урядник идут. А те по головке вашего брата не погладят. Землю отберут и перепорют.

— Так-то оно так... Что грех таить, не больно уж и советская власть-то по душе нашим крестьянам пришлась,—угрюмо проговорил седенький старичок.—Ежели бы не этот случай, так и я бы к ним пошел. Вот те свят крест.

— Да, большая прижимка была, — подтвердили другие.—Большая. Да что и говорить—грабеж средь бела дня был.

— Э, да что у вас было, расскажите, товарищи,—попросил Арон.

— Разговор коротенок,—буркнул рыжий.— Грабил упродкомиссар нас—чтобы ему ни дна ни покрывки.

— Не по совести делал. У кого хлеба было вдоволь, кто взятку давал, у того не брал, а у бедняка—под одно зерно. Вот у меня.

— Знамо дело,—подхватил седенький старичок:—землицу мы получили. А через кого? Через советскую власть. Это правильно. Это мы понимаем. Только где же закон, чтобы бедного обижать? Это не того. Вот что плохо.

— Да, упродкомиссар мошенник,—вскричал Арон.

— Знамо дело, мошенник. Вор,—подхватили все мужики.

— Вор.

— Так надо было бы донести на него в уезд.

— И в уезд думали донести. Только вот грех случился—пришли эти белые. А и стали бы слушать в уезде-то?

— Стали бы, — отрезал Арон, — стали бы. Значит, упродкомиссар у вас недавно орудует?

— Три недели всего-навсего. А народ весь смутил. Такая стерва.

— Паршивая овца все стадо портит.

— Ну, а теперь вы как же думаете быть?

— Чего тут думать—домой итти надо. Хлебушко спеет. Ох, ты ж, господи!

— А если не пустят?

— Тогда, стало быть, помирать будем.

— Э! А подрасться за свое добро нет охоты у вас, товарищи, или страшно?

— Страшно? Эх, ты—а еще коммунист! Чего нам страшно? У нас семьи есть—им есть-пить надо. Не страшно, молодец, а мало нас. Народу мало.

— Это ничего, что мало. Скоро много будет. Я знаю. Сила к нам идет на подмогу большая. Поверьте. Да и у них уже грызня началась между собою. А мы понемногу тут будем орудовать. Живыми-то в руки не дадимся. Так ли, товарищи?

— Чего там! За себя постоим, дело известное.

— А советская власть придет—ваше вам, товарищи, вернется. Все вернется, до зерна. За это я вам поручусь хоть головой!

— Спасибо тебе на добром слове,—сказали в один голос крестьяне.—Хороший ты парняга. Да нам хоша бы к себе по домам добаться, а там ничего не надить.

— Доберемся.

— Дай-то бог...

* * *

Под вечер к Арону подошел председатель. Арон лежал на траве и баловался с детьми.

— Ребята новые пришли, принять, что ли?

Арон вскочил на ноги:

— Да вы-то лучше сами знаете, принять или не принять. Я здешних людей не знаю.

— Ребята тебе старшим велят быть, так что ты уж, тово, сам разберись.

— Ага! Мм.

Арон сразу вошел в новую роль.

— Много пришли-то?

— Сорок человек и восемь баб.

— Откуда будут?

— Из Васенки—по суседству.

— Оружие есть у них?

— Почти что нет; кажись, восемь ружей есть.

Ну, что же, надежных прими; подозрительных—тех не принимай. Только ты смотри, председатель: ты мне помогать будешь, а то я ни-ни—ни за что.

— Ладно. Так прислать к тебе старшого, а эти новые пусть шалаши рубят, что ли?

— Ну, да. Постой, председатель. У вас солдаты из унтеров есть?

— Как не быть—унтер есть.

— Пусть и он ко мне придет. Ну, ступай.

Арон радовался тому, что в среде крестьянства всего на второй день после восстания есть такой большой приток в партизаны. «Ведь страда на носу, а из деревень по сорок человек бегут; не от хорошей жизни бегут,—размышлял он.—Хорошо. Прекрасно».

* * *

Пришел председатель и молодцеватого вида парень в сапогах, лет 25-ти.

— Вот и старшой и унтер,—сказал председатель.

— Меня прибывшие к вам прислали, товарищ командир.

— Так. Что это у вас в Васенке произошло? Чем это вас так обидели золотопогонники?

Парень в ответ быстро зататорил:

— Никак невозможно терпеть. Безобразия. Насильничества совершают. Грабят—безвинных рубят и стреляют. У которых родителей сын в Красной армии—то бесприменно ограбят дом, а стариков изничтожат. Многих казнили так. А вот вчера вечером новые пришли—чистое зверье—казаками прозываются. Оборванные, вшивые. Бабам и девушкам проходу не дают. Невтерпеж стало—такие стервецы—на детей малых лезут. Но вот мы, которые вот пришли

значит, спуску им не давали. Я своими руками двоих, того, дубиной оглушил. Вот.

Парень замолчал.

— Сорок человек вас?

— Сорок восемь человек, из них восемь баб.

— А провиант есть?

— С нами двадцать семь телег—всякого есть.

— А оружие есть?

— На половину наберется.

— Как тебя зовут, товарищ?

— Иваном.

— Ну, вот что, Ваня: ты в армии служил, чай? Кажется, унтер?

— Три года в пехоте—на позициях.

— Караул выставить надо, Ваня,—так, чтобы четверть людей в расходе была. Понимаешь?

— Так точно.

— Товарищ председатель, ты их там расположи. А если кого в лесу встретят, препроводи сюда. Всех чужих задерживать. Часовых всех хорошенько вооружить. Вот, Ванюша, мой помощник—товарищ председатель: в случае чего, обращай к нему.

— Это я председатель,—сказал председатель, указывая на свою грудь.

— Понимаем,—ответил молодец.

— Ну, так ступайте, делайте свое дело,—приказал Арон.

Председатель и Иван быстро пошли и скрылись в кустарниках.

— Хорошо. Очень хорошо,—повторял Арон.

* * *

Через час пришел Федор. Арон все события дня рассказал ему подробно. Федор одобрительно покачал головой.

— Молодец! Смотри, Арон, власть из своих рук не выпускай! Мы с этим отрядом дело раздуем. Я сегодня же передам моим информаторам в местечко, чтобы они факт существования отряда использовали в нашу сторону. Это, братец, не трудно сделать. Стоит только сказать в местечке, что неподалеку от белых в лесу стоит красный партизанский отряд,—как к нам польется целый поток добровольцев, да и на белых это будет действовать разлагающе. А дня через два мы налет сделаем. Сами дадим о себе знать. Да и кстати нужно теперь во что бы то ни стало освободить своих из заключения. Я это предприятие беру на себя. Ты мне только дашь с десятков молодцов, а в общем ты, братец, молодчага—хвалю.

* * *

Всю ночь и следующий день Арону не давали ни спать, ни отдохнуть. То и дело часовые из лесу приводили в лагерь вооруженных и невооруженных крестьян, бежавших из своих деревень. Они шли и по одиночке и целыми десятками. Но с семьями приходило мало.

К вечеру второго дня Арон насчитывал в отряде целых сто двадцать шесть человек; из них больше половины было вооружено. «Хорошо наградила оружием деревню демобилизация 1917 г.»,—думал Арон.

Днище оврага запестрело телегами, шалашами, босоножими, волосатыми людьми. Горели целыми днями костры (по ночам Арон запрещал зажигать что бы то ни было в стоянке). Шумела людская речь, резвились в песке и у быстрой речки нагие ребятишки.

* * *

Когда стемнело, пришел Федор. Он ходил к местечку. — Ну, братец, наших-то в местечке не то завтра, не то послезавтра стрелять будут. В местечко приехал штаб белой дивизии и целая казачья бригада. Вчера они не разделились с нашими потому, что ждут с фронта пленных красноармейцев. Генерал решил заодно рассчитаться. Ты, братец, выборку произведи сам восьми человек из ребят. Нужно, чтобы они были похрабрее и хорошо вооружены. Завтра вечером двинемся налетом, освободим товарищей. Я же сейчас пойду в местечко. Нужно узнать, что делать. Я написал агентам, чтобы они все подробности узнали через Феню—ты не забыл ее? Нет. А я-то, братец, забыл и только теперь на счастье вспомнил. Кстати, пошли ко мне сейчас же председателя: он со мной пойдет в местечко.

— А мне можно с тобой итти?

— Ты тут, братец, управляйся получше, а там я и без тебя справлюсь. Ну-ка, ступай, давай председателя, да не забудь завтра к вечеру выслать к местечку восемь-десять человек, часам к семи, да смотри—вышли их часа за три раньше: дорога большая, как бы не опоздали.

* * *

Еще в 3-м часу утра Федор в сопровождении председателя подошел к мосту. Председатель слазил под мост и положил в условленное место срочный приказ Федора. В приказе предлагалось немедленно информатору Николаю связаться с сестрой милосердия Феней, узнать, где Михеев, как к нему проникнуть. В приказе предлагалось устроить панику в местечке в момент налета.

Кругом было сыро, темно и тихо. Под мостом булькала вода, переливаясь через небольшую плотину.

— А теперь, председатель, нам надо облюбовать такое место, чтобы из него можно было незаметно наблюдать за штабом и за больницей.

— Они почитай что в одном доме. Рядом.

— В этом-то и беда. Кругом площади пусто. Улица широченная, и всего две постройки казенных.

— Есть там и крестьянские домишки. Подле церкви. А церковь в пятидесяти шагах от больницы. Там мой племянш живет.

— Надежный?

— Ничего. Свой человек.

— Так вот что, председатель: ты пойди и предупреди его. Прямо к нему нельзя. Небось, офицеры на постой стали.

— Идем прямо; у него домишко есть недостроенный. Рамы, двери и крыша не достроены—досками заколоченные, а с потолка-то ход есть. Вот оттуда можно смотреть в щелку. И незаметно.

— Ага! Ну, тогда пойдем. Только ты потише там, председатель. Да постой. Вот что. Я в этот недостроенный дом заберусь один и буду сидеть там целый день до темноты. А ты отсюда пойдешь к мосту, подождешь ребят—к вечеру они явятся. Заберешь под мостом донесение, захватишь ребят с собой, и вместе с ними валяй сюда. Понял?

— Как не понять.

— Только ты их сперва где-нибудь оставь в стороне, поблизости, а сам придешь ко мне. Понял?

— Понял.

— Ну, идем. Только куда ты?

— Огородами пойдем. Спокойнее.—Федор без разговоров пошел за председателем.

Через несколько минут перед ними выросла черная неуклюжая масса построек.

— Пришли. Погоди тут.

Председатель исчез в потемках. Долго кругом было тихо. Федор зарядил браунинг. Открыл кобуру нагана. Прислушался.

Вблизи слышались приглушенные голоса. Захрустел песок под ногами.

— Товарищ, где ты? Ступай сюда.

Федор отправился на голос и в темноте увидел председателя с молодым парнем.

— Идем скорее,—шепнул председатель.—Племяш там лестницу ставит.

— А это кто?—спросил Федор.

— Это евоный сынок. Только ты помолчи.

Прошли двором среди темных построек. В хлеву замычала корова, заблеял барашек—и вновь все стихло. Вышли на улицу. На противоположной стороне стал виден могучий корпус больницы, светящийся сотнями окон. Немного в стороне от больницы помещался небольшой дом в один этаж, но ярко освещенный.

— Это штаб,—шепнул парень Федору.

— Ага! Хорошо.

На востоке небо стало светлеть. Кругом закукарекали петухи.

— Поспешай, товарищ, вот сюда.

Председатель тащил Федора к темному срубам с заколоченными дверями и оконными отверстиями. Над срубом вместо крыши торчали стропила. К теневой стороне сруба прислонилась лестница; возле нее стоял одетый в полушубок бородач.

— Полежай, товарищ,—сказал он глухим басом.—Развидняется уж. Ну, с богом.

Федор быстро забрался по лестнице наверх.

— Нашел дырку-то?—спрашивали снизу.

— Нашел.

— Ну, не бойся, сигай вниз—невысоко. А мы уж уйдем.

Послышались звуки удаляющихся шагов. Федор приблизился к краю стены, у которой стояла лестница. Посмотрел. Ни лестницы, ни кого из людей вокруг не было. Тогда он подошел к черному четырехугольному отверстию в потолке сруба. Ухватился руками за его края и прыгнул вниз. Пол оказался близко. Прежде всего он посмотрел в небольшие просветы между досками, которыми были заколочены окна. В просветах была хорошо видна площадь, больница и штаб. «Отличный наблюдательный пост,— решил Федор.—Отсюда можно будет проследить, что делается в штабе и больнице. Будем ждать рассвета».

* * *

Оказывается, незаметно для себя Федор уснул. Разбудил его теплый солнечный луч, скользнувший по лицу. Федор сразу вскочил. «Заснул, кляча»,—злобно выругал он сам себя. Быстро подбежал к окну на площадь. Посмотрел в щелку. На дворе был яркий летний день. Все сияло, искрилось и горело красками. Вдоль улицы и на площади было полно солдат и казаков. Федор вначале подумал, что это новое подкрепление противника. Но его поразил жалкий вид солдат. Оборванные, грязные, избитые стояли они вдоль пыльной дороги. Испуганно озирались по сторонам. Ни на одном из них не было оружия.

«Э, да ведь это же пленные красноармейцы,—догадался Федор.—Как это я не мог сообразить раньше».

Всего каких-нибудь тридцать шагов отделяли его от пленных. Он ясно видел их серые лица.

Со всех сторон обступили пленных вооруженные казаки, низкорослые, бородатые, злобные. Несмотря на полуденную жару, казаки были одеты в теплые шерстяные бешметы, украшенные на плечах разноцветными погонами, и в зимние картузы и папахи. Дула винтовок торчали у них из-за спины. Сабли в поношенных ножнах болтались на боку.

* * *

В воздухе повисли злобая брань и язвительный смех. Казаки злорадно потешались.

— Довоевались, так вашу мать,—сердито шамкает седоусый,—дряхлый, худой, как камышинка, казак-старик, серый—от седых волос и до пыльных сапог.—Черти поганые, Христа продали. А, проклятые!

Старик трясет черной потрескавшейся шеей.

— Ось погодите,—басит его сосед, дюжий казак.—Ось мы вас, дохлых чертей, зараз порубаем на шашлыки.—И казак до половины обнажает клинок сабли.

— Плохи будут шашлыки,—острит третий гундосый казак. Ясно видит Федор в свою щелку его обезображенное оспой лицо и красный прыщ вместо носа.—Им Троцкий по одному хвосту тухлой селедки давал на день, так что они насквозь протухли селедкой.

— А тебе поди как плохо,—возражает дюжий казак.—Теперь сам знаешь, пост, хотца солененького, так заместо рыбки и сойдут.—Казак потирает руки. Кругом смеются.

* * *

Пленные молчат и с безысходной тоскою смотрят вокруг. «Как видно, не кормили уже несколько дней ребят»,—думает Федор. Больно сжимается сердце.

У самого конца ряда пленных стоит рослый красноармеец, одетый в одни изорванные засаленные шаровары. Он весь в синяках и кровоподтеках. Особенно избито лицо. Он с завистью смотрел на стоявшего неподалеку молодцеватого казака-щеголя.

«Чего это он так смотрит на него? Уж не завидует ли он его одежде?»—думает Федор. Казак одет в синий бешмет, поверх бешмета вьется пояс в серебряных бляхах, во рту у казака дымится большая серебряная трубка.

«Покурить парень хочет... вот чего он смотрит на этого франта,—решил Федор.—Бойтся попросить».

Вспомнил Федор рассказ одного курильщика-красноармейца. Он попал однажды в плен к казакам и благополучно удрал оттуда. Пробовал это красноармеец в плену несколько раз попросить у казаков хотя бы маленького окурочка. Но всегда зря. А часто в ответ на свою просьбу он получал колотушку. Это был какой-то каменный народ, лишенный чувства сострадания. Били же казаки по чем придется и непременно с презрительным приговором: «Вот тебе, сучий сын, окурочек! Собачье мясо!! Ишь чего захотел. Может, уж тебе и вина принести, а заодно и бабу привести?! А, стервец! Вот тебе еще! Что, ндравится?»

«Может, и тебя, братец, колачивали за такие же просьбы»,—думал Федор, глядя на смотревшего с завистью пленного. Но тут внимание его отвлеклось в другую сторону. Из-за угла штабной избы выбежал молодой офицер, одетый с иголочки. Он весь сиял, начиная с новых, нестерпимо блестящих лакированных сапог и до новых серебряных погон с двумя золотыми звездочками. Блеск увеличивали напояженные и прилизанные волосы, до того блестящие, что вся голова офицера казалась Федору покрытой расплавленным стеклом. Покуривая толстую папироску и не

брежно посматривая вокруг, он подошел прямо к концу ряда пленных. Гримасничая, посмотрел поверх пенсне в золотой оправе на рослого красноармейца, одетого в одни засаленные штаны. Красноармеец опустил глаза вниз. «Сволочь»,—произнес с присвистом офицер и быстрым движением руки бросил дымящуюся папироску. Она угодила прямо в лицо полураздетого красноармейца. У красноармейца вырвался громкий крик боли и придушенного гнева. У Федора сжались кулаки. «Мерзавец!—прошептал он по адресу офицера.—О, подлец!».

А офицер, насладившись зрелищем человеческого страдания, не спеша скрылся в раскрытых настежь дверях штаба.

— Гы-гы-гы,—заржали казаки.—Ловко попал их благородие. Гы-гы.

В другом конце площади казаки устроили игру в чехарду. Внимание всех отвлеклось туда.

* * *

Федор вдруг заметил, как обиженный красноармеец хитро сделал вид, точно у него зачесалась ступня. Он нагнулся, почесал ступню и незаметно поднял брошенный офицером окурок. Этот маневр красноармейца Федор отлично видел из своей щели. Осмотревшись вокруг себя, красноармеец, зажав в кулак окурок, быстро и глубоко затаился. Потом еще и еще. Но не успел он выдохнуть дыма, как вдруг обеими руками схватился за шею и присел к земле. Предсмертный крик прорезал воздух и замер. Через несколько секунд окаменевший Федор увидел из своей щели этого красноармейца, лежащего в пыли, лицом к земле. Из огромной раны на шее, булькая и поблескивая на солнце, выливались потоки огненно-красной крови.

Пленные оцепенели, глядя на внезапно убитого товарища. Федор до боли сжал ладони рук. «Скорее бы вечер,—шептал он—Нужно отомстить этим палачам».

Убийца стоял позади ряда пленных. Он был хорошо виден Федору. Это был казак из охраны, с диким чернородым лицом. Он стоял возле трупа, насупив брови, и хладнокровно вытирал окровавленную саблю ветхой солдатской шапчонкой убитого. Даже некоторые казаки отвернули свои лица от зарубленного. Говор и смех замолкли.

Убийца не спеша вытер саблю до стального блеска и вложил ее в ножны. Потом стал, широко раскорячив ноги. Ноги у него были обуты в большие сапоги гармонькой, сильно забрызганные кровью убитого. Он подбоченился и, потрясая кулаками, зычно проревел:

— Я вам задам, как без моего позволения курить! Смотрите же на него и запомните хорошенько, запомните, черти полосатые!

«Запомним, запомним», — шептал дрожащими губами Федор.—Всё запомним.

Труп оттащили за ноги в сторону и накрыли рогожей, а лужу крови засыпали песком.

* * *

Из штаба выбежал усатый офицер и скомандовал строиться. На площади поднялась невыразимая суматоха. Крики, брань, беготня. И вдруг Федор не верил своим глазам: из парадного подъезда больницы вооруженные казаки начали выводить больных санаторцев. Среди них были Стрепетов, Ветров и десяток других знакомых лиц.

«Неужели я запоздал?» Руки у Федора похолодели. Он задрожал. «Не может быть». За санаторцами вышли члены местного совета и коммунисты здешней ячейки. Их всех

отвели к штабу и окружили двойной шпалерой казаков с саблями наголо. Опять выбежал из штаба усатый адъютант и скомандовал: «Смирно, господа офицеры!» Площадь затихла. На затихшую площадь вышел, как видно, старший начальник. Он был человеком тощим, развинченным и угловатым. Генеральский мундир висел на нем, как на вешалке. По бокам его шли сияющие адъютанты, а позади штабная свита. Видно было по красным лицам и оживленным размашистым движениям, что все офицеры сильно навеселе. Сам генерал мурлыкал довольно громко какой-то игривый марш.

Трата-та! Трата-та!

Трата-та! Трата-та!

— слышал Федор из своего убежища.

Посредине площади генерал остановился, заложил два пальца за отвислый борт своего мундира и отрывистым, дрожащим, петушиным криком произнес:

— Здорово, молодцы этапники!

Вся площадь загремела в ответ:

— Здрав-жлаем, ваш-прев-дит-ство!

Мило улыбнувшись молодцам-казакам, генерал, потирая руки, подошел к пленным. Остановился. Выставил вперед правую ногу и снова пропетушил:

— Здорово, оборванцы!

Пленные молчали.

Генерала взбесило молчание. Он сразу затопал ногами, задрожал весь, заставляя свою уродливую тень выплясывать на золотом песке причудливый танец. Уже совсем визгливым, пронзительным голосом стал выкрикивать желчные ругательства.

— А, краснопузые дьяволы, молчите? Не хотите отвечать, подлецы? Вышли из повиновения? Я вас!.. Я вввввам!..

Десятого расстреляю, а спесь сгоню. Пятого расстреляю. Голодом уморю. Я вам покажу Ресефесерию, Совдепию. Я вам, черти, вместе с вашим Троцким своими руками кишки выпущу, а очищу матушку Россию от негодяев. Будете знать у меня, как бунтовать!

«Эх, опоздал, я. Опоздал...», — шептал пересохшими губами Федор. Эта мысль жгла его голову. Он то бегал по темной клетке, то вновь припадал к щели окна.

Генерал, нахмурив седые брови, подошел к пленным ближе на два шага. Вся его свита, поблескивая на солнце, продвинулась за ним.

— Ты кто такой? — вкрадчиво, мягким тоном обратился генерал к белокурому и простолицему парню, стоящему первым в ряду пленных, понутив голову.

— Красноармеец Иван Федоров, — ответил пленный. Не успел красноармеец закончить ответ, как упал спиной на землю от сильного удара в лицо. Все лицо у него залилось кровью, хлынувшей из носа и изо рта. А генерал, быстро бегая вдоль ряда пленных, принялся кричать так дико, точно у него горели внутренности:

— К-р-р-расноармеец! Я вам, перетак вашу мать, покажу красноармейца! А ну-ка, кто еще красноармеец? Что, нет? Молчите? Кто доброволец? Тоже нет! Мобилизованные есть? Небось, все, как один, мобилизованные? Хе-хе. Нет. Дудки. Вам меня, старого волка, не обмануть. Сию минуту выдавайте коммунистов, добровольцев и жидов. Иначе никому из вас не будет пощады. Всех р-р-расстреляю. Ну, смелей говорите!

Генерал делал усилия, чтобы успокоиться.

— Кто первый скажет, того прощу, освобожу и награжу по-царски. Ну?.. — Генерал замер в ожидании.

И Федор замер в ожидании, впившись в щелку.

Пленные молчали, еще ниже склонив к земле свои взлохмаченные головы.

— Говори ты,—повелительно обратился генерал к правофланговому худому, загорелому южанину.

— Не знаю,—смело ответил пленный и вскинул голову.—Мы разных частей.

— А! Не знаешь? Скрываешь. Расстрелять подлеца, выведите его из строя! Ну, теперь ты скажи,—повернулся генерал к следующему по порядку. Тот тоже не знал.

— Рассс-стрелять,—коротко приказал генерал, и следующего пленного вывели из строя.

* * *

Но через минуту эту затею пришлось отбросить. Генерал опросил больше половины пленных, но результат опроса был один и тот же. Генерал взбесился до последнего предела. Его худощавое, остроконечное, седоусое и сероглазое лицо стало пунцовым—до того оно залилось кровью.

— А-а-а! А-а-а! А-а-а-а-а!—Только один звук кричал он долгое время. От этого звериного крика побледнели даже адъютанты. Все офицеры вытянулись по-военному. Со страхом и тревогою смотрели на своего начальника. Наконец, горло генерала охрипло от крика, а ноги перестали бешено топтать землю. Он затих. Прошло несколько мучительных минут.

И вдруг среди полного молчания слышит Федор, как весело и громко засмеялся генерал.

— Ага, нашел! Узнаем,—сквозь смех закричал на всю площадь генерал.—Адъютанты, осмотреть у пленных руки. Ха-ха! Кто между ними окажется со свежими мозолями на руках, тех мы всех и расстреляем. В последнее время у них мобилизации не было вовсе—кроме партийных.

Следовательно, кто окажется с мозолями, тот или доброволец или коммунист. Не так ли?

Вся свита улыбалась генеральскому хитроумию:—Необычайно. Непостижимо!

— А выборку сделают мои верные казаки. Они это умеют делать просто. Итак, приступайте. Ну!

* * *

И, точно в кошмарном сне, видит Федор из своей щели небывалый воинский смотр. Расфранченные адъютанты ходили вдоль ряда пленных и внимательно осматривали у них ладони рук. На выхоленных лицах расплывались пьяные улыбки. Пошлые шуточки и циничные грубости сопровождали этот смотр. Красноармейцев, у которых, как видно, были свежие мозоли на руках, тотчас же выводили из строя. И видит Федор, как многие пленные падали, как подкошенные, на землю. Они были не в силах выстоять на ногах до своей очереди. А адъютанты били упавших по чем попало ногами.—Эй, сволочь, поднимайся!—кричали они при этом. У Федора кружилась голова от гнева и ненависти:—Скорей бы вечер,—шептал он.

* * *

И видел Федор дальше... Смотр окончен. Жатва оказалась тучной. Больше половины пленных было выведено из строя. Доложили генералу. Тот, не прерывая веселого разговора с офицером, небрежно махнул рукою.

— Начинайте,—сказал он и не спеша стал раскуривать толстую сигару.

Обреченных отвели к штабу и присоединили к ним саторцев.

«Неужто расстрел?»—молнией промелькнула мысль у Федора. Он как-то весь окаменел. Притих.

Обреченных, на виду остальных пленных, по пяти человек начали уводить за угол штабной избы. Скоро оттуда раздались ружейные залпы, стоны и вой раненых и умирающих. Многие из обреченных стали плакать и молить о пощаде. Но на них никто не обращал внимания.

К очередным жертвам генерал выслал дивизионного священника. Священник, высокий длинноволосый человек в серой рясе, быстро подошел к пленным, сверкая большим золотым крестом, висевшим у него на груди, на массивной цепи. В руках священник держал толстую книгу. Священник что-то стал говорить обреченным, часто показывая на книгу. Ни слов, ни голоса священника Федор не слышал; расстрел шел бурно. Выстрелы и стоны умирающих наполняли воздух. Священник снял крест с груди и протянул его к лицу ближайшего красноармейца. Тот отвернулся. За ним отказались еще несколько. Из середины толпы потянулись руки за крестом, но их священник не заметил. Он с ненавистью уставился на несколько кулаков, грозивших ему из толпы. Потом быстро надел на грудь крест и в свою очередь сразу двумя руками погрозил в сторону осужденных. Изгибая свое худое тело, он два раза сплюнул туда же. Подобрал подол своей рясы и все время отплевываясь, быстрыми шагами пошел к штабу.

* * *

Во время затишья вдруг несколько голосов из толпы осужденных громко запели «Интернационал», но им казачи не дали окончить гимна. Их сразу же вывели из толпы товарищей и быстро повели за штабную избу. Их было ше-

стеро. Между ними Федор увидел Стрепетова и Ветрова. Они, как ни в чем ни бывало, шли обнявшись и пели:

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим...

Вот скрылись они за углом, раздался залп, и отдаленное пение прервалось криками и стонами.

Федор до крови закусил губы. Со страшной силой сжал кисти рук. Закачалась стена, расплылась щелка, и последнее, что видел Федор,—это был генерал.

Генерал стоял неподалеку от штаба. Фуражка у него откинулась на затылок. Он гордо подбоченился. Держал во рту дымящуюся сигару. Лицо его самодовольно улыбалось. Дальнейшего Федор не помнил.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Благополучно отправив Михеева на чердак, Феня быстро сошла с лестницы. Побежала по темному коридору в свою комнату. С трудом нашла замочную скважину. Открыла дверь и тотчас же закрыла ее на ключ. Быстро разделась и юркнула под одеяло. За дверями в коридоре была слышна беготня. Крики. Шли минуты. Кто-то подбежал к ее дверям и крепко постучался.

— Феня! Феня!—закричал грубый женский голос.—Скорее откройте.

По голосу Феня узнала его обладательницу, больничную фельдшерицу. «Старая ведьма!»—прошептала она и продолжала притворяться сонною.

Еще громче раздался стук в двери. Стучали и руками и ногами.

— Сестра Феня! Феня!—уже ревел за дверями грубый женский голос. Феня, точно спросонок, сердито спросила:

— Кто там стучит, что нужно?

— Ах, милая Феничка! Откройте скорее! У нас такое несчастье!

— Сейчас, милая. Вот зажгу свет.

— Нет! Не зажжете!—сказал голос из-за дверей.— Электричество испорчено.

— Разве? Давно?

Наконец, Феня открыла дверь.

— На самом деле темно,—сказала она, глядя в коридор.— А у меня свечей нет.

— Ах, душенька,—затараторила вошедшая,—просто что-то невообразимое. У нас несчастье.

— Да что же такое? Не пугайте меня, Розалия Алексеевна,—тревожно сказала Феня.—Говорите скорее!

— Понимаете. Провода перерезали. И опять один тяжело больной убежал. Понимаете, голубушка—из политических. Мы все взволнованы. Сам доктор хватается за голову. Но ничего не поделаешь. Ах, как это неприятно, душенька. Как больно!—Говорившая тяжело дышала.— Я сейчас бегала-бегала—и все напрасно, милая. В дверях торчит отмычка. Искали, все искали и нигде не могли отыскать беглеца. Как тяжело!.. Решила к вам забежать. Ах, ведь это так ужасно!.. Так дерзко... Представьте, Феничка—второй случай на этой неделе. Просто хоть вешайся.

— Да как же так?—искренним тоном недоумевала Феня.—Ведь кругом стоит стража. Ворота закрыты на замок, двери тоже...

— Окно открыли, милая... Окно на улицу. Там, правда, был часовой, но, представьте, говорит—ничего не видел. Ничего не слышал. Конечно, сообщник, врет все.

— Его арестовали?

— Как же!.. Ах, какое несчастье! Это, наверное, кто-нибудь из своих делает!

— Не иначе, как свои, Розалия Алексеевна!

— Да. Да.—Фельдшерица близко наклонилась к Фене и продолжала шопотом:

— Доктор велел мне наблюдать за санитарями и сиделками. Это, извините за выражение, сволочь... На всякую подлость способны. Они сочувствуют этим...

— Да зачем же им больной!—казалось, искренно недоумевала Феня.—Просто не пойму.

— После поймете, душенька, тут что-то есть. Ох, господи! Кстати вот что, милая. У меня есть к вам дело. Думала завтра поговорить, но уж лучше сегодня. Вообще вы мне симпатичны, Феничка. Я видела вашу рекомендацию нашему главврачу. Очень премилая рекомендация. Правда, очень плохо, что вы на этих красных курсах были... Но ведь вы дочь полковника, не так ли? Мне показывали ваши анкеты. А это многое значит, очень многое. Дочь полковника не может сочувствовать этим... душителям всего хорошего, этим вандалам. Для них ведь нет ничего святого. Потом, ведь знаете, голубушка, шильце-то в мешке не утаишь. Сразу видно, что вы всей душой ненавидите этих грабителей... Ах, оставьте, не возражайте. Я ведь все тонко подмечаю, милочка. У вас в анкете значится: «до 18 лет жила в своем имении». О, я это понимаю. В своем имении. Ах, да, очень понимаю. У меня тоже было имение. Ох-ох-ох!—послышались всхлипывания. Просто прелесть имение. 50 десятин луга и леса. Особняк в 32 комнаты. Картины. Статуэтки. Ковры... Сад с розами... Пруд, знаете, беседка, рояль... и все эти палачи отняли у меня и... вероятно, сожгли.

— Почему же сожгли?—полусердито вырвалось у Фени.

— То-есть как почему, милая?

— Может быть, вам удастся вернуть все это,—поправилась Феня.—Времена переменчивы, нужно надеяться.

— Я и надеюсь, голубушка... Но все-таки тяжело. Только бы вернуть, а уж там... Моя милая, мы друг друга хорошо понимаем... Так вот что, Феничка... завтра этих бандитов,—она топнула ногою об пол,—в штабе решили расстрелять...

— Завтра?—с болью вырвалось у Фени.—Что вы говорите?

— Уж не жалеете ли вы их, Феничка?

— Что вы, что вы, напротив, я завтра дежурная и не сумею посмотреть на казнь. А очень бы хотелось.—Последнее слово Феня произнесла почти шопотом.

— Ах, вот вы о чем. Ну, это пустяки. Да туда, кажется, никого не пустят. Генерал, кажется, очень сердитый. Но вы не жалеете. Мы сходим после посмотреть убитых. Это тоже интересно. Я бы сама, душенька, очень хотела посмотреть, как их будут расстреливать. Очень. Я их хорошо знаю, этих негодяев, по санатории. Все разыгрывают из себя каких-то мучеников, страдальцев, праведников.—Стул под фельдшерницей закрипел.—Такие висельники. Грабители.

* * *

В комнате загорелась электрическая лампочка под голубым абажуром. При этом свете Феня заметила на жирном и тупом лице фельдшерницы злое выражение. Полуоткрытый рот, расширенные глаза, сжатые брови.

— Ах, загорелось электричество. Это мило. Это прелестно,—сказала фельдшерница, меняя выражение лица.—Ну, так вот что. Заодно уж. Я хотела вам сказать, милоч-

ка... А у вас, Феничка, я только теперь замечаю, такая прелестная шейка. Просто хочется поцеловать ее! Прелесть!

Феня в ужасе закрыла шею ладонями рук.

— Ну, ну. Не бойтесь, душенька,—сально улыбалась фельдшерица.—Не поцелую! Какая вы еще девочка. Но недолго вам быть таким бутончиком. Даже главврач смотрит на вас—точно голодная собака на мясо; он у нас большой бабник. О, я это по себе знаю. Не отворачивайтесь. Но я вам помешала спать. Я задержусь у вас еще на минутку, заодно уж. Я послезавтра уезжаю в командировку в штаб верховного командования. Есть важные поручения, милочка. Нужно вам временно замещать меня... Самое важное—следить за санитарями, душенька. Я вам укажу завтра персонально—за кем. Согласитесь ли вы на это, золотце мое? А, милочка?

— Я согласна,—быстро сказала Феня. Ей было тошно слушать даже самый звук голоса фельдшерицы. Хотелось избить ее. «Скорей бы ушла, ведьма». Только этого желала Феня.

— Это хорошо, что вы согласились, душенька. Я, правда, так и думала, что вы согласитесь. Превосходно, милочка. Донесения же будете делать устные каждый вечер главврачу, но вы, радость моя, не бойтесь. Он такой милый человек. Ах, такой ласковый. Но и огненный—берегитесь его. Да.—Фельдшерица поежилась.—Так я, милочка, пойду на дежурство, а завтра скажу о вашем согласии главврачу. Мне же, бедненькой, придется до утра.

Фельдшерица встала, потягиваясь.

— Простите, что побеспокоила. Такой случай, знаете. Так я пойду. Прощайте, милочка. Покойной ночи, голу-бушка, спите спокойно.

Фельдшерица вышла, сильно хлопнув дверью.

«Насилу-то ушла, толстая ведьма!»—Феня облегченно вздохнула, закрыла на ключ дверь, погасила свет и в потемках забралась под одеяло. Но сон бежал от нее.

В окно засматривала темная, но звездная ночь. Кругом было тихо. Все мысли Фени сосредоточились вокруг завтрашней казни санаторцев. Ей все казалось, что она многое могла бы сделать для них, но не сделала. Правда, она не знала, что завтра казнь, но почему она не испробовала раньше все меры к их освобождению? «А теперь,—думала она,—что можно теперь сделать для них? Ничего. Уже скоро рассвет. Днем же нечего и помышлять о попытке к бегству. Остается надеяться на случай. Но на случай надеяться никогда нельзя».

Беспокойно ворочалась Феня под одеялом. Было жарко и душно. Проснувшиеся мухи стали биться о стекло окна: з-з-з-з-з-з-з-з-з-з. «Ничего не поделаешь». Феня тяжело вздохнула. Чтобы отогнать эту гнетущую мысль, стала думать о другом. «Ах, как хорошо было бы заснуть». Но сна не было. Одеяла и подушка жгли ее тело.

«Дальше здесь находиться мне нельзя. Еще с этой толстой ведьмой я могла вести игру, но с главврачом не могу. Нет, ни за что. Нужно бежать. Довольно».

З-з-з-з-з-з-з-з-з-з—бились о стекло окна мухи.

«Но как быть с Михеевым и Фроловым? Разве бежать вместе с ними? Иного выхода нет. Иначе они сдадутся и будут казнены или сами убьют себя... Но бегство нужно обдумать как-нибудь поскорее... Вот бы заснуть!»

Потянулись обрывки мыслей. «Где теперь наш фронт? Казаки говорили, что он под Москвой.—Скоро будем в Первопрестольной,—говорили они. Эх, туда бы и мне... на фронт».

Понемногу ее охватили ночные настроения. Одна давно знакомая мысль стала назойливо донимать ее, точно комар. «Где он, что с ним?» Она отгоняла эту мысль от себя с большим трудом. Всегда, когда она бывала наедине с собою, эта мысль резала ее сознание. Мучительно сжимала сердце. В минуту человеческой слабости эти мысли убивали ее.

Она любит его. Любит и желает. Но разве есть хоть намек на возможность быть вместе? Нет, нет! Она гнала эти мысли прочь. Он и она—для революционной работы, и этому должна быть подчинена их личная жизнь. Но где же мера? Где граница, до пределов которой эта желанная мысль возможна? Или этой грани для нее не было? «И не может быть... Не имею права. Не должна. Не могу»,—шептала Феня пересохшими губами. Гнала от себя эти мысли, но прогнать ей их не удавалось. И чаяла внутренне, что в чем-то есть ее ошибка, что не совсем права она. Но только не знала, в чем именно. Это внутреннее чувство твердило ей в минуты слабости: «Любить товарища по делу не грех, а радость. Зачем ненужный аскетизм? И возле него сумеешь быть столько же полезной для революции. К тому же ты будешь поднимать в нем бодрость, вселять в него силу!»

Раньше ей эти мысли и чувства все-таки удавалось перебарывать в себе. Но теперь они овладели ею. Она негодовала на себя. Если бы он только знал эти ее мысли, он бы хорошенько пожурил ее. Это позор в такой момент, но... чувство перебороло в ней рассудок. «Что с ним, жив ли, здоров ли?» Прерывисто дышала грудь. Горела голова. «Может быть, в эти минуты он где-нибудь лежит раненый или больной, без помощи, а может быть и уже нет его в живых». Эта мысль заставляла ее холодеть. «О-о-о!» Феня металась по кровати.

«Где он теперь, родной? Где он, любимый, милый?» Целый вихрь мыслей и образов вздымался в ее сознании, рисовал ей то страшные, то сладкие картины. Воображение и темнота помогали ей в этом.

То вот он лежит один в поле. Из большой раны на его лбу потоками льется кровь. Он тянется к ней своими слабыми, дрожащими руками. И уж готова вскрикнуть она от пережитого ужаса.

Или видит она его таким, каким он был восемь лет тому назад. Он улыбается. Лицо его светится любовью. Глаза ласкают и манят. Он тянется к ней, и уже шепчут ее губы: «Милый, любимый».

Перед утром она беспокойно заснула. Но и во сне она не могла успокоиться. Ей снился тяжелый сон.

* * *

Снилась ей Красная площадь в Москве. Она стоит у Кремля, ждет чего-то важного. Пасмурный зимний, снежный день. Вдали красуется, точно игрушка, церковь Василия Блаженного. К ней тянется длинная, высокая, зубчатая кирпичная стена Кремля и пропадает вдали. В воздухе кружатся крупные снежинки. На зубцах Кремля, на шапках Василия Блаженного и на земле лежат сугробы снега. Феня стоит неподвижно. Напрягает память: зачем она здесь?

Наконец, вспоминает. Здесь будет митинг. Будет говорить Ильич. Тяжелые вести с фронта. Заняты Тула и Петроград. Революции грозит опасность.

«Но почему же пуста Красная площадь?»—спрашивает себя Феня. Кто-то позади отвечает ей: «Разве площадь пуста? Ты всмотрись».

Смотрит пристально Феня и видит, что на самом деле вся площадь от края до края полна рабочими. Все они стоят неподвижно. Видит она засаленные куртки, солдатские отрепья вместо одежды, изломанные картузы. Изорванные—из мешков—фартуки. Полушубки. Шинели. Заплатанные кофты.

Видит она на изможденных, серых, щетинистых лицах напряженное внимание.

Все безмолвствуют. Не шелохнутся.

«Они ждут так же, как и я,—решает Феня.—Что-то нам скажет вождь?»

Неподалеку возвышается трибуна, сколоченная из жидких досок. Трибуну покрывает снег.

Отсюда он будет говорить.

Вдруг шум и движение в толпе. Слышатся крики: «Идет. Он идет!»

Феня тянется вперед, смотрит кругом и видит:

Расступается толпа. В белом снежном промежутке не спеша идет Ильич. Он, как всегда, в темной кепке и осеннем пальто. Руки засунуты в карманы пальто. Идет и смотрит вниз под ноги.

И видит Феня, как вся площадь тянется к нему сотнею тысяч рук. Но он идет вперед. Не смотрит по сторонам. Мерной железной поступью подходит к трибуне. Входит на нее.

Вот он, великий вождь мировой рабочей революции. Вот он возле нее.

Его лицо исполнено непреклонной решимости. На лбу запала глубокая складка.

Что-то раскаленное, огненное говорит Ильич. Слова, непонятные Фене. Но смысл всей речи ясен без слов. Как всегда, он зовет к битвам, к борьбе и победе

И вот уже не площадь окружает ее со всех сторон, а необъятное поле, усеянное народом. И чувствует Феня, как с каждым звуком его голоса у всех растет и ширится могучий порыв. Закипает безудержная отвага в сердцах.

«Скорей бы в бой!»

* * *

В комнате темно, и жарко, и душно. За окном далеко кричат петухи. Тихо, тихо. Невыносимо жарко под одеялом. Феня сбрасывает его с себя, садится на кровати.

«Нет, лучше я не буду спать до утра»,—решила она. Оделась. Зажгла настольную электрическую лампу. Комнату наполнили синие отсветы абажура. На столе образовался большой ярко-оранжевый круг. Феня села в раздумьи у стола.

Она рассуждала с собой, как бы убеждая себя, но обращаясь мысленно к нему, к Пете: «Раньше мы подпольничали. Замыкались в узком кругу, в узкой работе. Тогда я могла дать волю своему чувству и почти целиком принадлежать ему. Но нынче—кипит революционное пламя. Нехватает сил у партии. Дело освобождения рабочих поставлено на карту, и вот теперь я не имею права на сколько-нибудь уйти от работы. Я не имею права позволить своему чувству завладеть собою, быть вместе с тобой. Это будет недостойно коммунистки. Ты посуди сам. Что будет, если мы будем вместе? Я буду заботиться о тебе. Буду следить за твоим здоровьем, болеть твоими неудачами. Словом, я буду твоею женою, но я не буду бойцом партии. А задачи так велики, цель так священна, долг так ясен, дорога так светла, что у меня не должно быть сомнений. Если бы ты был со мною, ты сказал бы то же самое и рассмеялся.

Но, милый Петенька, все же у меня сомнения есть. Я думаю: права ли я, рассуждая, что теперь вместе нам быть.

нельзя, что прежде дело, а потом личное. Разве нельзя соединить и то и другое? Разве нельзя и любить и совместно работать? Но мне кажется, что все же я больше права, чем неправа. Ты посуди сам. Если мы будем вместе, то у тебя я отниму много внимания и времени. А этого я не имею права делать в такой критический момент, когда враг близок к победе. Но я люблю тебя, и в этом моя боль. Я хочу видеть тебя, слышать твой голос, быть возле тебя. Петенька, милый! Мне невольно не знать, что с тобой. А вдруг ты болен... В плену... Нет. Не может быть, ты ни за что не сдашься в плен.

Петенька, милый, когда я видела тебя в последний раз, мне показался упрек в твоих глазах. Не упрекай меня. Мне больно. Не из каприза я уехала от тебя из губернского центра в эту трущобу. Я и тогда так рассуждала, как теперь. Я сказала себе, что должна удовлетвориться этим. Но не подумай, милый Петя, что эти настроения закваска старого. Я уже давно осознала, что в том вопросе был прав ты, а не я. Я уже давно сказала себе, что виновата была я в разрыве. Чувство оказалось у меня сильнее самолюбия. Ведь пойми, я тогда была взбалмошной девчонкой. Только один год состояла в партии. Играла в полное равноправие во всех отношениях. Но ты тоже был немного неправ, когда ушел от меня и не писал мне долгих п я т ь лет. Тебя поразило мое озорство, мое упорное нежелание подчиниться какому бы то ни было закону, даже закону природы. Но ты должен был понять меня и сказать себе: «Это у нее озорство юности». И ты не должен был уходить прочь.

Твоя ошибка, дорогой Петя, была в том, что ты принял меня за взрослую, тогда как я еще была взбалмошной девчонкой. И я знаю, почему у тебя такой взгляд на меня сло-

жился. Потому, что ты с первых же дней нашего знакомства увидел во мне много смелости и даже грубости. Тебя поразило точно также то, что я первая написала тебе записку о том, что люблю тебя. Я, конечно, тогда тебя любила, но любила, как старшего товарища; тебя так все любили. А ты принял эти писания за серьезный, продуманный шаг взрослого человека. Ты искренно полюбил меня... Но потом через два года ушел от меня.

Пойми же, Петенька, что и ты в нашем разрыве кое-в чем виноват. Почему ты не спросил у меня ни разу о моем прошлом? Ты даже не спросил у меня, где у меня родина и есть ли она. Ты за два года не полюбопытствовал узнать, какое я получила воспитание. В какой среде выросла? Как пришла к революции? Ты взял меня такую, какою я была, когда мы полюбили друг друга.

Если бы ты знал, что я воспитывалась в семье разорившегося ремесленника, выросла в грязи и вонии кухни, ты бы поступил иначе. В угарном чаде слесарной мастерской, в матершине и разврате сложилась я. Если бы знал, что старшая сестра за хлеб для семьи продавала свое тело. Особенно, когда умер отец. К ней приходили жирные мерзавцы-купцы, давали гроши, били ее, пьянствовали и отвратительно ругались. Бедная сестра! Она на добытые деньги содержала мать-ревматичку, калеку, двоих маленьких братьев и меня.

В партию я пошла, желая разрушить этот скверный порядок вещей, когда одни продают за кусок хлеба свое тело, а другие покупают его, — где одни роскошествуют, другие умирают от голода. Желала этого я больше чувством, чем рассудком. Мне было 18 лет. И даже долгое время, находясь в партии, я не могла отрешиться от этих бунтарских настроений. Временами мне хотелось прибе-

гнать к помощи пуль, динамита, резни. Я горела жаждой сегодняшней борьбы, мне часто было тесно в рамках партии. Долгое время прошло, когда я, наконец, сама поняла, что нужна не вспышка, а упорная долгая борьба за организацию рабочего класса для борьбы. Но ты, Петенька, не облегчил мне мук этих исканий. Ты принял мои слова и действия за мою сущность. Подростка за взрослого. И там, где нужно было прибегнуть к убеждению, ты разошелся со мной, точно со взрослым человеком.

Кругом безумные лица—эти больные, ужасные. Тоска сжимает мое сердце. Мне больно, Петенька! Где ты и что с тобой? Когда мы, наконец, увидимся? Если бы можно было хоть на час, хотя бы на минуту повидать тебя, побыть там с тобой. Мой милый, ненаглядный! Мне так тяжело здесь в эти минуты. Я так устала...»

Феня отодвинулась от стола. Затуманенными от слез глазами посмотрела в окно. Небо уже посветлело синью. Близился рассвет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В доме, где квартировал секретный информатор Коля, случилось несчастье. Единственную дочь хозяина вчера ночью изнасиловали казаки. Ей еще не было и 16 лет. Всегда бегала она по двору и дому, смеялась, пела и все время работала. Звали ее Стешей.

* * *

Вчера вечером Коля заспорил с дядюшкой о царе: нужен он или не нужен народу? Спорили долго, но не горячась.

— Ты сам посуди, как же без него можно? В доме и то есть хозяин,—говорил дядюшка, чернобородый мужик, похожий на попа-расстригу.

— В доме-то хозяин нужен, а царь один управлять страной не может.

— На то у него слуги есть—по всем министериям.

— А у слуг тоже слуги, а всех миллион, и все ничего не делают, и все на твоей шее сидят, дядюшка.

— Да оно и таперича не меньше всяких слуг. Раньше меньше начальства было.

— Это ты уж, дяденька, врешь. Больше-то теперь не будет.

— А может и найдется.

— Да нет же, не больше.

— А в советах?

— Так ведь в советах ты тоже сидеть можешь. Ведь в советах-то народ сидит.

— Народ-то народ...

— Вон твой кум на Всероссийском съезде советов был. Ведь не врет же он. А какое он начальство?

— Был-то был.

— Ну, и что же? Сам и думай. Народ без царя собой управлять сумеет. Управляет же.

— Не сумеет. Вон какая смута пошла—из войны не вылазим. Грабиловка пошла. Красные, белые. Какой же тут порядок? Известно—без царя нельзя.

— Эх ты, дяденька, дяденька. Да ведь теперь драка идет. Кто кого победит. Если золотопогонники нас победят, то и царь будет и помещики придут. Спину вашу жалеть не будут: и за землю заплатите и за усадьбу, что сожгли.

— А на кой ляд нам помещик? Мы помещиков не хотим. Нам вот порядок бы. Вот и понимай. При царе вот порядок был, а при советах его-то нету. Нет, ты мне не скажи—без царя нельзя.

— Можно, и еще как! Вот посмотришь. А беспорядок-то вы сами, крестьяне, делаете. Разве не из вашего брата теперь восстание сделали?

— Поменьше грабил бы упродкомиссар, и восстания не было бы.

— Э, другую бы причину нашли. На упродкомиссара жаловаться надо, а вы устраиваете восстание и пускаете к себе вашего же врага.

Вот откуда беспорядок, дяденька. Мало вас проучили белые.

— Я что... По мне, как знаете. Я и сам не за белых. По-нашему, только чтобы порядок был.

* * *

На дворе раздались пронзительные крики. Хозяин вскочил со скамьи: «Никак Стеша голосит». И бросился к дверям. Но не успел он добежать до них, как двери распахнулись настежь, и в комнату вошла Стеша. Она, покачиваясь, прислонилась к косяку дверей. Под глазами у нее шли большие синие круги. Распухшие губы и подбородок затекали кровью. Пыльные, русые волосы были в сору, в соломе и свисали космами. На ней была надета одна нижняя рубашка, разорванная во многих местах. Измазанная в грязи и крови, она то стонала, закатывая глаза, то дико вскрикивала.

— Стеша, доченька! Что случилось с тобою!—спрашивал ее отец, испуганный, побледневший.—Кто это тебя так... Да говори же скорей.

Но дочь то всхлипывала, то кричала диким воплем и не отвечала.

Прибежала из амбара мать. Полная женщина, вся в муке, увидев дочь, залилась слезами и причитаниями. Коля

выбежал из комнаты на улицу. Долго бродил посередине дороги, гневно сжимал кулаки. Грозил.

Ночь стояла теплая и яркая. Издали неслись звуки духового оркестра. Особенно громко звучал барабан. Успокоившись немного, Коля сходил к мосту и нашел там приказ от Федора. Не читая его, засунул в карман.

* * *

Поздней ночью он пришел в избу. В потемках разделся и лег в углу на лавке. Когда его глаза присмотрелись к потемкам, то он увидел в переднем углу перед образами фигуру сидящего человека. Фигура кашлянула, и по голосу Коля узнал хозяина. «Не спит, бедняга».

Утром Колю разбудили вой и причитания старухи, шум многих голосов, топот ног. Коля быстро встал со скамьи и пошел к выходу. В дверях он столкнулся с хозяином. У хозяина были заплаканные красные глаза и совсем седая голова. Еще вчера седина лишь проглядывала среди темных волос. Загорелое морщинистое лицо хозяина казалось окаменелым.

— Что случилось?—спросил Коля.

— Стешка удавилась,—просто и глухо ответил хозяин.

— Где она?

— В сенцах.

Коля выбежал в сени. Сени были полны народом. Еще больше народу было во дворе. У стенки сеней, напротив дверей, на лавке лежала Стеша. Она как-то похудела вся и вытянулась. На ней была чистая нижняя рубашка. Поверх рубашки лежал серебряный крестик. Посиневшее лицо Стеши было вспухшее. Глаза на выкате.

Пришли соседки и убрали покойницу в лучшее платье. Потом перенесли ее в комнату и положили на стол. Лицо накрыли белой фатой.

Приходили и уходили соседи, качали головами. охали, крестились и, осмотревши все в горнице, не спеша уходили.

* * *

Хозяин ездил к священнику насчет похорон. Но священник страшно много запросил с него за отпевание.

— Посуди сам, сын мой,—говорил священник, щуплый седенький старичок.—Она сама на себя руки наложила, а это в-е-е-е-л-и-к-и-й грех, сын мой, и отпевать-то не полагается. Самоубийца—самый большой грешник. Б-о-о-о-л-ь-ш-о-й грешник. И меньше за отпевание я никак взять не могу, чадо мое. На себя грех беру. Придется каяться и покаянные вносить. Дешевле взять с тебя, сын мой, ни в коем разе не могу.

Пришлось хозяину пустить в продажу свои серебряные часы и кое-что из имущества. И только тогда набралась нужная сумма для уплаты священнику. Решено было хоронить завтра.

* * *

В сутолоке Коля совсем забыл, что у него в кармане лежит записка от Федора. Он взобрался на чердак и быстро прочел записку. На грязном лоскутке бумаги шифрованно значилось:

«Немедленно свяжись с сестрой Феней из больницы; узнай, где Михеев и как скоро будет расстрел санаторцев. Немедленно сообщи мне. В 12 ночи устраиваем налет. Предупреди остальных и Феню. Нужно, чтобы в разных местах местечка была стрельба. Нужна паника. Всем оставаться по местам.

Федор»

Было уже десять часов утра. Коля стремглав бросился на улицу. Поспешно зашагал к концу села. По дороге встретился с товарищем, тоже секретно работавшим здесь от ЧК. Передал ему шифровку и, не останавливаясь, пошел дальше. Вышел на столбовую дорогу. Остановился у телеграфного столба и принялся внимательно всматриваться в темную, волнующуюся ленту людей возле корпуса больницы. Среди темной массы вспыхивали яркие искры. «Сверкает оружие,—решил Коля.—Как же бы это проникнуть к сестре и не влопаться?»

Коля мучительно морщил лоб, но ответа не находил.

Стоял яркий солнечный день. Небо безоблачное. Слабый, теплый ветерок качает телеграфные провода. Телеграфный столб уныло и непрерывно гудит.

«Ничего не придумаешь. Хоть убей. А время идет».

Вдали показалась подвода. «Кто-то едет; надо не подать вида, что я интересуюсь». Коля уселся у края дороги возле столба. Снял сапоги и стал перематывать портянки.

Телега уже подъехала близко. Коля исподлобья смотрит на нее и видит в ней трех пассажиров. Одного Коля тотчас же узнал. Это был санаторский больничный врач. Рядом с ним сидела толстая женщина в белом костюме сестры милосердия. Третьим пассажиром был кучер, черноголовый мальчик лет 10, без шапки. У доктора откинулась назад шляпа. Он по-волчьи улыбался. Его спутница поминутно громко и грубо смеялась. На Колю они не обратили внимания и, даже не посмотрев на него, проехали мимо.

* * *

Вдруг лицо Коли засияло хитрой улыбкой: «Разве попробовать? А почему и бы и не попробовать?»

Коля вывернул на дорогу содержимое всех карманов. Просмотрел внимательно удостоверение от советов. Все было в порядке. Вынул из бокового кармана чистый, но измятый лист бумаги и, прислонившись к столбу, написал на нем несколько слов четким почерком. Спрятал написанное в карман и смело зашагал по направлению к больнице. На расстоянии двести шагов от нее его задержал казачий патруль.

— Куда, малец? Вороти назад.

— Мне нужно в больницу,—смело сказал Коля.—Важное дело.

— Важное дело—хо-хо,—засмеялись казаки.—А ну-ка, расскажи нам, какое такое у тебя важное дело.

Коля достал написанную им у столба бумажку. Казак, что постарше, как видно—начальник патруля, взял бумажку, откинул высокую барашковую шапку на затылок и стал читать вслух:

— «Сестре Фене. Феня. Пере-передать с Николаем Мироновым... пятьдесят... пятьдесят... пятьдесят...,—а вот дальше не по-русски, нет, не прочтешь. А вон внизу подпись:—Д о-д-о-к т у р... д о к т у р Ж и-ж и-ж и-г л а... Ж и г л а».

— Ага!—Старший казак почесал загривок. Помолчал. Потом совсем молодой, безусый казак сказал:

— Чего там, обыскать его, и пушай идет.

— Нет, стой. погоди,—остановил его старший.—А ну-ка, где у тебя, малец, удостоверение личности? Покажь.

Коля не спеша достал удостоверение и передал его казакам.

— Советское,—сказал старший:—«Дано сие Николаю Миронову»... Ага, и печать есть. Ну, иди, малец. Только что правой стороны держись. Иди.

Коля взял свои бумажки назад и быстро пошел к корпусу больницы. Вышел на площадь. Она вся была заполнена вооруженными казаками. Коля быстро шмыгнул мимо соседнего с корпусом больницы домика. Над дверями этого домика развевался трехцветный флаг. Стояли часовые. Вот и ворота больницы. У ворот стоит санитар и часовой казак. Коля думал пройти мимо, но его остановили.

— Постой, парень,—сказал часовой.—Тебе куда?

— К сестре Фене, по делу.

— Ничего не знаю,—сказал часовой:—иди за пропуском в штаб.

Коля замаялся. Но ему помог санитар:

— Пусти парнишку. Пусть идет. Эта сестра дежурит.

— Ну, иди,—разрешил часовой.

— Все прямо, вон в эти двери, а там направо вторая дверь,—пояснил Коле санитар.—Дежурная комната будет. Вот там и сидит сестра.

* * *

У дежурной комнаты Коля постоял несколько секунд в раздумьи. Потом постучался.

— Войдите,—раздался голос из-за дверей. Коля вошел.

За столом у окна сидела женщина, одетая сестрой.

— Вам кого?—спросила она.

— Здесь есть письмо от доктора,—умышленно громко сказал Коля и, подойдя вплотную к сестре, добавил шопотом:

— Тише, я от Федора.

— Дайте сюда записку,—громко сказала сестра и тихо добавила:—Быстро рассказывайте.

Коля в полминуты изложил ей, в чем дело. Спросил, где Михеев,

— Здесь спрятан,—тихо ответила Феня.

— Ну-с, пойдете в аптеку,—и шопотом добавила:—
Нападать нужно с тылу. У ворот штаба стоят два пулемета.
Предварительно нужно перерезать телефонные и телеграф-
ные провода. Передайте, что расстрел будет сегодня. Ну,
идете.

* * *

Через минуту Коля уже выходил из ворот больницы
с бутылкой воды, подкрашенной розовой краской. На бу-
тылке значился длинный рецепт. Он беспрепятственно вы-
шел за линию казачьего оцепления и скоро был у местечка.
У поворота дороги в местечко он изорвал рецепт, записку
врача, разбил о камень бутылку с розовой водой. Коля
был глубоко доволен собой. В местечке он свернул к мосту,
забрался под него и огрызком карандаша написал доне-
сение.

Под мостом было сыро. Журча спадала вода через ма-
ленькую плотину. Звенели комары. А наверху, на темных
бревнах мостка играли дрожащие солнечные зайчики,
отраженные от воды.

Написав донесение, Коля берегом отошел шагов на пять-
десят от мостка. Разделся и выкупался. Одевшись, он
пошел домой. По дороге до его слуха долетели ружейные
залпы. «Что бы это значило?» — спросил себя Коля. Но
ответа и тут не нашел.

* * *

Дома он застал все ту же тяжелую картину. Стеша уже
лежала в белом деревянном гробу. В посиневших руках,
скрещенных на груди, теплилась желтым огоньком то-
ненькая свечка. Лицом к ней стояла старуха-монахиня
и читала по-славянски церковную книгу. В избе было душ-

но. Пахло ладаном. В уголке у дверей, скрючившись, сидела и всхлипывала мать покойной.

«Нет, лучше я уйду на сеновал»,—решил Коля. Вышел во двор. Выкурил собачью ножку махорки. Пошел в сарай, наполовину наполненный сеном и соломой. Взобрался на самую вершину под крышу и лег на спину. В сарае было тепло. Ароматно пахло сено, жужжали, пролетая, громадные синие мухи. В дырявую соломенную крышу сарая заглядывал клочок ясного голубого неба.

Вначале мозг Коли волновали события последних дней. Но постепенно он предался мечтам. «А хорошо было бы,—фантазировал он,—если бы у меня была такая необыкновенная сила, чтобы я мог сразу уничтожать врагов тысячами. Вот было бы хорошо!»

И фантазия наряжала его мысль в разноцветные заманчивые краски. «Вот он идет... Вот он сражается. Бьет, громит. Кругом враг разбит и уничтожен. И он, Коля, герой всемирного пролетариата всех трудящихся...»

* * *

В девятом часу вечера Коля вышел из дому. Ему нужно было сговориться с товарищами по работе. В условном месте возле темной железной церковной ограды он застал дежурного. Дежурный сидел прямо на земле и сверкал в темноте огоньком цыгарки. Коля наклонился к нему.

— Дайте, землячок, прикурить.

Сидевший на земле парень протянул ему дружелюбно цыгарку:

— На.

— Пойдем,—шепнул Коля.

Парень не спеша поднялся и пошел рядом с ним посередине темной улицы.

— Что нового?—спросил Коля.

— В санаторском доме танцульку офицерия устраивает. В саду поразвесили бумажные фонарики, порасставили столы со всякой всячиной. Командир дивизии устраивает бал до утра.

— Не попируют.

— Весь санаторский участок оцеплен часовыми. В сад проникнуть можно только через санаторию.

— Где будут Григорий и Степан?

— Григорий в Слободском участке—там казачьи квартиры. Степан—у моста.

— А ты?

— А я или у больницы, или возле санатории.

— Ты ступай к больнице, у санатории буду я. Передай всем—побольше осторожности. Особенно Степану. Пусть язык держит крепче за зубами, не только сегодня, но и впредь. Его уже здесь подозревают. Пусть пока что агитацию оставит в покое. После сегодняшней ночи особенно осторожными будьте... А теперь вот что: ты ступай за оружием. Мне принеси наган и бомбу, положи возле ограды. Сами тоже возьмите по бомбе да побольше патронов.

Коля осветил часы огоньком цыгарки. Они показывали без четверти девять.

— Часы поставь по моим. Остальные пусть по твоим поставят. Ровно в 12 бросать бомбы и открывать пальбу. Стрелять в течение 10 минут. А потом удирайте по домам. Прощай, тов. Андрей!—Коля крепко пожал ему руку.

Парень отошел шага на два от него и точно растаял во тьме.

* * *

Коля подошел к церковной ограде. Прислонился к холодному железу и замер. Он обдумывал, как бы ему про-

никнуть в санаторский сад и там в полночь устроить панику. «Конечно, так не пропустят. Нужно придумать какой-нибудь повод». Однако ж, сколько Коля ни думал, придумать ничего не мог. «С оружием во всяком случае опасно пробовать пробраться. Вот не придумаешь...»

Коля потер ладонью лоб. В потемках расплывчато рисовались силуэты черных строений. Мигали бледно-фиолетовые огоньки в окнах. Неподалеку от церкви визгливо заливалась и захлебывалась лаем собачонка. Воздух был тепл. Из-за церковной ограды неслись запахи роз и хвои. Мерно и гулко ударил на колокольне дребезжащий колокол: дом-дом.

«Раз, два, три,—считал Коля и насчитал десять ударов.— Где же это пропал Андрей?»

* * *

Из-за угла церковной ограды послышалось ржание лошадей и человеческая речь.

«Объезд,—решил Коля.—А не перемахнуть ли мне через ограду?» Но церковная ограда высоко поднималась вверх и была обмотана колючей проволокой. Коля достал кисет и стал в потемках сворачивать собачью ножку. «Если увидят меня, то подумают—парень остановился закурить...»

Коля уже мог различать темные силуэты двух конных фигур. Ехавшие громко разговаривали...

— Пardon. Ваш конь, поручик, так и трется о мою кобылу. Что это значит? Хе-хе-хе.

— Закон природы, князь... Хи-хи. Закон природы.

— Да, да. Ну, а как же ваши успехи... Насчет...

— Преотличные, князь. Я живу у вдовушки: толста, но тем не менее...

— Хо-хо. Везет же вам чертовски, поручик. А мне вот... никак... Вы бы мне уступили ее на одну...

— Приходите, пожалуйста... С удовольствием. Да я вам покажу сегодня одну... малинка... Стоит только вам раскошелиться...

— За этим... С величайшим...

Конные фигуры скрылись за другим углом церкви.

«На бал поехали. Не повеселитесь...» Коля достал спичку. Хотел чиркнуть ее о коробку. Но во-время остановился. Послышались громкие возбужденные голоса. Несколько человек шли мимо церкви в том же направлении, в котором проехали конные.

— Да, рассказывайте... Разве так можно вести военную работу...—раздраженно и громко говорил один из шедших.— Это верховное командование надо препорядочно взгреть.

— Но ведь этим же дело не поправишь!—говорил другой успокоительным тоном.—Вы, господин полковник, неправы. Дело случая...

— Случая! Случая! Какого чорта—случая... Неумелость, тупость, разврат нашего штаба. Вот в чем вина...

— Ну... уж

— Да не нукайте, Семен Григорьевич. Мы уже подходили к Москве, а теперь откатились на 300 верст. В наших условиях это разгром армии. Если так будем бежать, то...

— Конечно. Но...

Говорившие скрылись за другим углом церкви.

«Жмут наши, значит. Милое дело...» Коля в потемках радостно улыбнулся.

* * *

Кто-то кашлянул сбоку. Коля оглянулся и увидел Андрея.

— Вот наган—держи-ка; вот патроны—держи карман—70 штук. А вот и бомба-бутылочка. На, капсюль к бомбе. Только смотри, Коля, осторожнее—пальцы оторвет.

— Не беспокойся. Знаю.

— Ну, так я пошел.

— Ступай, Андрей.

— Ну-с, время действовать.

Коля распахнул все оружие по карманам. С треском зажег спичку, не спеша закурил цыгарку и скорым шагом пошел к санатории.

На санаторском бугре возле дороги он остановился и посмотрел вниз. Весь санаторский дом и сад сверкали огнями. У ярко освещенного подъезда стояло несколько десятков экипажей, бричек, дрожек и верховых лошадей. Сквозь большие санаторские окна виднелись ослепительно освещенные комнаты, наполненные суетливыми фигурами. В саду между деревьями сияли цветные китайские фонарики. У входной двери стояли часовые с ружьями на караул. Весь спуск к дороге от бугра, на котором стоял Коля, до самой санатории хорошо освещался огнями дома.

«Пройти незамеченным вниз никак нельзя,—решил Коля.—А время бежит. Ладно... Что будет, то будет». Он спрятал за пазуху наган, обошел наверху холма дорогу и по крутому, местами обрывистому склону холма стал сползать вниз. Откос холма шел к реке. Это Коля знал хорошо. Но глубина воды в этом месте была по колено. «Важно не шлепнуться раньше времени вниз, а то и косточек не соберешь»,—думал сползавший вниз Коля. Ползти и удерживаться от падения было очень трудно. Песчаная почва сыпалась из-под ног и рук. Мелкий кустарник, росший на обрыве, был сухой и ломался. Временами Коле

казалось, что вот он уже летит вниз, но подвернувшийся куст или камень удерживали его от падения. Уже силы покидали его мышцы, как вдруг он услышал тихий всплеск воды под ногами. Должно быть, сорвавшийся из-под ног камешек упал в реку. Коля припал на месте. Взял камешек и столкнул его вниз. Тотчас же внизу булькнула вода. Коля спустился еще на аршин, и его ноги коснулись воды. Еще движение, и он стоял по колена в воде. Теперь в нескольких шагах направо должен быть санаторский забор. Держась за обрывистую стену берега руками, Коля прошел по реке несколько шагов. Берег стал более отлогим. Коля выполз на него. Снял сапоги и вылил из них воду. Потом надел их на босу ногу. Не спеша подошел к темным массам направо. Это был дальний конец санаторского сада. Коля быстро перескочил через маленький заборчик и садом пошел к санаторскому дому. Взошел на бугор сада, держась за деревья и ветки кустарников. Два раза крапива обожгла ему руки. Часто колол шиповник.

* * *

Сад посветлел. Свет струился между деревьями от санаторского дома. Стали видны дорожки, усыпанные песком. Коля вынул наган и уже на коленях пополз по высокой траве дальше. Крики, шум, хохот стали слышны вокруг. Наконец, Коля остановился. Дальше продвигаться было нельзя. Сквозь просветы деревьев и кустарников видел Коля знакомую ему санаторскую лужайку, наполненную народом. В толпе преобладали офицеры в блестящих новых мундирах и полном вооружении. Не меньше их на лужайке было женщин, одетых и просто и крикливо. Среди этой женской и офицерской гущи Коля заметил несколько черных скуртуков, фраков и пару студенческих фуражек.

Голпа потоком прогуливалась вдоль зелёной стены лужайки. Звенели офицерские шпоры, раздавались звонкие трели женского смеха.

Посреди лужайки торчал большой столб. На нем раскачивалась громадная электрическая лампа. Вокруг столба стояло несколько десятков больших столов, окруженных десятками стульев и диванов. На столах, разукрашенных цветами, стояли бутылки, вазы с фруктами, обеды, приборы, разные закуски в коробках и на тарелочках. В раскрытые настежь окна санатории неслись звуки шумного вальса. Некоторые офицеры и женщины раскачивались на ходу в такт музыки. Курили. «Человек 150—200 будет»,—решил Коля. Посмотрел на часы. Часы показывали 10 час. 25 мин. «Тэк-с—будем ждать».

Коля уселся поудобнее, прислонившись спиной к стволу огромного дуба. Вложил капсюль в бомбу. Стал наблюдать за лужайкой.

* * *

Видит он, как один офицер с большой белой перевязью на рукаве мундира вскочил на стул. Грациозно помахал платочком над лужайкой.

— Господа, внимание! Господа, прошу минуточку... Его высокопревосходительство приглашает вас, господа, за стол. Пожалуйста, господа.—Офицер соскочил с кресла. Потом опять вскочил на него, еще раз помахал платочком над лужайкой.

— Еще, господа. За стол нужно садиться так, чтобы не было дамы без кавалера. Господа офицеры, вашим заботам его высокопревосходительство поручает наших прекрасных дам. Господа, его высокопревосходительство надеется...

Ему не дали кончить.

— Ура генералу!—закричал высокий, картавый женский голос.

— Ура!—подхватила сотня офицерских голосов. Офицер с белым бантом вновь сошел со стула.

Музыканты заиграли марш «Под двухглавым орлом». Гости стали усаживаться за столы. Зазвенела посуда.

В центре лужайки сидели два офицера, четыре женщины и несколько штатских. Между ними Коля заметил местного старого судью и санаторскую фельдшерицу.

Опять на стул поднялся офицер с белой перевязью и помахал платочком.

— Господа офицеры, наполните бокалы ваших дам и свои. Его высокопревосходительство будет говорить тост.

Зазвенели бокалы и рюмки. Послышались протестующие женские голоса.

— Послушайте, поручик, послушайте, ведь мне же столько нельзя... Я опьянею.

Из-за стола поднялся худой, высокий офицер. В правой руке у него дрожал бокал. «Генерал встал»,—шептали за столом.

Генерал откашлялся и начал говорить тост.

— Господа!—генерал указал левой рукою вверх.—Там бьются беззаветные храбрые солдаты нашей дорогой, многострадальной родины. Там они приносят в жертву свои драгоценные жизни. За посрамленную религию отцов, за насилие над миллионами честных тружеников земли бьются они с врагами справедливости и народного счастья, не покладая рук и не жалея живота. Но враг уже сломлен. Уже в панике бежит он. Еще удар, усилие,—и вся страна вздохнет свободною грудью. Господа! Я пью за скорейшую победу наших героев над врагом религии и

Народа, над врагом семьи и порядка, над врагом личности и счастья. Я пью за наше победоносное храброе войско. Да здравствует наша победа над кремлевскими бандитами! Ура!

— У-р-р-ра!—закричали все гости. Встали со стульев, держа в руках бокалы. Музыка заиграла бурный туш. Генерал выпил вино и разбил бокал о землю. Все гости последовали его примеру. Когда шум затих, генерал присел, а вместо него встал его сосед, полный бритый офицер.

— Господа, наполните ваши бокалы. Я скажу тост,— произнес он звонким тенором.

Новые бокалы были поспешно наполнены.

— Князь! Князь будет говорить,—раздавались офицерские голоса в толпе гостей.

— Господа! Прошу встать.—Все гости с шумом поднялись с мест.—Господа, я не буду долго говорить,— продолжал князь.—Я предлагаю тост за здоровье царской семьи. Ура!—Музыка заиграла царский гимн. Сотня голосов его подхватила.

«Боже, царя храни, сильный, державный, царствуй на страх врагам...»

Коля с нетерпением смотрел на часы. Стрелка показывала половину двенадцатого. «Скорей бы!»

После исполнения царского гимна гости вновь расселись, занялись едой и разговорами. Все шумнее и веселее становилось на лужайке. Один уса́тый офицер попросил у распорядителя слова. Тот ему милостиво разрешил. Все головы повернулись в сторону усатого офицера. Офицер встал, покрутил усы и, улыбаясь, сказал:

— Господа! Давайте отрешимся от треволнений дня. Это важно. Это велико. Не смею спорить. Но, господа, я пью за наших божественных дам. Ура!

— Уррра!—заревели офицеры. Опять музыка заиграла шумный туш. Офицеры пили целыми бутылками за здоровье своих дам. Заставляли непьющих женщин пить насильно. Женщины визжали. Жеманились. Пили и много смеялись. Уже некоторые из них сидели на коленях у офицеров.

За генеральским столом встала фигура в черном сюртуке. Коля внимательно всмотрелся и узнал в ней главного врача больницы.

— Господин распорядитель, я прошу слова,—сказал он.—Дайте, пожалуйста, слово.

Распорядитель грациозно наклонил голову в знак согласия. Доктор попросил внимания. Лужайка постепенно затихла.

— Господа,—начал доктор. Голос у него звенел и дрожал.—Позвольте и мне предложить тост.

Генерал милостиво похлопал. Многие из гостей сказали: «Просим, просим».

— Я предлагаю тост за великий человеческий дух, который стоит выше всего—является первоисточником всего,—которому не страшны ни страдания тела, ни голод, ни жажда. Дух, торжествующий над грубой материей. Я предлагаю тост за дух великого русского народа, за его великую духовную самобытность.—Доктор вздернул головою.—Но кто же, господа, является выразителем этой великой народной духовной самобытности?—Доктор широко развел левой рукою и продолжал:—Мы—русская интеллигенция. Мы—носители этого великого народного духа. За русскую интеллигенцию, носительницу духовных идей великого русского народа, я предлагаю тост, господа. Но где же скрыты эти великие борцы бессмертных духовных идей? В народе, господа. В великом, многострадальном

крестьянстве. И за него, господа, я предлагаю выпить этот тост. Вы все, господа, знаете...—Тут голос доктора особенно зазвенел.—Вы знаете, что нужно этому великому, стомиллионному, великому крестьянскому народу. Ему нужна справедливость. Кто даст ему эту великую справедливость?—спрашиваю я—и отвечаю: всероссийское учредительное собрание...

— Долой учредилку!—оборвал речь целый десяток пьяных голосов.—К чорту говорильню, жидовскую синагогу!—слышались бешеные выкрики.—Усадите его. Доктор пьян. Царь созывает учредительное собрание? Ха-ха-ха!

На лужайке поднялся шум.

Коля посмотрел на часы. Было без трех минут двенадцать. Он привстал и насторожился.

«Куда же я брошу бомбу? В толпу нельзя. Здесь много женщин... Если бы не было женщин... Брошу назад к реке».

Мышцы напряглись. Натянулись нервы.

«Вот сейчас без двух минут двенадцать; только раздастся выстрел, и я бросаю». Рука Коли судорожно сжимала кольцо на бойке бомбы.

Над лужайкой шум поутих. Поднялся генерал и убедительным тоном сказал:

— Господа, успокойтесь; успокойтесь, господа. Доктор вовсе не против царя—священного помазанника. Не так ли, доктор?

Доктор утвердительно кивнул головой.

— Итак, господа,—продолжал генерал,—мы не поняли доктора; мы выпьем тост, предложенный нашим уважа...

В этот миг в местечке раздался взрыв бомбы. Генерал остался с раскрытым ртом. Точно выстрел орудия загредел другой взрыв. Затрещала частая дробь ружейной и пулеметной стрельбы.

— Господа, спокойствие! Господа офицеры, по своим мест...

Но уже заметались гости. В это время оглушительно взорвалась брошенная Колей бомба. Наступила полная паника. Опрокидывались стулья и столы. Звенела дробящаяся посуда, истерически кричали женщины. Гости бежали массой, давя друг друга.

«Надо погасить свет—темнота усилит панику»,—решил Коля и пустил из нагана три пули в большую элекрическую лампу, висевшую посредине лужайки. Последняя пуля разбила лампу, и на лужайке стало темно. Только слабо мерцали цветные китайские фонарики.

В потемках Коля стал отступать к реке, все время на ходу продолжая расстреливать патроны. Вот он уже у реки. Плещется о берег вода. От реки тянет свежестью.

«Хорошо обделал,—похвалил себя Коля.—Молодец Николай! Теперь плыви».

Он стал сползать к реке, цепляясь за траву. По всему местечку шла стрельба. «Сильно стреляют...»

Вдруг в двух шагах от него раздался грубый голос: «Вот один—пли».

Огненная полоса сверкнула перед глазами Коли. Что-то со страшной силой толкнуло его в грудь и в голову.

Закружилась и пропала темная куча деревьев—одинокая высокая звезда.

* * *

— Вот тут... Иди сюда, браток.—Федор вошел в темные сени и вслед за хозяином перешагнул порог комнаты. В комнате было жарко. Караваи черного хлеба лежали на лавках у стен. На столе мигала тусклая, закопченная керосиновая лампочка. В переднем углу, у больших тем-

ных образов теплился розовый огонек лампадки. Из темных углов комнаты выглядывала разная утварь. Из соседней комнаты неслись богатырские храпы и посвисты.

Вслед за Федором в комнату вошел председатель.

— Насвистывает,—сказал он вполголоса и почему-то подмигнул.

— Был у моста?—спросил Федор, глядя на часы. Часы показывали половину двенадцатого.

— Как же, были. Вот и записка.

Федор подошел к лампе, прочитал шифровку. «Ага». Федор постучал пальцем по столу.

— Вот что, председатель. Надо захватить штабные пулеметы—понимаешь? Сумеешь ты это сделать?—Председатель молчал.

— Во дворе штаба стоят два пулемета. Понимаешь? Если мы их не возьмем, то они нас перестреляют. Нужно зайти с той стороны—с огорода. Когда начнется стрельба, снять часовых у пулеметов. Со двора хорошенько обстрелять штаб. Там караульное помещение. А потом бегите на улицу и через огороды в лес. Понял?

— Понял.—Председатель почесал коленку.

— Пулеметы непременно захватите. Непременно. А на опушке подождите меня. Я здесь должен буду выручить товарищей.—Федор опять постучал пальцем об стол.

— Ну, ступай, председатель; с собою возьми семерых. Трех оставь во дворе—мне нужны. Да телефонные провода сейчас же не забудь перерезать.

Председатель взялся за скобку двери, но остановился.

— Слышь, кум,—обратился он к хозяину, стоявшему у печки:—урежь-ка мне хлебца... жрать охота. В брюхе урчит...

— Ах ты ж, господи...—всплеснул руками хозяин.— Чего же ты молчишь? Вон на столе ножик, режь сколько хошь. А вон на подоконнике миска с огурцами—бери, а то я на погребницу схожу по молоко. Ах ты ж...

Председатель быстро отрезал большой ломоть хлеба, взял с подоконника два огурца и ушел.

В полутемной горнице опять стали слышны храпы и посвисты сонных.

Хозяин стоял у печки. Переминался с ноги на ногу. Зевал. Крестил рот. Чесал затылок и кряхтел. Он был в исподнем белье. Босой. Голова и борода у него были покрыты частой сединой. Федор сидел под образами и с нетерпением глядел на часы.

«Тридцать пять минут двенадцатого. Чорт возьми, не испортились ли часы».—Федор приложил к часам ухо.

Часы тиканьем отсчитывали секунды: тик-тик.

— Хозяин, а хозяин.

— Чего?—Хозяин быстро заморгал веками.

— Тебе не страшно, хозяин, что я тут?

— Чего страшно-то?

— А вдруг придет твой постоялец-офицер или проснется денщик.

Хозяин махнул рукой и зевнул.

— У них теперь в местечке пир горою. Намедни сказывали суседи. Столько баранов понарезали и вина повавезли—страсть. А этот денщик,—из пушки стреляй, не взбудишь... Мастер спать. А потом мало кто ко мне прийти может...

— Значит, ты герой!..

Хозяин не ответил. Зевнул. Перекрестил рот.

— Говорят—прут ваших. Вот подводчиком сосед ходил. Две недели парень маялся. Намедни домой вернулся. Под Москву Деника подбирается.

Федор посмотрел на часы. Часы показывали без четверти двенадцать.

— Ничего, братец,—сказал он.—Скоро мы их попрем. Недолго им еще праздновать.

Хозяин погладил бороду, покашлял.

— Ну-к что ж. Добрый час. Помогай бог.—Хозяин истово перекрестился и шопотом продолжал:

— У меня, слышь, сынок там—старший. Сам пустил. Иди, мол, Митрошка, воюй. А почему? Да потому что знаем мы эфту офицерию. Был при царе на военной службе. Вот она где сидит.—Хозяин указал на шею.—Знаем, за что война. И про буржуев слыхали.

Федор внимательно посмотрел на хозяина.

— По демобилизации из армии ушел?

— Сами ушли. Нас трое односельчан ушло. При Керенском ушли.—Хозяин зевнул.—О-ох, господи.

— А сколько тебе лет-то?

— Мне-то? Тридцать восьмой.

— А чего голова-то седая, братец?

— Поседеешь.—Хозяин почесал живот.—Там, братец ты мой, поседеешь. Там все ревет и гудёт. Бух, и человеку аминь. И хоть бы что! А все же за что? Да ни за что...—Хозяин снова зевнул.—Сын-то вот писем не шлет. Плохо.

— Ничего, не робей, дяденька. Скоро сам заявится. Ввалится в избу и скажет: «А вот и я, братец ты мой».—Федор вновь посмотрел на часы.

— Так ты говоришь, хозяин, зарыли их за больницей?

— За больницей. В шесть ям навалили. А поп под вечер отпевал. Крови-то натекло там, говорят, целое озеро.—Федор болезненно сжал брови.

— А хорошо знаешь, что все казаки в местечке?

— Как же. Свояк сказывал, Да и сам видел, как уходили.

Часы показывали без десяти двенадцать.

— Ну, пойдем, хозяин... Время. Я подожду у ворот, а ты ступай и приведи ребят из-за огорода.

* * *

Вышли через темные сени во двор. На дворе стояла безлунная, но ясная ночь. Небо—все в звездах. Кругом ни звука. Федор остановился у раскрытой калитки. На улице не было ни души. Ярко сверкали десятки окон в больнице и штабе. «Там теперь с нетерпением ожидает нас сестра Феня. То-то измучилась».

Со двора слышался шум шагов. К воротам подошли хозяин, белый, точно привидение, и три бородача с ружьями в руках.

— Вот что, ребята,—скороговоркою сказал Федор.— Один из вас останется у ворот больницы, другой у входа в здание, а третий пойдет со мною. Которые будут на улице стрелять—не жалея патронов! Ну, братцы, пошли. Через минуту мы должны быть уже на месте. Заряжены ли винтовки?

— Заряжены,—в один голос ответили партизаны.

— Ну, пошли. Винтовки держите на руках. Прощай, хозяин.

— Прощай, парень... Помогай бог. Авось, увидимся.

* * *

У ворот больницы раздался окрик: «Проходи стороной—стрелять буду».

— Пли,—скомандовал Федор. Грянул залп... Где-то вблизи слышался взрыв—точно орудийный выстрел,

Затрещала стрельба пачками. Два взрыва один за другим опять прорезали тишину. Вдруг совсем близко ахнул взрыв бомбы. Загремели ружейные залпы.

— Стреляй, ребята. Стреляй прямо в двери.

Трах-трах!

— За мной, ребята.

Вот уж перед ними раскрылись настежь огромные больничные двери. У дверей лежит, обнявши винтовку, фигура в солдатской шинели.

— Стой здесь,—приказал Федор одному бородачу.— Никого не пропускай.

Федор с другим партизаном помчался по темному коридору больницы. Возле лестницы им навстречу выбежала сестра. Федор узнал Феню. Сунул ей в руки наган.

— Где Михеев и Фролов?

— Наверху, пойдем за ними...

— Только быстро... Ты стой здесь, товарищ. Да смотри в оба. Бежим, Феня.

Запыхавшись, они взбежали по лестнице наверх. Крикнули вместе в тьму чердака:

— Михеев, Фролов, бегите сюда!

В чердачной тьме послышалась возня. Звон разбитого стекла и треск дерева.

— Скорей, товарищи.

Наконец, на свет электрической лампы выбежали, точно вынырнули из темноты, Михеев и Фролов. Оба были оборваны, в грязи и в пыли. Взлохмаченные волосы и бороды пучками торчали в разные стороны.

— Некогда разговаривать, бежим вниз,—махнул рукой Федор.— Ну, измучили же вас, братцы,—добавил он на бегу.

На нижнем этаже, в коридоре, они застали немую сцену. У стены, против лестницы, стоял старик фельдшер,

бдетый в парадный костюм, и держал руки вверх. Партизан прижимал винтовку к плечу и целился в грудь старика.

Вдруг фельдшер заметил у лестницы Михеева и Фролова, пискливо вскрикнул и бросился бежать вдоль темного коридора. Фалды его сюртука болтались, как крылья. Партизан точно ждал этого. Трах—гулкое эхо разнесло выстрел по коридору. Старик фельдшер как-то сжался весь и беззвучно упал на пол.

— Ты чего же это застрелил старика?—набросился Федор на партизана.—Пусть бы старик бежал. Тоже герой.

— Нет, ты оставь, не ругай дядьку,—оборвал его Фролов.—Этот старик заслуживал худшего.

— Разве? Спешим, товарищи,—крикнул Федор.

* * *

На темной опушке леса их окликнули:

— Стой, кто идет?

— Свои, братец. Председатель, ступай сюда.

В потемках к Федору подошла фигура.

— Это я, председатель,—сказала она.

— Ага. Ну, рапортуй. Как и что?

— Пулеметы наши—с лентами пулеметы.

— Хорошо. Многих потеряли мы?

— Ты-то потерял кого?

— Нет.

— Ну, и у меня все ребята целы!

— Хорошо. Пошли в путь. Сегодня ночью придется всем табором убираться отсюда подальше... Есть здесь, братец, места такие, непролазные и непроходимые?

— Как не быть... Есть—верстов десять от Яра... «Ивановская топь» есть... Болото. Туда не пойдут. А пойдут, так по-одиночке всех перебьем. Болото там. Топь.

— Ну, вот туда и заберемся. Доберемся ли ночью?

— Доползем.

— Теперь нужно спешить. Как бы за нами не отрядили погоню. Сегодня же ночью нужно будет уйти на эту «Ивановскую топь». Ну-с, значит, все в сборе... Пошли, братцы...

* * *

Шли лесом. Кругом, точно заговорщики, обступили их темные деревья. Изредка набегал прохладный ночной ветерок и шевелил листву. Шарахалась в сторону вспугнутая с куста темная птица. В недалеком болотце, судорожно надрываясь, квакала одинокая лягушка. Высоко блестели тысячи звезд.

Швах, швах—шуршала под ногами трава.

Феня шла возле Федора. Смотрела в бездонное синее небо, на яркие звезды. Сжималось сердце. Душили горло рыдания. «Это от потрясения. От переутомления»,—думала она. А где-то далеко, в глубинах сознания ворочалась острая мысль: «Где же он? Что с ним?»

Повизгивали и позвякивали железом пулеметы. Партизаны шли, сверкая красными огоньками цыгарок. Они спорили между собою о том, успеют или не успеют до жатвы прогнать из села белых.

Вдруг, должно быть в местечке, зазвонил тревожный набат:

Дом... дом... дом...

— Пожар, что ли?—спросил один из партизанов.

— Да, пожар,—насмешливо сказал другой.—Это нас, мил друг, отзванивают...

Швах, швах—шуршала под ногами трава.

Дом... дом... дом...—звонил далекий колокол.

— Нас отзванивают... Нет, мы еще проживем. Мы ещё, братцы, поборемся,—бодро сказал Федор и хлопнул партизана по плечу.

— Так-то, братец.

К о н е ц п е р в о й ч а с т и .

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

За несколько верст гремели орудийные залпы. Временами слышались рокочущие полеты прорывавших небо снарядов. Изредка с попутным ветром доносилась чуть слышно трескотня пулеметов. День клонился к вечеру, но солнце жгло и слепило.

Борин вместе с командиром батальона войск Вохра ехал в закрытой тачанке. Его мучила одна мысль: «Неужели разбиты, разгромлены? Еще только ночью он с батальном оставил город. Фронт отстоял от города в 35 верстах... И вдруг через 8 часов канонада перекинулась далеко на север».

— Или обошли город,—говорил командир,—или провали фронт и теперь орудуют в тылу. Или... или взяли город, и фронт передвинулся севернее. А мы, стало быть, в тылу.

— А там, куда мы едем, командир,—будут ли наши?

— Я ничего не знаю,—ответил командир.—Последнюю сводку из штаба мы получили еще в городе. Вы ее знаете: «Все обстоит благополучно». Теперь связь с городом прервана. Это факт. А наши разведчики уже два раза имели стычки с казачьими разъездами. Это тоже факт.

Через головы лошадей Борин видел ленту крестьянских телег, нагруженных вооруженными красноармейцами. Ему стало жаль их.

Над телегами, покачиваясь в разные стороны, торчали сверкающие колючки штыков. Изредка, впереди, чуть ли не у самого палящего горизонта появлялось несколько конных фигур и исчезало.

Трата-та-та-та — откуда-то со стороны доносилась пулеметная трель.

— В общем, дело дрянь,—сказал командир и выпрыгнул на пыльную дорогу. Огромный деревянный футляр с маузером болтнулся в воздухе и больно ударил его по бедру.

— А! Чтоб тебя чорт!...—выругался командир.—И без тебя тошно.

Командир, рыжебородый, загорелый, грязный, в летнем зеленом обмундировании. Ворот рубахи у него распахнут настежь.

— Пойду к ребятам,—голос у командира грубый и властный. Он бегом помчался по дороге, поднимая кучу пыли, уселся на последнем возу между красноармейцами. Стал пугать их боем.

— Слышь, ребятки, тарактят да цокают... Вот погоди. Ужо к вечеру будет вам баня.

Красноармейцы в ответ смеются, болтают замотанными в обмотки ногами. За словом в карман не лезут. Слышит Борин, как отвечает один из них командиру:

— Так что пару-то нам поддавать придется... Вот что. Баня у куркулей не топлёная. А мы любим баню с пылом-жаром, свинцовым паром...

— Молодец,—хвалит его командир. Треплет красноармейца по плечу и просит у него на трубку махорки.

* * *

Красноармейцы поют песню, мотив перебрасывается от одной телеги к другой:

Смело мы в бой пойдем
За власть советов
И, как один, умрем
В борьбе за это.

Поют с серьезными лицами. Вытирают рукавами пот с лица. Курят. Вдруг мотив начинает сдавать, переплетается с плясовым, веселым. Плясовая песня заглушает:

Ой, шо тут за шум учинився.
Шо комарь тай на муси
Ожинився.

Видит Борин, как в такт плясовому мотиву подпрыгивают занемевшие ноги красноармейцев. Вот то один из них, то другой соскакивают с телег и на ходу пускаются в пляс. Блестят их вспотевшие лица. Пыль поднимается столбом из-под их ног. Улыбающийся рот судорожно глотает воздух. Как видно, ноги устают. Пора бы кончить. Но коварный плясовой мотив не обрывается. А товарищи с телег все сильнее продолжают кричать в азарте:

— Жарь... Жарь... Степка! Валяй, душегуб. Не жалей казенных сапог... Ай-люли, люли, люли!

Бух... Ух... Бух... Бух... Ух...—бороздят знойное небо снаряды.

* * *

Борина мучила неизвестность. Хотя он сам себе и говорил: «Ладно. Поживем—увидим. Может быть, не так уж

дела скверны, как это нам здесь кажется». Но самоутешение не помогало.

«Что с Михеевым? С Федором? Живы ли?.. Где уж там,— отвечал он сам себе.—Наверное, зверски замучены».—При этой мысли лицо его бледнело, а брови хмурились. Но все же где-то внутри, в глубине теплилась смутная надежда. По последним сведениям известно, что вблизи занятого белыми Михайловского и местечка сорганизовался партизанский отряд. Может быть, они спаслись и находятся там.

Желая дать другое направление мыслям, Борин стал читать центральные газеты, полученные вчера в городе. Газеты сообщали тяжелые вести. Город за городом оставлялся нашими войсками. Отступление шло по всему фронту.

«Выдержим ли мы?.. Может-быть, и не выдержим. Много чуждого в нашей стране рабочей революции. На такой болотистой почве трудно выстроить новую жизнь. Но нужно драться до последних сил—до последнего человека».

Лошади идут мелкою рысцою. Тачанка легко раскачивается на рессорах. Дребезжит гайка у колеса. Гремят то близкие, то далекие артиллерийские залпы. Мурлычет песню ездовой. Из песни ни слов, ни мотива разобрать нельзя. Только один переливчатый звук тянется без конца.

* * *

С дороги прыгнул в тачанку,—командир повел плечами.
— Чорт!—выругался он:—за одну ночь дезертировали—сколько бы вы думали?—тринадцать человек. Это из батальона-то... Так в несколько дней от нашего батальона ни одного человека не останется.—Командир пощипал свою рыжую бороду.—Хотя вру... Некоторые ребята рвутся

в бой. И это не дети. У них не задор—нюхали порох. Фу ты, как распукались там орудия... Как видно, жаркое дело... А тут мы ни чорта не знаем. Обидно...»

Командир вынул из кожаной сумки несколько карт. Разложил их на своих коленях. Стал водить по блестящей поверхности бумаги большим грубым пальцем.

— Так-с—Петрова, Поддубная, Маринская... А вот где мы... Всего 16 верст до Енского уезда. А вот леса. К вечеру будем ехать лесом. Вот опять где-то стреляют из винтовок. Должно быть, наш разъезд столкнулся с казаками.—И командир прислушивался.—Ну, так и есть. Перестрелка прекратилась. Да нам особенно беспокоиться нечего. У нас идут охранения и по бокам вдоль нашего пути верстах в трех цепью, и впереди, и с тылу. К тому же во все стороны шныряют кавалеристы нашей сотни. Между прочим, из них нынче ночью тоже шесть человек убежали вместе с лошадьми. Сволочи!

— Все же нам придется укрыться в лесу,—сказал Борин.—Бессмысленно принимать бой с такой небольшою силой. Я думаю, что в лесу нам удастся соединиться с партизанами.

— Я тоже такого мнения. Ну, а если вы согласны, мы так и сделаем. Только нужно будет заранее проводника достать. По лесу заблудиться можно. Да и места хорошего для стоянки не отыщешь.—Командир быстро высунулся из тачанки. Оглушительно крикнул, точно гром грянул:

— Э-эй, Старкин! Подать сюда Старкина!

На зов командира быстро явился сухощавый человек с лицом русской красной девушки. Он повис на подножке.

— Нужен проводник, товарищ Старкин. Так вот докажите. Чтобы местный лес хорошо знал.—Старкин молча утвердительно кивнул головой и спрыгнул на дорогу.

— Завтра соединимся с партизанами, если они еще целы... и если нас не задержат по дороге.

Командир откинулся на задок тачанки. Вздыхнул.

— Откровенно говоря, мне очень хотелось бы быть там, где теперь идет бой. Лучше быть в бою, чем ожидать боя.

— Герой вы!—Борин с улыбкой посмотрел на командира.—Хотя я мало знаком с вами, но мне кажется, что вы хороший солдат. Ведь неизвестно, что впереди будет.

— А-а-а,—неопределенно процедил сквозь зубы командир.—Ерунда!..

— Что ерунда?

— Да вот то, о чем вы говорили. Что будет, то будет.

— У вас нет родных, командир?

— С чего взяли? Сколько угодно... И даже двое детей.

— Ну тогда вы, конечно, большой герой—не боитесь смерти.

Командир криво усмехнулся.

— Кто не боится смерти? Никто, ручаюсь. Каждому здоровому человеку смерть страшна.

— Да говорят, что есть некоторые, что не боятся.

— Глупости говорят. Так говорят или хвастуны или просто лгуны. Как не бояться ее, когда возле вас раздается вон такой железный гостинец, что гремит там по небу. Ведь он, извините за выражение, ничего от вас не оставит. Неприятно. Бояться естественно! Инстинкт.

— Вы, стало быть, боитесь, командир?

— Да,—и не удивляйтесь. Важно не то, что человек боится, а важно, умеет ли он себя держать в ежовых рукавицах. Вот этому нас военное дело и учит.

— Вас оно, как видно, хорошо научило.

— Да, не плохо! Я окончил солдатский корпус. Три года был на австро-германском фронте.—Ванятка, стегани пегую—шалит. Ну вот там и вышколился.

— Себя удержите?

— Удержать—и других удержу... Но смерть-то, право, страшна. Если подумать... И страшна потому, что больше ни неба, ни звезд, ни солнца не увидишь. Я не поэт. Я солдат, но солнце люблю... А у меня есть жена. Вы представляете себе—жена, любимая женщина. Ну, и страшно... Впрочем, глупости. Все это привычка к вещам.

Борин глубоко вздохнул. Два серых любимых глаза стояли в его сознании.

Командир набил трубку махоркой и закурил ее.

— В конце концов, жизнь—это мираж, туман... Живешь—и никакого результата... Только стареешь. Прошное забывается. Будущего не знаешь. Фу ты, чорт, как палят, точно ураганным огнем!

— Зачем же живете тогда?

— В силу привычки... И долг перед страной и семейством.

Дымок трубки путался в бороде командира. Степной ветерок, струившийся в тачанке, рассеивал кольца табачного дыма.

— Если не лень, командир, расскажите мне о себе что-нибудь. Делать нечего. Одолжите!

— Извольте,—сказал командир. Выбил пепел из трубки о носок сапога. Разгладил рыжие усы и начал.

* * *

— Родился я здоровым балбесом в семье одного бухгалтеря, был с детства большой драчун... С семи лет мой отец, лысый и круглый джентльмен, поместил меня в городскую школу. Были у меня еще братец и сестрица, люди

какой-то неопределенной формы. Я их никак не могу припомнить теперь, хотя сестру видел недавно. Мать у меня еще была. Славная старушка. Она сейчас жива и живет с женою в Р.

Так вот начальную школу я кончил не без успеха. Два раза меня исключали из нее. Один раз за то, что я во время большой перемены вышиб лбом стекло. Пробовал—выдержит ли. Товарищ выдал. Видите шрамик на лбу? А другой раз за то, что товарища по классу избил до крови. Да-с. Определил меня потом отец в гимназию. А мне страсть как учиться не хотелось. А тут еще Майн-Риды, да Шерлок Холмсы подвернулись под руку. Сильно мешали классным занятиям. Три года я проучился таким образом, а на четвертый год сбежал из дому. Бродяжил. Воровал. Просил милостыню. Однакож эта жизнь через три года мне изрядно надоела. Поступил я на службу к лабазнику за приказчика и счетовода. Он мне купил костюм и платил два рубля в месяц «на подсолнушки». Хозяин был скупой, толстый, усатый хохол. Называл он меня «хлопче». Любил водку да развратничал с проститутками в задней комнате лавки. Прослужил я у него до 21 года моей жизни. Забрали меня на военную службу. Год прослужил на действительной. Грянула война 1914 г. Я возьми и катни добровольцем на фронт, и знаете—целых три года прокормил в окопах вшей. Потом заболел тифом. Поехал домой в отпуск по болезни. Отец умер. Брат был где-то на военной службе. Сестра замужем за телеграфным чиновником. Ко мне отнеслась, как к чужому. Вот мать—та обрадовалась. Славная старушка! Жила в бедности мать.

Ну, я значит военную службу по-боку. Поступил на работу в контору. Полюбил девушку-соседку. Женился.

Однакож меня отыскивали. Обвинили в дезертирстве и под конвоем отправили в штрафную роту. Это было уже при Керенском... Я вижу, что военная служба не минует. Я взял да из штрафной роты катнул в школу прапорщиков. Доступ был легкий. Но не успел я кончить школу, как вторая революция перевернула все вверх тормашками. Ну-с. Тут уж не до службы. Добрался я к себе на родину. Мать и жену застал в живых. Даже с процентами. Сынок за время моей отлучки родился. Не успел, знаете ли, пристроиться в местный военкомат на штатную должность, как вижу уже тащат меня на защиту Республики советов. Ох, каюсь. Сначала я итти не хотел да и Республику эту грешным делом признавать не думал. Но свела меня судьба с военным комиссаром нашего уезда. Тот и растолковал мне все. Коммунист был. Я уразумел, что власть советская—не фунт изюму, а самая настоящая власть народа. Да. Стал я почитать книжки. Программу большевиков прочитал. Хорошая программа. Большевиков разглядел. Вижу—тоже люди хорошие. Не трудно мне было, конечно, сообразить, на чьей стороне справедливость. Ну, и пошел я на сторону большевиков. Был я, что называется, голышом. Ничто меня не связывало со старым миром, кроме матери. А матери много не надо. Совсем она у меня старушкой стала. Лишь бы прокормиться. Оставил я ее на попечение комиссара. Тот ей паек дал. А жена сама на паек устроилась—переписчицей. Сам же, не долго думая, поехал на фронт. И вот уже целый год я разъезжаю вот так да руковожу боями. Сколько людей перебил за это время—ужас. Но от службы и теперь не отказываюсь. Скучно. Но что же делать? Вот и вся моя история.

Да, на-днях письмо из дому получил. Оказывается, теперь у меня и дочурка есть. Только голодно там,

Командир молчал. Борин в такт орудийным выстрелам топал ногой. Дорога стала немного подниматься в гору. Впереди, на бледно-голубом горизонте дрожали очертания лесной опушки. Слабый горячий ветерок доносил до брички то пряный запах хвои, то едкий дым махорки.

Вдруг командир быстро повернулся к Борину.

— Все, что я говорил раньше о жизни—ерунда, жалкая привычка. Не смерть волнует, а то волнует, что ты как-то не вполне уверен—принесет ли твоя смерть хотя какую-нибудь пользу человечеству. Я без войны, без опасностей прожить не смогу. Это для меня истина—я себя знаю. Но я вам сознаюсь, товарищ Борин, не уверен я, что дело наше теперь—нужное дело. Не рано ли начали? Уверенности нет. Не подумайте, что я вдруг стал тряпкой. Нет, с пути, на котором стою я, не сверну ни за что. Но...

— Я понимаю вас,—сказал Борин:—вся ваша беда в том, что вы поздно пришли к революции. Вы ее плохо знаете. Вы просто приняли ее как факт. Но это не вина ваша, а беда. Но беда поправимая. Нет. Наше дело не преждевременное. Революция всегда совершается во-время. Она может быть тотчас же удачной или неудачной. Но она всегда является нужной тому классу, во имя интересов которого она совершается; я больше скажу,—революция всегда неизбежна. Революция нужна и неизбежна. Если даже мы на этот раз не выдержим, и мировой мешок с золотом задавит нас, то все равно—наша революция является необходимой именно теперь. Их победа будет их гибелью. Наша рабочая революция есть одна из ступенек мировой рабочей революции. Наша революция есть один из участков мирового рабочего фронта. И если на нашем боевом

участке будет неудача, то это вовсе не будет значить, что мы по всему мировому фронту потерпели поражение.

Борин энергично поднял палец в уровень рта.

— Однакож я уверен,—продолжал он,—что наша революция не только будет началом борьбы, я убежден, что она закончит классовую борьбу во всем мире. А вообще говоря, вы, как военный, знаете, что нам нужно поменьше рассуждать и побольше действовать. Будем сражаться. Кто ж сражается, тот имеет много шансов на победу.

* * *

На лице командира видно было напряженное внимание.

— То, что вы сказали о борьбе, совпадает с моим убеждением. Нам лучше умереть в бою, чем остаться живыми и побежденными.

Дальше ехали молча. Командир сосредоточенно курил трубку и иногда бормотал себе что-то под нос.

Мягко покачивалась тачанка. Неслись с пыльной дороги крики красноармейцев. Дребезжала у колеса гайка. Орудийная канонада осталась где-то позади. Отдаленные залпы напоминали далекие глухие раскаты грома. Душный пыльный воздух томил. Пыль скрипела на зубах. Отлагалась слоем на лицах, одеждах, лошадиных спинах. Солнце светило позади. Впереди тачанки бежали серые тени. Было пыльно, душно и скучно. Борин слегка вздремнул, откинувшись в угол брички.

* * *

— Э-ге! Да я никак заснул,—сказал громко Борин, протирая глаза.—Уже вечер.

Командира в тачанке не было. Храпели усталые лошади. Тачанка раскачивалась по корням лесной дороги.

Вдоль дороги, между деревьями и на полянах, поднимались седые космы туманов. В густых синих безднах неба, мигая, загорались крупные красноватые и бледно-оранжевые звезды. Теплый хвойный душистый воздух мерцал в далях.

Внезапно бричка остановилась.

— В чем дело?—спросил Борин у ездового.

— Передовые встали. Кто знат чего,—не оборачиваясь, ответил возница.

Борин выпрыгнул на дорогу. Расправил занемевшие члены. От головы колонны замаячила скачущая конная фигура. То был командир.

— Отсюда нужно двигаться пешим порядком через лес,—сказал он, и добавил:—орудия придется здесь оставить... Вы не возражаете? Их через чашу ни за что не протащить: с пулеметами и то намучимся.

Командир принялся раскуривать трубку. Трубка с присвистом пыхтела. «Пуфф, пуфф»—делал губами командир. Огонек в трубке то загорался, то потухал.

— Есть ли проводник, командир, и скоро ли тронемся в путь?—спросил Борин.—Здесь нам быть небезопасно.

— И даже очень небезопасно. Проводники есть. Вот только ребята пожуют, и мы трогаемся. Нам же тоже не вредно перекусить.

— Не хочется что-то...

— Э, пустяки, ешьте. Эй, Ванятка, зажги-ка огрызок да давай перекусить.

Командир взял под руку Борина и немного отвел его в сторону.

— Только что вернулась разведка. В Михайловском и в местечке белых—около конной бригады, пехотный полк и офицерская рота. Во всяком случае, нашему батальону, при шести пулеметах да двух орудиях, с ограниченным

запасом пуль и снарядов, их не разгромить. Это вы верно заметили. Притом мы находимся у них в тылу. Очень хорошо вышло, что мы до сих пор не замечены. А это случилось потому, что к нам близко никого не подпускали конные разведчики.

— Проводники знают, где расположены партизаны?

— Говорят, что не были ни разу у них. Но обещаются провести.

— Нам лишь бы соединиться с партизанами,—сказал Борин.—Их теперь, наверное, с полтысячи. Мы здесь такую кашу заварим в тылу у белых, что не расхлебают. Жалко, что мы не знаем штаб-квартиры партизанов. Можно было бы к рассвету с ними соединиться.

— Соединимся. Мы всё же знаем район. Но пойдёмте, перекусим.

Ездовой уже разостлал шинель командирам возле дороги. На шинель положил полкорёвая черного хлеба, кусок холодной вареной баранины, тряпицу с солью и кусок сыру. В бутылку он вставил зажженный огарок свечки. В синем вечернем воздухе затеплился ярко-желтый огонек. Уселись все трое: командир, Борин и ездовой. Ели молча. Сияющий месяц выплыл из-за темных деревьев. Почернели тени. Прозрачные, но резкие контуры деревьев и кустарников принимали причудливые формы дворцов, людей и животных. С дороги от телег, под которыми мигали огоньки, несясь придушенный шум речи.

— Будем строиться... И пора в путь.—Командир мягко вскочил на ноги.

— А тачанка?—спросил ездовой.

— Оставим у батареи. Нам с нею таскаться некуда.

— А как же я?—с тревогой спросил ездовой.

— А ты пойдешь с нами.

— Возле орудий вы кого оставляете, командир?—на ходу спросил Борин.

— Первый взвод 1-й роты с одним пулеметом. Народ боевой. Вот как только уедут подводы, они здесь вблизи замаскируют и орудия, и пулемет, и себя. Я им оставляю провианта на одну неделю.

— Кто ими командует?

— Мой помощник Старкин—коммунист. Надежный. Но... время трогаться в дорогу. Вы слышите—подводы уже уехали.

Борин прислушался. По лесу неся треск и скрип.

— Ну, я иду строить.

Через несколько минут отряд выстроился по дороге в длинную ленту людей. Послышались слова команды, и отряд тронулся в путь. Посередине колонны позвякивали катившиеся на колесах пять пулеметов. За ними шли пулеметчики с железными коробками в руках. В хвосте отряда несколько десятков человек несли по-двое ящики с патронами, хлеб и мешки с продуктами. За ними брнчала походная кухня.

Во главе отряда шли два проводника, коренастые бородатые крестьяне, в лаптях, с большими суковатыми палками в руках и с котомками за плечами. По сторонам их шли командир и Борин.

Через четверть часа колонна уже была в глухом лесу. Она двигалась по лесной тропинке, узорной и кружевной от ночных лунных светотеней.

* * *

— Время сделать привал,—попыхивая трубкой, сказал командир.—Уже больше двух часов идем.

— Который час?—спросил Борин.

— Без десяти двенадцать.

— Нужно подумать о ночлеге. Возможно, что завтра будут столкновения с противником. Пусть отдохнут бойцы, устали за день.

— И то ладно,—решил командир.—А где здесь можно остановиться на ночлег?—обратился он к одному из проводников.

— Што-сь?—спросил тот.

— Где бы нам на ночлег, говорю я.

— А здесь. Здесь можно...—в один голос ответили оба проводника.—Места хватит.

Посередине поляны отряд остановился, стал разбиваться по-ротно. Пока командир устраивал ночевку, Борин разговаривал с проводниками.

Оба крестьянина, казалось, мыслили совершенно одинаково. В разговорах они взаимно дополняли и подтверждали друг друга. Больше говорил один из них—седой старик. Он говорил степенно и изредка поглаживал бороду.

— Мы тоже, чай, понимаем...—говорил он.

— Как жить, — вторил другой. — Суветская власть очинно даже хорошая для нашего брата.

— Не то что старый прижим.

— Да чем же она хороша вам?—выпытывал Борин.

— А ты вот сам посуди, друже: землю нам дала.

— Вот, вот—дала.

— А то раньше, бывало, идешь вот эфтим лесом, али вон поляной, что прошли,—ды-к сердце-то кровью так и зальется—землица-то такая блаженная, а не у дела.

— Помещичья, стало быть.

— Вот ты и вникай... Землица помещичья: тыщи десятин и лесов и угодья, а у тебя, серенького, всего той земли—кот наплакал. Овце пастись было негде...

— Где уж там.—Ей-ей, негде...

— А теперича земляца нам дадена—вот. Это мы понимаем. А кем дадена? Все ею же, советской властью.

— Ею, ею, мил человек.

— Потом же, мы вот молокане. Раньше нам ходу не было—за вериги жали, хошь помирай.

— Где уж. Ох, господи!

— Вон эти длинногровые—стеснение делали... А почему то, а почему это?... и пошел и пошел! «Вон, говорит, убивайтесь к бусурманам». И анафему тут тебе тычет и от церкви отлучает. Словом не возьмет, потому на нашей стороне правда—так через полицию действует: «На высылку... Бунтовщики»... А какие мы бунтовщики?

— Ох, господи... Да рази...

— Ты нас не трожь. И мы тебя не тронем...

— Живи себе. Нам што!..

— Да,—протянул Борин.—Вот теперь Деникин занял эти места. Вот что плохо. За ним ведь прижимка идет! И поп, и пристав, и помещик. Вот если их верх возьмет—землицу-то отберут у вас, и вновь старая прижимка будет над вами.

— Нет, милый, не хотим! Теперь уж земляца наша. Никому не дадим. И в евангелии сказано: «поевши сладкого, не захочешь горького».

— Воистину.

— Да ведь сила на их стороне будет. Против рожна не попрешь. Возьмут тех из вас, кто непокорен будет—изрубят в куски, чтобы другие убоялись.

— Ничего. Ничего! На миру и смерть красна. А бог наш, Иисус Христос, владыко животов наших, так сказал: «поднявший меч—от меча погибнет»... За себя постоим.

— Уж не воевать ли вы будете из-за земли?—спросил Борин.

— Авось, обойдется и без войны. Все в руке божьей.

* * *

Пришел командир. Услал проводников в сторону. Подсел к Борину. Отрапортовал.

Кругом поставлены заставы и караулы. По дороге будут ездить разъезды. В расходе одна треть людей. Придется часа два не поспать.

— Почему?—спросил Борин.

— Кто его знает. Может быть, по нашим следам движется неприятельский отряд. Перед вечером в авангарде и в арьергарде мы имели три стычки с казачьим разъездом. Нужно быть готовыми. Если же через два часа ничего не случится, то будем спать.

— Я бы и теперь не прочь заснуть. Устал порядком. Да лучше, конечно, не спать... Кстати вот что, товарищ командир, соберите-ка мне коммунистов. Пусть они тоже не спят с нами.

* * *

Скоро вокруг Борина собралось девять человек. Они разместились на разостланных шинелях вокруг него. Кое-кто из них жевал корку хлеба. Кое-кто курил. Командир сидел около Борина и сопел трубкой. Возле него примостился приземистый человек восточного типа. На голове у него была надета маленькая восточная шапочка в мишурных узорах, покрывавшая только затылок. Командир сквозь зубы ругал его.

— Эх, ты, растяпа, а не завхоз. Не мог додуматься до такой вещи! Да что же тут особенного? Спросил бы у ка-

шевара, он бы тебе и сказал, как это делается. Если бы ты два часа тому назад выдал кашевару продукты, то он всыпал бы их все в походную кухню. Понимаешь? За-винтил бы крышку—и на ходу ужин бы сварился. Понятно? А то ведь ребята остались без ужина. Я слышал, как они ругали тебя за твои полселедки.

— Ну, не знал... Ну, что же... Другой раз будем варить... Ей-богу, не знал...

Лицо у завхоза точно из темной земли. А на шапчонке сверкали мишурные блески узоров.

— А что ты знаешь, Амо?—командир сердито сплюнул в сторону.

— Нет, ты, брат командир, оставь, — вмешался в разговор сидевший напротив Борина усатый ротный Большов.—Ты напрасно его ругаешь. Ну, человек не знал.

— Ребят жалко—голодные легли спать и ушли по караулам.

— Не стоит ругаться,—заступился за завхоза Борин. Он хорошо знал Амо. Это был типичный восточный энтузиаст, революционер. В октябре он вступил добровольцем в Красную гвардию. Записался в партию, механически перешел в Красную армию. До революции он учительствовал в средней армянской школе. Был подпольным дашнаком. В завхозы выделил его недавно сам командир, так как Амо был единственным лицом в батальоне, умевшим вести работу с цифрами.

Вдруг Амо неожиданно для всех рассмеялся.

— Какого чорта я завхоз?—говорил он, захлебываясь от звонкого смеха.—Ну, какой я завхоз?!!! Еще шашлык я хорошо могу зажарить...

— Ладно, ладно,—ворчал командир сквозь зубы.

— Раз прошел приказом по батальону, что завхоз— стало быть завхоз... и нечего тут...

— Не ругайтесь!..

Помолчали.

— Товарищи,—неожиданно сказал Большов.—Давайте, попросим товарища Борина рассказать нам что-нибудь... из жизни... Все равно не придется спать целых два часа. Не то командир этак все время ругаться будет.

— Расскажи, товарищ Борин,—подхватили другие.— Расскажи-ка.

— Сегодня не могу. Болит голова,—отказывался Борин.—Никак не могу, товарищи. Вы же знаете, что я никогда не ломаюсь... Да и не обязательно, чтобы рассказывал всегда один я. Пусть нам расскажет что-нибудь— ну, хотя бы Амо. Давайте, попросим его... У нас среди националистов-революционеров много бывало разных включений... Расскажи.

— Ну, ну! Просим. Рассказывай, не ломайся!—сразу пристали все к Амо.—Командир, прикажи ему, чтобы не ломался...

— Приказываю,—категорически обрезал командир.— А то ругать буду. В два счета—начи-най!

Амо снял шапчонку, показал всем большую блестящую лысину. Опять надел ее. Опять снял и, наконец, точно проглотив что-то, начал:

— Совершенно напрасно товарищ Борин думает, что только мы были националистами.—Тон у Амо был несколько обиженный.—Уверяю вас, что очень и очень многие из числа русских товарищей до того, как притти в партию коммунистов, были ярыми великодержавными националистами. Не сразу человек становится по убеждениям гражданином вселенной, тем более в нашу переходную эпоху.

Рот Амо улыбался, а на лысине отсвечивал месяц.

— Верно. Все это верно, Амо,—прервал его Борин.— Я просто говорю, что особенный разгул национализма был в среде угнетенных меньшинств—Армении, Азербайджана, Грузии. Разве не так?

— Совершенно правильно! Совершенно верно!—подхватил Амо.—Но выше лба не подпрыгнешь. Наша армянская действительность была такой: с одной стороны—гнет русских, а с другой—турки. Да что говорить! Ведь на одной территории турецкой Армении ежегодно вырезывали тысячи армянских семейств.

* * *

— Так вот, товарищи... Я вам хочу рассказать об одном случае из моей жизни.—Амо быстро вращал в руках свою шапку. Она туско сверкала мишурой. Месяц заливал все его темное, бритое лицо матовым светом. Глубоко впавшие темные глаза казались огромными черными дырами.

— Это было давно. Когда я только начал учительствовать. Ну, скажем, лет 15 тому назад. Работал я тогда в одном армянском селе неподалеку от города Н., заведывал армянской школой. Но кроме того, вел дашнакцаканскую работу—был я районным партийным организатором. В мои обязанности входили, главным образом, сборы пожертвований—деньгами, оружием. Покупка оружия и переправка его через границу в Турцию. Граница, кстати сказать, помещалась около селения.

Эта работа была главной. Наша партийная связь тогда была не вполне налажена. Часто распоряжения приходили не от окружного комитета партии, а прямо из ЦК. Потому у нас было два ЦК. Один в русской, а другой в турецкой Армении.

Так вот. В одно прекрасное время скопилась в нашем районе большая сумма денег в золоте. Около 25 тысяч рублей. Мы ждали приказа, чтобы сдать деньги нашим через границу. Вместе со мной в районе работал также районный уполномоченный окружного комитета.

Откровенно говоря, в то время я отчаянно трусил за судьбу этих денег. За мною полиция давно установила слежку. В последние месяцы два раза производила обыски и в школе и у меня на квартире.

Наконец, однажды вечером, мы получили приказ из окружного комитета. В приказе говорилось о том, чтобы передать деньги товарищу Джаваду, работавшему по переброске золота и оружия за границу. Взять расписку и хранить ее у себя.

Вечером того же дня я и мой товарищ из окружного комитета отправились за село к горам, где согласно приказа должны были нас поджидать люди, во главе с моим другом детства Джавадом.

Уже стемнело, когда мы по шоссе-ной дороге подъехали к условленному месту. Дали условный сигнал, но никакого ответа не получили. Подождали несколько минут. Опять дали сигнал, но ответа вновь не было. Мы недоумевали. Но так как время шло, то мы уговорились, что я буду у лошадей, нагруженных мешочками с золотом, а товарищ отправится искать их поблизости. «Они не могут не исполнить приказа»,—сказал он мне и ушел. Я остался один на шоссе-ной дороге.

Вдруг я услышал позади топот многих лошадиных копыт. Я всмотрелся на дорогу и при свете взошедшей луны увидел впереди много конных фигур. Казаки! Я мигом бросился к лошадям, взял их под уздцы и быстро повел к небольшому холму в стороне от дороги. Довольно высо-

кий кустарник целиком закрывал меня и лошадей, но я боялся другого. Я боялся, как бы не заржали лошади и не выдали бы меня. В версте от дороги долина упиралась в подковообразный холм. Итти дальше было некуда. Я привязал лошадей к дереву, сам быстро вернулся к шоссейной дороге. Шагах в двадцати от нее я услышал приглушенные голоса:

— Они должны быть именно здесь, есаул... Мне жан-дарм точно указал план. Смотрите сами.

— Но ведь вы же видите, что никого нет поблизости, — возражал другой голос.

— Посмотрите на часы — сейчас без четверти десять, а они должны быть здесь согласно приказа в десять.

Тут только я вспомнил, что мы с товарищем на самом деле упустили из виду, что в приказе стояла цифра 10 вечера, а мы приехали в начале десятого. Эта ошибка нас спасла.

Я раздвинул рукою кустарник и выглянул на дорогу. На камнях шоссе стояла целая сотня конных казаков с пиками в руках. При лунном свете сверкали стальные концы пик. В это время от казаков опять послышался разговор:

— Стало быть, есаул, станем дожидаться.

— Так что же — возьмите несколько казаков и ступайте в разведку, а мы подождем здесь.

Затем я услышал топот лошадиных копыт и едкую русскую ругань.

Я решил скорей вернуться к лошадям. Где-нибудь вблизи спрятать золото, а самому как-нибудь проехать предупредить товарищей. Каков же был мой ужас, когда у дерева я лошадей не застал... Я уже хотел застрелиться, как вдруг услышал голос товарища, звавшего меня. Я пошел на голос. Между тремя деревьями, в нескольких

шагах, увидел небольшой проход в скале, где застал и лошадей и товарищей. Я наскоро сдал золото Джаваду, тот написал мне расписку, которую заверил прибывший со мною уполномоченный из окружного комитета, тов. Сурен. После этого мы благополучно круговым путем вернулись к себе в село

* * *

Должен сказать, что к этому времени наша партия проявила особенно сильную террористическую деятельность. Не проходило и дня, чтобы газеты не сообщали о таинственных убийствах царских чиновников. Не прошло и месяца после того, как я сдал золото,—и царское правительство ополчилось на нашу организацию. Пошли поголовные аресты, казни, высылки на поселение. Наша организация лишилась почти всей своей верхушки. Наше движение было разгромлено.

Вот в самый разгар гонений я получил секретную экстренную бумагу из ЦК партии о том, чтобы немедленно прекратить работу и уничтожить все компрометирующие документы. Не вести работы вплоть до особого распоряжения. У меня была целая папка таких бумаг: мандаты, переписки, расписки. Я их все в тот же час сжег и очень хорошо сделал. Я еще сидел у печки, шевеля золу, как ко мне в комнату без стука вошло несколько полицейских, во главе с жандармом, и принялись производить самый беззастенчивый обыск. Разумеется, они ничего не нашли.

* * *

Прошел год. Разгул полицейской реакции все усиливался в нашей стране. Не было никакой возможности даже помышлять о работе.

И вот в это время, в один летний день получаю секретное извещение из окружного комитета о немедленной явке. Недолго думая, собираюсь и уезжаю в город.

Комитет состоял из трех человек. Все мы друг друга хорошо знали в лицо. И поэтому, когда я вошел в помещение, то все мы сердечно поздоровались. Я, разумеется, спрашиваю:

— В чем дело, товарищи?

Тогда один из комитетчиков говорит мне:

— Ты помнишь, Амазасп, наш приказ год тому назад о сдаче 25 тысяч рублей, собранных в округе?

— Как же, помню,—отвечаю я.—Такой приказ получил я и ваш уполномоченный Сурен. Мы сдали деньги Джаваду, как и было сказано в приказе.

Комитетчики переглянулись.

— Видишь, что, Амазасп,—говорит один из них.—Эти деньги в Турцию не были переправлены.

— Как не были переправлены!—кричу я.—Ведь мы-то деньги сдали?

— А есть ли у тебя расписка?—спрашивает самый старший член комитета.

— Была,—отвечаю я.—Но вам же известно, что ЦК разослал циркуляр, в котором предлагал немедленно уничтожить всякие компрометирующие документы. Я уничтожил вместе с ними и расписку.

— А когда был этот приказ из ЦК?—спрашивает меня член комитета Гурген, мой старый друг.

Я отвечаю.

— Нет,—сказал Гурген.—Мы такой бумаги из ЦК не получали.

— Так в чем же дело?—говорю я.—Можно послать запрос в ЦК.

— Нет, это невозможно.

— Почему?—спрашиваю я.

— Тот ЦК, о котором ты говоришь, арестован ровно год тому назад.

Я начал нервничать.

— Тогда вызовите вашего уполномоченного Сурена; он был со мною при сдаче золота. Он заверит.

— Сурен поехал в Турцию и три месяца тому назад убит в бою.

Я растерялся.

— Ну, что же тогда делать?—спрашивал я у комитета.

— Не знаем,—уклончиво отвечали мне.—Деньги были у тебя. Ты их должен был сдать. У тебя должна быть или расписка или свидетели, которые должны доказать нам, что золото тобою сдано. Тогда мы будем искать виноватого.

— Какая подлость. Утаить святыё народные деньги!—воскликнул старик.—Кто это мог сделать?

Я был в состоянии одурения. «Без вины виноватый»,—думал я. Мне пришел на помощь Гурген.

— Подумай. Может быть, с тобой был кто-нибудь другой, кто бы сумел доказать, что ты золото сдал. Или вспомни хорошенько... Может быть, ты забыл золото сдать,—сказал старик.

— Я не подлец,—гневно вскричал я.

— Ну, тогда мы ничего не знаем,—уклончиво ответил старик.

Вдруг меня осенила мысль.

— А где Джавад?—поспешно спросил я.

— Джавад здесь,—ответили мне.

— Ведь он от меня принял деньги.

Члены комитета переглянулись.

— Хорошо. Мы вызовем Джавада. А пока можешь идти, Амазасп. Но из города никуда не уезжай. Завтра приходи.

* * *

На квартире, где я остановился, я не застал никого. И наедине сам с собою хорошенько посмеялся над этим приключением.

«Хорошо,—думал я,—что Джавад здесь. То-то мы посмеемся завтра в комитете».—Джавад был моим хорошим другом еще с детства. Мы вместе с ним окончили гимназию, причем всегда сидели за одной партой. Я очень любил Джавада. Это был подвижной, энергичный человек—ростом с товарища Борина.

Ночь я проспал хорошо. А к десяти часам утра я не спеша отправился в окружной комитет.

В комитете я застал всех в сборе. Возле старого члена комитета сидел сам Джавад. Я горячо бросился к нему, но он отстранил меня и даже не подал руки. Я остолбенел.

— Джавад говорит,—начал старик,—что никакого золота он от тебя не принимал и что в тот вечер в условленном месте он прождал бесцельно.

— Не может быть!—закричал я не своим голосом.—Не может быть. Джавад забыл.

Тут я прямо обратился к Джаваду. — Ведь ты помнишь...—и начал ему рассказывать все, как было, подробно.

Джавад отрицательно качал головою. Смотрел на меня, понимаете, со снисходительной усмешкой.

— Ничего подобного не было,—говорит он.—Это, наверное, тебе, Амазасп, приснилось.

— То-есть как приснилось?—волнуюсь я.—Ведь деньги ты от меня принял. И выдал расписку.

— А ну, покажи расписку.

— Уничтожил,—говорю я.—По распоряжению ЦК.

— Ну, кто поверит таким сказкам?—говорит и смеется Джавад.—Ты просто забыл, Амазасп, что деньги не сдал, подумай. Ты вспомнишь, наверное, где у тебя лежит золото. Подумай.

Я стоял, как дурак, с раскрытым ртом.

— Ну, на сегодня довольно,—сказал нам старик.—Ступайте по домам. А завтра будьте здесь. Нам нет никакого дела. Деньги должны быть во что бы то ни стало отысканы. Этого так оставить нельзя. Ступайте.

* * *

Остаток дня и ночи я провел в горячке. Я не знал, кому верить—себе или тому, что говорил Джавад. Стал вспоминать до мельчайших подробностей этот случай. И чем дальше я думал, тем больше убеждался, что прав был я. Наверное, Джавад забыл—надо ему помочь вспомнить... Я не мог допустить мысли, чтобы Джавад сознательно лгал на меня.

На следующее утро я пришел в комитет раньше всех. Через полчаса туда же пришел Джавад. Я стал ему рассказывать все до мельчайших подробностей. Джавад слушал и ядовито улыбался.

— Нет, ты положительно сошел с ума,—сказал он мне, когда я кончил.—Ты хочешь свалить свою вину на меня?

— Джавад,—говорю я...—Но, может быть, ты растратил эти деньги? Ты скажи мне это. Мы вместе упросим комитет простить тебе. Ну, сознайся.

— Ступай к дьяволу!—закричал громко Джавад.—Ты хочешь, чтобы я за твою вину поплатился жизнью?

Пришли три члена комитета.

— Ну, как?—спрашивают.—Вспомнили, где находится золото?

— Он уговаривает меня взять его вину на себя,—с сострадательной улыбкой сказал Джавад.—Ясно, что или деньги растрочены или припрятаны.

— Что вы скажете, Амазасп?—обратился ко мне старик.

— Что я могу сказать?—тут же ответил я.—Деньги я сдал Джаваду. Но он, как видно, забыл про это.

Видю я, что уже двое членов комитета смотрят на меня исподлобья. Потом комитетчики вышли в другую комнату на совещание. Через пять минут они пришли обратно, и старик заявил мне:

— Даем вам сроку до завтрашнего утра, Амазасп. Или вы нам представите расписку или укажете, где золото. Мы этого дела так оставить не можем.

— Завтра последний срок,—сказал другой член комитета, грозно глядя на меня.—Это дело вам так не пройдет. Это дело пахнет кровью.

— Идите,—проговорил старик.—И до завтра подумайте!

Я протянул им на прощание руку. Но все, за исключением Гургена, отвернулись и не подали мне руки. Рыдания сдавили мне горло, и я, как помешанный, выбежал на улицу.

* * *

Дома я отказался от еды и до глубокой ночи ходил по комнате, терзаемый страшными мыслями. Временами мне казалось, что я схожу с ума. В моей голове никак не укладывались две мысли. То, что я мог забыть на самом деле, куда спрятал золото, и то, что Джавад, мой старый школьный товарищ, такой низкий подлец. Или то или другое...

Я и плакал и рвал на себе волосы, и уже думал стреляться. Наконец, утомленный страшными для меня переживаниями дня, я свалился в постель и заснул. Вначале во сне меня мучил кошмар. Мне снились сотни наших стариков, старух, зверски зарезанных. Грудные дети, посаженные на колья. Истерзанные девушки, женщины. И все они тянулись ко мне окровавленными, изрубленными руками и жалобно просили: «Отдай нам золото». Я во сне кричал, как мне потом рассказывал мой квартирный хозяин. Затем вдруг мне приснился момент памятного мне вечера сдачи золота. Вот, приезжаю я и Сурен к темным холмам... Сурен идет искать людей... Я слышу лошадиный топот... Увожу лошадей, отправляюсь к дороге и т. д. Вот я сдаю золото Джаваду, он пишет мне расписку, ее заверяет Сурен. Я кладу расписку в карман. Возвращаюсь домой и зашиваю расписку в обшлаг пальто...

В холодном поту я проснулся. На дворе—ночь. Я быстро зажигаю лампу. Руки у меня дрожат, отыскиваю в темном коридоре пальто и нервно, перочинным ножом, разрезаю обшлаг... Из дыры обшлага выпадают на пол две смятые бумажки. Судорожно разворачиваю первую. Читаю. Мандат на мое имя. Разворачиваю вторую—расписка в том, что от меня принято 25 тысяч рублей золотом. Подпись Джавада и заверительная подпись Сурена. У меня подкашиваются колени. Я падаю на пол.

* * *

Когда я пришел в комитет на другой день, то увидел там уже всех в сборе. Как только я вошел, ко мне тотчас же старик-комитетчик обратился с вопросом:

— Ну, вспомнил, где золото?

Я ответил так же, как и раньше:—Я золото сдал, согласно вашему распоряжению, Джаваду. Год тому назад.

— Но Джавад это отрицает. У вас есть расписка?

— Нет!—ответил я,—я ее уничтожил вместе с другими бумагами по приказу ЦК.—Я умышленно не сказал, что нашел расписку. Мне хотелось еще раз испытать моего друга Джавада.

— Слышали мы это,—сказал второй член комитета.

— Итак, это ваше последнее слово?—спросил старик.

— Да,—твердо ответил я.

— Тогда вопрос решен,—сказал старик.

Он вышел за двери и через минуту вошел в комнату в сопровождении двух гайдуков. Вооруженные гайдуки стали у дверей.

— Никого не выпускать,—сказал им старик.

Комитет ушел в другую комнату на совещание. Вновь я и Джавад остались одни. Я подсел к Джаваду близко и начал говорить.

— Джавад,—начал я,—сознайся мне, пока не поздно, пока не пролита невинная кровь. Куда ты дел золото?

Джавад побледнел, но вынужденно расхохотался.

— Жаль мне тебя, Амазасп,—сказал он умышленно громко.—Если бы ты сознался в своей вине, тогда бы, может быть, тебя помиловали. Брось свои глупые басни рассказывать мне. Ей-богу, смешно.

— Джавад, неужели же у тебя нет ни капельки совести? Ведь прольется невинная кровь.

— Ах, оставь меня в покое!—громко закричал раздраженный Джавад.—Виноват—и платись за свою вину. Я тебя еще с детства знал за большого лжеца.

Я побледнел от этой наглой лжи.

В это мгновение в комнату вошли члены комитета.

— Амазасп, мы решили, что ты должен умереть. Ты растратил кровные народные деньги. И ты достоин смерти, — сказал старик.

— Я денег не тратил, — сказал я. — Но я прошу вас быть милостивым к тому, кто это сделал.

Побледневший Джавад закричал: — Не слушайте его, он сумасшедший!

— Нет, я не сумасшедший, — спокойно сказал я. — Но мне жаль тебя, Джавад. Как ты низко пал.

Члены комитета с удивлением смотрели на меня.

— Он болен, — сказал Гурген.

— Притворяется, — оборвал его второй член комитета. — Слышали мы эти басни. Твоя песенка спета, Амазасп! Ты сейчас умрешь.

— Я все же прошу комитет пощадить того, кто сделал эту растрату.

— Довольно разговоров, — громовым голосом сказал старик. — Эй, гайдуки!

— погоди минуту, — сказал я старику и вынул из кармана две бумажки.

— Это что? — спросил старик у меня. Все глаза с напряжением были обращены в мою сторону.

— Это расписка Джавада, — сказал я громко. — И мандат. Старик взял расписку, внимательно посмотрел и показал ее другим членам комитета.

— Почему ты ее раньше, Амазасп, не передал нам?

Я в двух словах рассказал почему. Тогда все члены комитета посмотрели на Джавада. Он сидел с дико вытаращенными на меня глазами. Вдруг он сорвался с места и упал перед нами на колени.

— Простите, — кричал он, плача и ползая на коленях. — Простите. Я вам скажу, где спрятано золото.

Но уже ни один из членов комитета не обращал на него внимания. Они все трое молча пожали мне руку. А старик сказал мне:—Иди домой, Амазасп. Тебе здесь делать больше нечего. Успокойся.—И он вытолкал меня за дверь, не дав мне сказать ни слова.

Когда я выходил из коридора, то услышал, как из комнаты, где я только что был, прогремел выстрел. И глухо стукнуло упавшее тело...

Вот и весь рассказ, товарищи.

Амазасп замолчал, надел на затылок шапчонку и принялся свертывать цыгарку.

* * *

Уже полная ночь стояла над землею. Тихий и прохладный воздух был по-ночному темно-синий и прозрачный. Между деревьями по поляне вспыхивали то здесь, то там красноватые огоньки.

— Да, большой прохвост этот... как его...—сказал усатый взводный.

— Джавад,—подсказал Амо.

— Да, Джавад,—повторил взводный.—Таких людей мало стрелять.

— Д-д-а,—неопределенно протянули остальные.—Ско-тина, а не человек.

На ярко освещенной месяцем поляне показалась приближающаяся конная фигура. Командир встал и пошел к ней навстречу. Шагах в двадцати от группы они встретились, остановились и принялись о чем-то разговаривать. Конная фигура повернула обратно и галопом ускakала. Командир же вернулся и сел на старое место.

— Связной был. Разведчики донесли, что на 10—15 верст кругом нет ни души. Значит, будем спать.—Коман-

дир наклонился к ручным часам.—Теперь семь минут третьего. Встанем в пять, а тронемся в путь в шесть.

— Стало быть, пора спать,—неопределенно сказал Большов и встал, поднял с травы шинель, и пошел. За ним потянулись остальные. Борин и командир остались одни.

— Ну, что же, пойдете к нашему шалашу,—предложил командир.

— Разве есть такой?..

— Ванятка уже устроил. Возле мешков и ящиков у завхоза. Там у нас штаб, так сказать. Идемте.

Они поднялись и пошли.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Арон, одетый в широкую полотняную рубаху, в синие крестьянские шаровары с черной полоской и желтые ботинки, сидел на песчаном бугорке, прислонившись к подножию могучей ели. Солнечный луч падал сквозь листву на его голову и превращал его пышные рыжие волосы, рыжеватую курчавую бородку в блестящую золотую паутину. Могучая грудь выпирала из-под рубашки.

Его ноги служили подушкой для головы Михеева. Тело же Михеева, одетое в летний солдатский костюм, разбросалось на горячем песке лицом в небо. Волосы бороды и головы Михеева казались иссиня-черными. Он щурил глаза на солнце и держал во рту какую-то нежную былинку.

— Или да или нет,—шутя говорил Арон.—Или нас разыщут... Но если нас разыщут в этих непроходимых местах, то и тогда у нас могут быть два выхода. Или—или... Или мы их отобьем, или мы будем побиты. Если мы будем побиты, то и из этого положения есть два выхода.

Или нас белые возьмут в плен и расстреляют, или... или просто повесят в лесу. Но если даже нас повесят, то ведь и из этого положения будут два выхода...

— Замолчи, Арон,—со смехом урезонивал его Михеев:—будет болтать.

— ... То мы или попадем в рай, или попадем в ад,—не унимаясь, продолжал Арон.—И даже если мы с тобой попадем в ад, то и из этого положения у нас будут два выхода. Мы там организуем коммунистическую фракцию грешников, соберем вокруг себя профессиональных революционеров, совершим в аду переворот. Начнем гражданскую войну с тунеядцами неба—или... попадем в котел с кипящей смолой. Но...

— Молчи, Арон,—с деланным ужасом закричал Михеев.—Иначе я заткну уши.

Арон с улыбкой закрыл рот обеими ладонями.

— Твое поведение за последние дни, Арон, мне кажется подозрительным,—сказал, шутя, Михеев.

— Чем?

— Ты что-то стал очень разговорчив, жизнерадостен—даже научился краснеть.

— Пошел к чорту. Врешь все это ты.

— А вчера вечером, когда мы гуляли с Феней, ты трещал, как сорока.

— Это тебе просто приснилось.

— То-то приснилось. Смотри у меня.

— Солнце-то как хорошо греет,—уклонился от разговора Арон. Хорошо вот так сидеть и не говорить ни слова. Мне мой учитель, ребэ, всегда говорил: «Дитя мое—бери с меня пример, говори, когда тебе за это платят». Ха-ха.

— Не удалось, я вижу, тебе взять с него пример,—смеялся Михеев.

Оба прислушались.—Начальник!—надрывался в отдалении чей-то высокий голос.

— Председатель зовет,—сказал Арон.—Надо итти, кричит он, как недорезанный, а, наверное, пустяк дело.

Арон поднялся и раскачивающейся походкой пошел на голос.

* * *

Михеев смотрел, как среди пляшущей сверкающей листвы мелькала аронова белая рубаша. Стало резать глаза. Захотелось растянуться на жарком солнце и заснуть. Всего три дня, как он с Фроловым были спасены из ужасного больничного плена. Он все еще чувствовал себя разбитым. Все эти дни его клонило ко сну.

«Нужно выбрать местечко поукромнее,—тут же решил он.—А там и завалиться на боковую до обеда».

Поиски укромного местечка заняли не одну минуту. То Михееву казалось, что местечко хорошее, а трава как будто бы сырая. То вдруг хорошая песчаная лужайка, на которой он уже думал развалиться, вдруг наполнилась крупными, быстро ползущими муравьями. «Ах, чтоб вас...» Наконец, удобное местечко было отыскано—гладкая, песчаная площадка в проходе среди густых кустов боярышника. Чуть было и с этого места не спугнула его целая семейка жужжащих комаров. Но спать так хотелось, что Михеев на комаров махнул рукою. Забрался в узкий песчаный проход, оглянулся, потом развалился пластом на спину. Солнышко приятно жгло. Временами дул теплый ветерок. Глаза слипались, точно смазанные патокой. Михеев заснул.

* * *

Проснулся он от звука знакомых голосов. Прислушался. Говорили Феня и Арон.

— Да где же он может быть?—недоумевал Фенин голос.—Ведь уже шесть часов вечера.

«Ого. Вот это так ловко. Я заснул!» Михеев посмотрел на солнце. Солнце уже было возле темных вершин дальних деревьев. «Ловко».

— Ничего, отыщется!—успокоительно прозвучал голос Арона.—Здесь всюду шныряют наши. Куда ни пойдешь, на наших бородачей наткнешься.

— Опасно все же здесь, Арон, кругом трясина. Может нечаянно попасть в трясину и погибнет...

— Не погибнет. Не из таких он.—В голосе Арона Михеев услышал раздражение. «Надо подать голос»,—решился уже Михеев. Но не подал. Ему стало казаться интересным послушать о себе. «Промолчать, а когда будут удаляться, то выбежать самому и закричать им вслед—А вот и я!..»

— Вы не устали, Феня?—спрашивал невидимый Арон.

— Устала... Мы уже полтора часа бродим.

— Тогда присядемте на несколько минут. Вот здесь. Откровенно говоря, мне с вами хотелось бы поговорить.

— Сядемте. О чем же вы со мной хотите говорить, Арон?

— О чем...—Голос Арона сорвался.—Да вот трудно начать.

— А вы говорите. Со мною можно...

«Вот, черт возьми, влип в историю. И нужно было мне не подавать своевременно голоса... Но теперь неудобно, мешаю. Лучше всего заткну уши». Михеев подумал, но ушей не закрыл.

— Мне все время мешали поговорить с вами, Феня... И притом обстановка самая неблагоприятная...

■ — Арон, будьте мужественны—говорите...

— Видите, в чем дело, Феня... Это еще началось, когда мы ехали сюда из губернии... Дорогою... Усилилось, когда я вас не видал... Я страдал за вас... Боялся.

Небольшая пауза. Слышно было прерывистое дыхание Арона.

— Феня, вы видите...

Феня молчала.

— Я вас люблю... Кажется, больше... Пауза. Больше жизни... Вы мой идеал любимой женщины... и товарища в борьбе, Феня!.. Почему же вы отворачиваетесь? Я вам противен?... Феничка!

В последнем слове Арона было так много печали, что Михеев невольно наморщил брови.

— Арон, я люблю другого... У меня есть муж...

«Как и со мною тогда,—подумал Михеев.—Бедняга Арон».

— Арон! Я тебя люблю, как близкого, как товарища по оружию... Но я горячо люблю своего мужа... Так люблю!

— Феня! Феня!..—Феня молчала.

— Феня! Я протестую... Почему вы должны принадлежать только ему? Это такой эгоизм... Неужели у вас ко мне нет ни капельки чувства?!

— Все свое чувство я отдала мужу!—Голос у Фени был нежен и печален.

— Нет. Здесь условность. Традиция... Так было и так есть... «Но я другому отдана... И буду век ему верна». Ха!—У Арона был горький и ядовитый тон речи.

— Арон, оставьте. Ведь он мне дорог...

— Но, а если б он умер. Вы бы не полюбили другого...

— Не думаю... Не знаю... Так не любила бы... Другого нет такого...

— Нет, полюбили бы!

— Ну... Может быть... Но не могу же я любить двух сразу?

— Но почему же...

— Я не могу двоиться.

— Все воспитание... О! А я так люблю вас...

— Ну, хорошо, Арон. Успокойтесь... Вы что, хотите, чтобы я вам отдалась?.. Я не могу...

— Нет. Нет...

— Вы хотите, чтобы я была вашей наполовину...

— Нет. Я этого не перенес бы... Но я хотел бы, чтобы такой разговор не повторился у меня в жизни в другой раз. Вы поймите, Феня, я хочу, чтобы чувство было свободно... Чтобы не было таких разговоров... Чтобы было только чувство...

— Арон... Вы говорите не то, что думаете.

— Может быть... У меня горит голова... Мне так тяжело... больно...

— Идите ко мне, Арон... Положите голову. Вот так. Успокойтесь. Не плачьте... Мне тоже тяжело.

* * *

Михеев вернулся к себе в шалаш, когда уже солнце зашло. Он находился под впечатлением подслушанного разговора.

Из его шалаша через треугольное входное отверстие раскрывалась картина партизанской стоянки. Десятки маленьких и больших шалашей утопали в зелени. Повозки, телеги, дрожки, лошади, коровы, овцы,—все это в беспорядке размещалось на обширной травянистой поляне в центре леса. Горели маленькие костры. Над ними на трех

палках висели чайники, солдатские котелки и большие чугунные котлы. Струйки светло-синего дыма поднимались над ними. Несколько ребятишек в одних рубашонках бегали взапуски. По поляне сустились люди. Ревели коровы, ржали лошади, слышались человеческие крики. «Целый цыганский табор»,—решил Михеев, глядя на поляну. В отверстие шалаша появилась фигура Федора.

— Нашего полку все прибывает,—сказал он. Присел. Только настроение слишком боевое у ребят. Рвутся теперь. Да это и понятно. Урожай зовет. Еще неделя-другая, пойдут покосы, и я боюсь, как бы это настроение не изменилось в другую сторону.

— Где Фролов?—спросил Михеев.

— Там,—Федор махнул рукой в сторону стоянки, расплывавшейся в светлых сумерках, — поучает стариков.

— Молодец, умеет подойти к крестьянам. Ну, что нового из местечка слышно?

— Новости есть—да только не последние. Два дня тому назад получил донесения... Чаше не могу получать. И со-рокаверстное расстояние мешает, да и опасно. На несколько верст кругом местечка расставлены посты. По лесу всюду шныряют казачьи разъезды.

— Что в сводке нового?

— Наблюдаются симптомы разложения среди казаков, особенно среди молодых. Офицерия дерется на дуэлях, развратничает. Симпатии населения уже на нашей стороне. Мои ребята в местечке сеют панику. Жалко только, Колю убили во время вашего освобождения.

— А кто он был?

— Мой старший информатор... Убитый лежал несколько дней—не разрешали хоронить.

* * *

Пришел Арон, молчаливый и сгорбившийся.

— Что с тобой?—спросил Федор.

— Ничего. Нездоровится...

За ужином Арон не ел. Был неразговорчив.

— Не позвать ли нам Феню?—предложил Федор.—Она все-таки кое-что в медицине понимает.

— Не поможет,—сказал с кривой улыбкой Арон.—Вот я лучше засну. Только пусть председатель ко мне не лезет—надоел.

Ночью Михеев несколько раз просыпался. И каждый раз слышал, как Арон беспокойно ворочался с боку на бок. Вставал. Ходил возле палатки и вновь ложился.

* * *

С утра пошел проливной дождь. Несколько часов непрерывно падала вода, затопив поляну грязной мутью. Над водою качались стебельки травы. Плавали большие дождевые пузыри. Внезапно дождь затих. Из всех шалашей-землянок вышли босоногие партизаны с засученными по колено штанами.

— Чорт побери—этого еще не доставало,—ворчал сердито Арон.—У мокрых людей и настроение будет подмоченное.

— Я тоже боюсь за наших героев-партизанов, особенно за старых хрычей—они до сих пор все молчат.

Мимо землянки прошла баба, с юбкой, вздернутой повыше колен. Мясистые толстые ноги, точно красные колоды, были забрызганы грязью.

— И еще вот это действует,—указал на нее Федор.—Почти вся наша молодежь оставила дома жен. У крестьян

в этом отношении большая простота. А теперь, когда наши соломенные вдорцы видят такие ноги, то их вдвойне тянет домой.

— Да,—согласились с ним остальные,—Надо было бы женщин не принимать.

— Ладно уж,—отрезал Арон.

От далекой группы крестьян отделилась одна фигура и, брызгая во все стороны, прыжками помчалась к ним.

— Никак председатель?—сказал Арон.—Так и есть.

Председатель по мере приближения все замедлял шаги. Остановился. Мокрою рукою отер пот со лба и сразу выпалил, задыхаясь:—Старики не хотят иттить в караул.

— Почему?—Арон нахмурил брови.

— Сказы-вают, довольно, мол, на старости лет дурака валять. Хотут домой. Прощения просить у Деники.

— Много их?

— Да старики, почитай, все.

— А другие как?

— Другие молчат... Известно, тоже по дому... Кому не скушно...

— Иди, других назначь в караул. А я к этим сейчас приду.

Председатель рысцою побежал обратно, брызгая на несколько сажений вокруг.

* * *

— Я этого ожидал. Выжидать боя с этим народом никак нельзя,—сказал Федор.

— Нужно будет им сказать,—короче соврать, что к нам движутся красные части, сказать им, что получено донесение: дня через три, мол, будут здесь,—предложил Арон.

— Ну, а потом?—спросил Фролов, покусывая бородку.

— А потом? А потом будет видно. Можно будет произвести два-три налета. Но кто может сказать, что будет потом. Мы ничего не знаем даже о том, где наш фронт. В ближайшие дни нужно будет во что бы то ни стало завязать связь с городом. Так дальше продолжать нельзя... Ну, пойдемте, поговорим.

* * *

Человек пятьдесят бородачей окружили Арона, Федора, Фролова и Михеева. Лица у них были сосредоточенные и пасмурные. Косили взгляды по сторонам—под ноги.

— Ну, товарищи, и караулить не хотите?—проговорил Арон нарочито весело и громко.

— Надоело,—сказал один седой сухой мужик и сердито и отрывисто махнул рукою.

— Еще бы не надоело. Кому такая жизнь не надоест? Так что же, по домам итти, что ли, хотите?

— Знамо дело,—сказали сердито несколько голосов.

— Ну, что же... И ступайте с богом. Неволить не станем.

Среди бородачей пошел ропот недоумения. Они переглядывались. Смотрели в улыбающееся лицо Арона и недоумевали. С минуту продолжался галдеж. Арон сделал вид, точно он разговаривает с Федором, но вот шум затих, и из толпы стал говорить сухой старик.

— Всем можно, что ли?

— Да, кто захочет; только мало, я думаю, таких найдется: каждому помирать-то не охота.

— Чего помирать. Может, нам по безграмотности да серости прощение будет...

— Ага! Дождись,—протянул Арон.—Мне уже докладывали из местечка, что прошлой ночью, вот так,

как вы, пришли беглые мужики к генералу, а он и слушать их не стал, а приказал просто повесить.

— А, может, нас послушает!—не унимался старик.

— Попробуй,—со смехом ответил Арон, потом добавил серьезно:—А те, которые эту белую сволочь хотят совсем прогнать из этих мест, пусть останутся. Бумагу я получил. Красная армия идет нам на подмогу. Через несколько дней здесь будет. С нею вместе мы в два счета разобьем и прогоним врага. А ты, старик, ступай к генералу. Если и казнит он тебя,—а что казнит-то, в этом будь уверен,—то ведь тебе и жизни-то не жалко. Все равно, подышать скоро!

— Знаем. Слышали!—сердито замахал руками старик.—Буде брехать! Красная армия идет... Тоже... Ты намерен—соврал раз! Слышали. Другой раз не обманешь!

— Так, так, Иваныч!—раздавались голоса из толпы.

— Мы эфто уже слыхивали... Поновее чего подай.

— А не верите,—почти вскричал Арон,—то проваливайте! Мы вас не держим. А бумага—вот она.—Арон удалил себя по карману.

— А ты покажь, давай нам, мы посмотрим,—протянул руку старик.

— Многого захотели, старик.

— Давай! Нечего там,—заговорили многие голоса из толпы.

* * *

В это время из-за землянок вышли два босоногих партизана с винтовками на ремнях. Сильно забрызганные грязью, засученные выше колен штаны и подпоясанные веревками рубахи были насквозь вымочены и плотно прилегли к мускулистым телам. Между ними шел, сгорбив-

ишь, крестьянин. Могучие плечи у него были опущены. Руки болтались, точно чужие. Ноги ступали, как придется. Обнаженная седая голова была мокрая от дождя. С седых волос и бороды капала вода. Одет старик был в истрепанный солдатский костюм и сапоги с широкими голенищами. Все внимание толпы сосредоточилось на старике. Три партизана пошли навстречу идущим, внимательно всматриваясь.

— Да никак дядя Федосий?—воскликнул один из них, засматривая в лицо старику.

— Ен, ен!—подтвердили другие голоса.—Что с мужиком-то стало?

— Откуда, старик?—спросил Арон.

— А из местечка я,—каким-то придушенным, глухим голосом ответил старик.

— А что стряслось с тобою? Или заблудился в лесу?

— Пришел к вам,—старик встал на колени.—Служить пришел... Разорили... Убили меня...—Старик навзрыд заплакал, как ребенок. Арон подбежал к нему и поднял его на ноги. Придерживая одной рукою, другою хлопал по плечу.

— Успокойся, друг—говори, что было... Кто обидел?

— Офицеры обидели... Дочку насильничали, замучили, и-и-и-роды... Стешу мою милую... Голубку... На себя руки наложила—ох...—Старик опять зарыдал.

Толпа бородачей стояла подавленная.

— Смотри-ка,—неслось шопотом из толпы.—Намедни черный, как ворон был, а ноне сед, как лунь... Э-ге-ге. Вот тебе и милостивцы!

— Ну, а потом, дядька, что было?—спрашивал Арон.

— Не успел похоронить... как опять беда. Племянш был у меня... Не свой, но как родной был... Застрелили..

Да знали, что наш... Приехали ночью казаки. Меня и старуху выпороли, ограбили... На улицу выгнали ночью,—подожгли дом... И тушить не дали. Все сгорело... Ничего теперь нет у меня... Старуха на улице ночью околела... Вот похоронил, а самому куда деваться?.. Вот и к вам. Примите, Христа ради.—Мужик опять бухнулся в ноги.

— Встань! Встань, дядька!—говорил Арон, поднимая старика, точно пушинку.—Оставайся у нас... Скоро сюда армия Красная придет. Отобьем местечко... А там уж советская власть тебя не забудет: и дом новый отстроит и на обзаведение даст.

— Куда уж мне!—упавшим голосом говорил дядя Федосий.—На что уж мне это... Мне бы... помереть бы...

— Ничего, поживем еще!..

— Дядя Федосий, а, дядя Федосий! Как там моя домашность и семейство?—приблизившись, спросил приземистый мужик, с серой бородой лопатой, с быстро моргающими маленькими глазками.

Дядя Федосий вначале махнул рукою, а потом сказал:

— Отец за тебя сидит... Бьют, говорят... Всю живность со двора согнали... Ликвидировали, значит.

— Ага!—протянул мужик, почему-то одобрительно кивнул головою, поежил плечами и протяжно вздохнул.

— Председатель,—позвал Арон.

— Что-сь?—Председатель был уже возле Арона.

— Устрой старика хорошенько. Накорми. В наряд не посылай—пусть отдохнет.

— Пусти его ко мне...—попросил мужик, у которого был арестован отец.

— А у вас свободно?

— Места хватит.

— Ну, ступай, брат. Обсуши его. Да с допросами не приставайте...—Дядю Федосия увели.

Большая половина митинговавших партизанов уже разбрелась. Оставшиеся стояли, понутив голову.

— Так вот что, товарищи,—обратился к ним Арон.— Вы видели и слышали. Если мне не верите, так своим односельчанам поверьте. А мое последнее слово к вам будет таким. Даю вам волю. Ступайте на все четыре стороны, если не хотите оставаться здесь и сражаться за свое добро, за советскую власть... Но те из вас, которые останутся в лагерях, те... никаких у меня разговоров! Дисциплина должна быть! Сегодня ночью их в караул! Слышишь, председатель?! А если что—я церемониться не буду. Дело военное. Расстреляю!! Поняли, товарищи?!

— Поняли,—ответили два нерешительных голоса.

— Ну, так ступайте, товарищи.

Мужики по-двое, по-трое молча разошлись в разные стороны. Все время молчавшие Федор и Фролов заговорили разом:

— Нужно сейчас же посоветоваться. Непременно... Потом, нам нельзя быть не вооруженными. Ты, Арон, вооружи нас хорошенько.

— Ладно. Ладно. Пойдемте к себе и там поговорим.

Михеев шел позади всех и думал, что будет с отрядом через три дня. «Может быть плохо»,—решил он.

* * *

Между тем, серая пленка туч стала разрываться в клочья верховым ветром. Клочья облаков стремительно помчались на север. В просветах между ними показалось ясное голубое небо. Грязная глинистая вода в лужах пачкала эту голубизну в своих отражениях. Внезапно солнечный

луч прорезал воздух, и вся поляна разом заискрилась, засияла блестками.

Совещались в маленькой землянке, где жила Феня с женою председателя. В землянке было тепло и душно. От грязного после дождя пола поднимались влажные испарения. На маленьких пнях и на вещевых ящиках сидели Арон, Федор, Фролов и Михеев. Фене нездоровилось. Она, бледная и неподвижная, лежала на целой горе сухой соломы. Чья-то рука накрыла ее по грудь полушубком. Свет падал в четырехугольное отверстие, служившее дверью. Лица у всех сосредоточились и напряглись.

— Товарищи,—начал Арон,—вопрос для всех ясен: не пройдет и несколько дней, как снова появится брожение. К тому же продовольствие, говорит председатель, у многих на исходе. Я думаю, что за эти дни вряд ли сумеем получить откуда-нибудь поддержку. И поэтому нам нужно будет что-либо предпринять в ближайшее же время.

Помолчали. Слово взял Федор.

— Я предлагаю,—сказал он,—устроить налет на местечко. Надо попробовать. Если нам удастся,—а все же несколько шансов есть на успех,—если нам удастся разогнать гарнизон, захватить оружие, то мы успеем устроить сразу же мобилизацию. Увеличить свой отряд до желательных нам размеров и, уже не останавливаясь, оперировать в районе. Я имею сведения, что в казачьих частях разложение. Возможно, что мы захватим губернский город. Конечно, мы не задержимся в нем, но нанесем ощутительный удар в тыл противника. Когда же нас начнут жать, то мы опять уйдем в лес, захватив с собою оружие и продовольствие. Но даже если нам не удастся занять местечка, то и тогда нам будет больше пользы от выступления. Партизаны получают боевое крещение. Отряд

спаяется кровью, и тогда можно будет побольше выжидать в лесу.

— Я думаю, что против этого плана возражать не приходится,—резюмировал Арон:—план, можно сказать, единственный, только надо его разработать...

— Не совсем единственный,—перебил его Михеев.— К этому плану можно внести вот какое добавление. Эти три-четыре дня, пока будет подготавливаться выступление, надо будет использовать, чтобы связаться с городской подпольной организацией. И согласовать наше выступление с ними. Короче говоря, предупредить их!

— Это тоже следует принять, товарищи,—согласился Арон.—Есть еще предложение? Нет. Следовательно, вопрос можно считать законченным. Теперь о мелочах. Вот одна из деталей. Кого послать в город?

— Я пойду,—сказала Феня.—Меня в городе мало знают, а я знаю многих.

— Нет, мы тебя не пустим,—возразил Арон.—Ты упадешь там одна.

— Ты меня еще плохо знаешь, Арон. Я..

— И все-таки мы тебя не пустим,—прервали ее Федор и Михеев.

— Вот еще. Но почему?..

— Правда? Почему бы ей, на самом деле, не пойти?—поддержал Феню Фролов.—Но не одной, конечно, я с нею бы пошел. Мне только побрить бороду под буланже, и никто не узнает. Документы достанем...

В это время взгляды всех уставились на светлый четырехугольник дверного отверстия. Слова застряли в горле.

На светлом четырехугольнике был виден красноармеец в полной военной форме: в шинели, с винтовкой и саблей, с большой красноармейской звездой на картузе. Безусое

Широкое лицо смеялось. В руках он держал пакет. Из-за его спины выглядывал председатель.

— Что это?—наконец, вырвалось у Арона.

Красноармеец вошел в землянку.—Кто старший?—спросил он, обводя всех серыми глазами.

— Он старший,—указал на Арона Михеев.

— Вот пакет.—Красноармеец протянул Арону грязный пакет.

— От кого?—с дрожью спросил Арон.

— От командира батальона войск Вохра.

Арон быстро разорвал пакет. Все, кто был в землянке, сгруппировались вокруг него, давя друг друга.

— Ура!—вдруг закричал Арон,—я пророк... Вот и Красная армия. Ура!! Далеко батальон, голубчик?

— Верстов двадцать.

— Эй, председатель!.. Скажи, чтобы лошадей нам дали. Слышишь? Поедем встречать. А ты, Фёдор и Фролов, мобилизуй всех, кто в лагере. Поместите ребят. Пусть красноармейцам приготовят где спать... Да чтобы поесть было что. Костры зажгите—захотят обогреться!

Лошади были быстро поданы. Красноармеец, Арон и Михеев поехали мелкой рысью навстречу батальону. Изпод копыт лошадей разлетались во все стороны тысячи сверкающих брызг.

В несколько минут весь лагерь охватило радостное возбуждение. Поляна наполнилась людьми, говором, криками и стуками топоров.

* * *

Феня, оставшись одна, подняла брошенную у ее ног бумагу, привезенную красноармейцем. Прочла ее. В ней значилось:

«Командиру партизанского отряда.

Предлагаю вам завязать связь с вверенным мне батальоном через штаб последнего. Желателен ваш личный приезд, дабы подробнее и категоричнее условиться по поводу совместных боевых выступлений, необходимость которых несомненна.

Командир батальона:

За военкома:»

Подпись военкома показалась Фене знакомой, но припомнить, чья подпись, она не могла.

Шли часы. Пришла с обедом председательша, тетка Марья,—худая, костлявая, высокая женщина. Но Феня едва притронулась к пище. Ей не хотелось есть. Тетка Марья пожурела, ее за то, что она не съела обеда. Прибрала нетронутую пищу и куда-то вышла.

Неожиданно на поляну стали долетать звуки громкой, стройной песни. «Уж не крестьяне ли так хорошо поют?»—подумала Феня. Но ей была видна вся долина, на которой работали сотни крестьян, и все они, оставив работу, повернулись в одну сторону. Звуки песни все усиливались. «Мотив знакомый»—решила Феня. Прошло еще несколько минут, и она уже слышала слова песни:

Так за Совет народных комиссаров
Мы грянем громкое ура! ура! ура!

«Красноармейцы,—решила Феня.—Теперь наши дела пойдут успешнее».

Вот и красноармейцы. Она видит, как на поляну вышла стройная колонна, сверкающая иглами штыков. Ползет живая желто-зеленая лента. Впереди колонны четверо на лошадях. Двух Феня сразу узнала. «Арон, Михеев». Одного не видно—он спиною к ней, разговаривает с Ароном. Чет-

вертый верховой отъезжает в сторону и командует живой ленте. Феня слышит его отрывистые крики. Но слов не разобрать.

«А-а-а—о! у-у-у—ом!»

Лента послушно поворачивается в разные стороны. Вот лента разорвалась на несколько частей, и эти части разбегались по поляне. Вслед за ними на поляну выехало около сотни кавалеристов. Ими командовал какой-то пискливый полный кавалерист. Кавалеристы прыгают с коней. Часть из них уходит в сторону с лошадьми, а другая часть расходится во все стороны. Поляна наполняется криками людей и ржанием лошадей.

Арон и Михеев слезают с лошадей, за ними командир и, наконец, четвертый. Поворачиваясь, идут к землянке Фени.

— Ах!—сдавленно кричит Феня.—Неужели? Не может быть.—Она щиплет свою руку. Смотрит. Нет сомнения, это он. Ее любимый Петя. Все улыбаются, идут сюда.

— Ах!—Сердце у Фени ликует. Она быстро выскользнула из-под полушубка и, точно окаменелая, замерла на месте.

Вот они уже близко. Михеев и командир остаются у входа. В землянку входит Борин, за ним Арон. Лицо у Борина манящее, ласковое.

— Петенька, милый,—кричит Феня. Бежит и падает к нему на грудь:

Он крепко прижал ее голову к своей груди. Горячо поцеловал, потом еще...

Наконец, Борин, обнимая ее одной рукою, повернулся вместе с нею к выходу и сказал:

— Это, товарищ начальник, моя жена.

Но в землянке, кроме них, никого не было.

Вечером в фениной землянке устроили заседание штаба военно-революционного отряда, как окрестил отряд Михеев. В землянке битком набилось народу. Перед открытием собрания Фролов внес внеочередное предложение:

— Товарищи,—сказал он,—по всем правилам военного дела, следует создать ясность в отношениях между командирами. Между нами, конечно, никаких разговоров на этот счет быть не может. Но для сохранения дисциплины в лесу—это нужно. Товарищи, я предлагаю такую лестницу чинов. Первое, командиром всего объединенного отряда—командира батальона. Второе, начальником штаба революционного отряда—Арона. Третье, военным комиссаром и, так сказать, политическим руководителем—тов. Борина. Остальные товарищи, так сказать, будут им заместителями. Я, например, буду замещать Арона, Михеев—Борина; Федор же, так как он связан с работой Особого отдела, на особом счету. Вот и все. Предлагаю издать приказ по отряду № 1. А в развитие этого приказа каждый начальник издаст особое распоряжение. Согласны? Возражений нет? Михеев, пиши приказ, а ты, Борин, открывай заседание.

Борин кивком головы объявил заседание открытым. Слово дал Арону. Арон в нескольких словах изложил содержание принятых утром решений. Обрисовал моральное состояние отряда. Посыпались возражения. Первым возражал командир батальона.

— Продовольствия хватит даже на месяц, а если нехватит, сумеем достать. Но в бой вступать сейчас безрассудно. Нужно выжидать. Нужно увеличить отряд до нескольких тысяч. Нужно перебросить к местечку батарею. Необходимо в первую очередь связаться с армией

и с городом. Самостоятельно выступать рискованно. А дисциплину я берусь восстановить. Нужно только будет крестьян отделить от красноармейцев. Это можно устроить.

Федор говорил почти то же самое, но предлагал все же маленькие налеты на врага устраивать. Добывать оружие, сеять в тылу панику.

С этими предложениями все согласились. Перешли к вопросу, кому отправляться в город. Феня стала настаивать, чтобы разрешили ей. Борин молчал, хотя было видно, как он взволновался. Возражал Арон.

— Она больна,—говорил он.—И к тому же она женщина, стало быть, для этой работы непригодна.

Слушая возражения Арона, все смеялись, особенно Фролов. Но все же кандидатуру Фени отвели.

Встал Борин и предложил две кандидатуры: свою и Федора.

— Нужно все же сознаться, что эта работа для нас будет легче, чем для всех остальных. Каждый из вас знает, что мы работали в ЧК. Почти во всех частях и организациях города у нас есть, вернее, были, но мы думаем—и теперь остались живы—секретные сотрудники. Федор большинство из них знает в лицо. Знает их адреса. Он поэтому будет незаменим в городе. Что касается меня, то я должен буду завязать связь с подпольем. Я уверен, что оно там есть. Подытожу настроение врагов и рабочих и, если будет возможно, установлю время и формы совместных выступлений.

Против кандидатуры Федора никто не спорил. И Федор, улыбаясь, сидел, быстро кивая головой—«молодцы, мол, ребята».

Борину же делал отвод Арон.

— Борин устал, его смогут заменить—ну хотя бы я. Надо беречь товарища. Он здесь нужнее...

— Что-то ты, братец, сегодня бессвязно говоришь,— заметил ему Федор.

Борин энергично настаивал на своей кандидатуре, и ее приняли большинством. Феня сидела побледневшая, но молчала. Глаза у нее были полузакрыты, губы плотно сжаты, а голова откинута назад.

На этом вопросе собрание закрыли и разошлись.

У входа Михеева остановил председатель.

— Ребята поймали комиссара...

— Какого комиссара?—спросил подоспевший Арон.

— Что хлеб отбирал.

— Продовольственного?

— Вот-вот.

— Давай-ка его сюда, мерзавца.

— Да он уже мертвый... Ребята его убили... Так что совсем потроха наружу.

— Выругай их хорошенько, председатель. Чтобы другой раз самочинно не убивали. Мы бы над ним здесь суд устроили.

— А чего там... Вор был человек... Не жалко... Потом десять микитинских пришли. Принимать, что ли?—С ружьями.

— Да, принимай. А теперь, председатель, вот что—вот твой новый начальник.—Арон указал председателю на командира батальона.

— А ты куда же?

— А я получил повышение по службе,—пошутил Арон.

— Ага. То-то!—Председатель лукаво подмигнул Арону.

* * *

Лунная летняя ночь, сияющая тысячами звезд, насыщенная ароматной влажной зеленью, спустилась над поляной. Среди деревьев сверкали сотни костров, кое-где слышались хоровые песни.

Борин и Феня находились одни в полутемной землянке. Тетка Марья ушла спать к соседке.

В землянке было тепло, в воздухе еще пахло табачным дымом.

Борин полулежал, склонившись на грудь к Фене. Она гладила его волосы, бороду, целовала его лицо.

— Ты бы мог не пойти,—тихо говорила она.—Петенька, милый! Тебя могли бы заменить друзья...

— Нет, не могли бы. И потом—почему другие, почему не я?

— Петенька. Я понимаю, что во мне сейчас говорит женщина, но... я хочу быть с тобою... Я истосковалась по тебе. Несколько дней ты мог бы побыть со мною.

Борин не отвечал.

— У тебя так стучит сердце—ты здорова?

— О, да... Мне просто больно за тебя... За нашу любовь.

— Ничего, Феничка... Еще немного успехов—мы соединимся с армией, и тогда мы будем все время вместе работать. Ведь ты же не уйдешь от меня снова? Нет?..

— Ведь только хочется тебя видеть. Знать, что ты здоров. Наступила тишина.

— Я была дурочкой. Мне все казалось, что если мы будем вместе, то я у тебя отниму много времени... Но вот теперь я понимаю, несколько дней назад поняла, что это у меня—интеллигентщина...

— Нет, Феничка. Это у тебя еще старое. У тебя есть привычка—мысли и чувства подгонять под голые принципы... Полная свобода... Независимость... И ты невольно заставляешь себя думать, что и я так рассуждаю. Ну, ну, не возражай, моя любимая...—Борин прислонился щекою к ее лицу и почувствовал на щеках капли слез.

— Феничка, оставь. Ну, о чем плачешь...

— Меня так тянет жизнь вдвоем теперь... Вот теперь, когда ты такой близкий и такой далекий. Хочется эгоистично взять тебя, не пустить никуда, побыть так вместе... или пойти теперь же вместе в дорогу... Но почему мне нельзя пойти?

— Феничка... Ведь ты сама понимаешь, что ты в дороге свяжешь меня... И мы вместе погибнем... Нет, нет, останься здесь. Я через 3—5 дней буду обратно. А ты здесь отдохни. С новыми силами возьмемся вместе за работу. Работа ждет нас... Хорошо?

Она молчала, прижимая его голову к груди.

— Я так страшно боюсь за тебя, когда не знаю, где ты. Меня так тянуло к тебе. Нет, мы больше не будем разлучаться. Вместе будем работать. Вместе умрем. Только теперь я понимаю, как ты был прав тогда... Ждать другой обстановки нельзя.

Снова молчание.

От ее тела опьяняюще пахло. «Милая!» «Любимая!»

Кровь стучала ударами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Утром провожали в дорогу Борина и Федора. Шли три версты гуськом друг за другом. Смеялись, толкали друг друга с узкой мшистой тропинки в высокую траву. Прощаясь, крепко жали руки. Провожатые остановились и вскоре скрылись из виду. Уходили четверо: Борин, Федор, Амазасп и проводник. Амазаспа додумался взять Федора. Он знал по сводкам, что в районе города расквартированы части белой дикой дивизии. Состав частей этой дивизии был преимущественно мусульманский. В дороге, да и в городе могли быть встречи с патрулями, объездам, карау-

лами. Нужно было тут же на месте суметь объясниться с ними на их родной речи. Амо вчера сказал, что он отлично знает мусульманский язык. И Федор, не глядя на энергичные протесты командира батальона, добился нужного распоряжения. Амо и сам не возражал против прогулки, как он говорил.

* * *

Местами Борину казалось, что зеленая мшистая почва колебалась у него под ногами. Спросил у Федора. Тот тоже чувствовал это. Спросили у проводника.

— Что это, земля шатается?

— А тут болото, трясина... кругом болото. Лошадьми тут ехать нельзя, земля раздастся—и поминай, как звали.

— А далеко еще такая зыбкая земля будет?—с внутренней дрожью спросил Федор.

— Версты четыре.

Желая развлечься, Федор принялся зубрить свой новый паспорт, взятый в отряде у одного партизана. «Так—Федор Миронович Курицын... Курицын. Русский, конечно. 19 лет. Ноябрь. Холост. Основных примет не имеет».

Его примеру последовал Амо. Развернул паспорт, громко прочел: «Андрей Семенович Оглоблин, 42-х лет, женат на Елене Макаровне, трое детей».

— А как ваше имя, товарищ?—шутливо спросил Борина Федор.

— Гусь.

— Почему гусь?

— Потому, что гусь свинье не товарищ.

— Нет, серьезно.

— Да серьезно же я говорю. На, читай сам.

— Петр Савельев Гусь,—громко прочел Федор.—Гм, гм, Гусь, очень рад. А моя фамилия Курицын

— Ха-ха-ха,—засмеялся Амо.—Сочетание фамилий занятное... Как бы нас белые на самом деле не приняли за птицу.

* * *

В пути до самого города не было никаких задержек. В первый день лесными тропинками прошли 35 верст. На ночь остановились на опушке леса, вблизи трактовой дороги. До города еще было 40 с лишним верст. Ночь стояла теплая, звездная. Усталые путники плотно поели и быстро заснули. Спали непробудным сном до восхода солнца. Проснулись не сразу. Проснулись, почувствовали боль в ногах.—Эх, чорт возьми,—ругался Федор,—ноги болят, отвык я, братцы, от ходьбы. Это плохо.

Закусили, отпустили проводника, а сами пошли в дорогу. Шли не по тракту, а по узкой тропинке, вьющейся по бугру канавы, отделявшей тракт от желтых ржаных полей. В туманной дали пропадали цепи телеграфных и телефонных столбов. На тракте не было ни души.

До полудня сделали две трети пути. Вдали на бугре завиднелся город, но усталые ноги отказывались повиноваться воле. Устроили перерыв в пути. Легли в тени канавы, вповалку. Воздух был наполнен убаюкивающей звонкой трелью. Стрекотали кузнечики. Что-то тикало в траве—пищало. Над канавкой стоял монотонный, усыпляющий шумок. Точно сотни часов громко тикали наперебой в траве.

Первым заснул Федор. За ним Борин и Амо.

* * *

Проснулись в шесть часов вечера. Солнце уже было на ущербе. Быстро тронулись в путь,

— Досадно,—ругался Федор,—в городе будем ночью, а это хуже, можно наткнуться на разъезды.

— Ничего,—ободрил его Борин,—зато ночью уходить и убегать незамеченными легче и разыскивать друзей под покровом ночи куда проще.

Уже совсем стемнело, когда они подошли к первому дому окраины города. У пригорка их атаковали собаки. Целые десятки разных мастей грызли в бешенстве концы палок, чуть не вырывая их из рук. Наконец, темные переулки стали вливаться в более широкие улочки, с меньшим количеством собак. Из-за домов выглянула полная луна. При ее свете потускнели красноватые огоньки в окнах. Точно облитые молоком, стояли дома, деревья и дальняя церковь.

— Нам нужно пересечь город,—шепнул Федор.—За базарной площадью жил мой информатор из депо железной дороги. Он числился в депо беспартийным, думаю, что он уцелел.

Чем ближе они подходили к центру города, тем шумнее становились улицы. Вдоль дороги сновали десятки прохожих. Среди них было много военных, и поодиночке и парочками—с женщинами. При лунном свете изредка сверкали блески погон и оружия, звенели шпоры, звонко разливались женские голоса. Попадались на пути и целые ватаги казаков, по десятку и больше. Слышались пьяные песни, ругань. Обегали улицу закутанные в платки и шали мещанки, сердито стучал палкою обыватель.

— Растудыт твою мать, куды бежишь? Держи ее, ребята... За хвост... Да валяй на траву...—кричит из ватаги пьяный голос.

Испуганные мещанки, подобравши юбки, мчатся во весь дух обратно.

— У-лю-лю! Держи ее, лови! — несутся ей вслед крики.

* * *

Вот и главная улица. Горят местами керосиновые фонари. На тротуарах под деревьями много гуляющих. Офицеры, женщины, подростки. Снуют туда-сюда. Сверкают огни папиросок. Несутся писки и хохот. Звенят шпоры. Путники пересекли главную улицу наискось. Из дверей меблированных комнат прямо на них вылетела полураздетая проститутка. Она принялась кричать, ища у них сочувствия, пересыпая слова отборной руганью.

— Нанял один... а на дурницу лезут трое... А еще благородные офицеры... Было не задавили. Стервецы... — Проститутка кричит в двери. Голос у нее грубый:—Иван, пришли, дружок, пальтишко. Да скажи сволочам, чтобы еще три рубля заплатили. На дурницу нету.

— Чаго?—раздался слабый голос из-за дверей.

Проститутка остановилась и ждала в воинственной позе, подбоченясь.

У поворота на базарную площадь они наткнулись на неподвижную фигуру казака, распластавшегося в пыли. Луна сверкала в серебре гозырей, на серебряной рукоятке сабли.

— Мертвый, что ли,—пробормотал Амо. Он нагнулся к казаку:—нет, храпит, несет спиртом, нализался-то как.

— Э, проснись, чурбан!—толкнул ногой сонного Федор. Но казак, кроме храпа, не подавал никаких признаков жизни.

Завернули на базарную площадь. Площадь была пустынна и безлюдна. Но возле церкви все трое заметили целый рой странных сооружений.

«Точно стропила для постройки дома»,—подумал Борин.

— Уж не дом ли новый строит кто?—сказал Федор.

Подошли ближе. Высокие балки с перекладинами...

— Виселицы,—прошептал Борин.—Это повешенные.

— Да,—подтвердили остальные.

Они подошли к виселицам на расстояние в несколько шагов. Перед ними, на фоне белой базарной церкви, сверкающей крестами, стояли в ряд около двух десятков виселиц. На высоте до двух сажен висели повешенные фигуры с отвислыми руками, ногами и с нелепо изогнутыми шеями. Борин напряженно всматривался в лица повешенных, но ни одного знакомого лица среди них не встретил. Было жутко находиться среди неподвижных трупов.

— Не всматривайся, Петя. Все равно ничего не узнаешь. Они повешены несколько дней. Слышишь запах. А такая смерть безобразит лица.

— Я уверен,—прошептал Борин,—что все эти мученики мне хорошо знакомы. Больно, что ни одного не узнать. Меня душит гнев. К чему эта издевка и надругательство над человеком? Жалкая попытка запугать рабочих.

— Почему мы не догадались снять с казака кинжал?—сказал вполголоса Амо.—Мы бы им обрезали веревки.

Подошли ближе.

— Эй, держись стороной!—раздался голос от церкви.— Эй, стрелять буду!

— Уйдемте,—прошептал Борин.—Все равно не к чему обрезать веревки. Если даже и обрежем, то какая от этого польза? Их опять повесят, а нас арестуют и тоже повесят

— Здесь неподалеку живет товарищ, про которого я говорил. Направо, в переулок. Пойдемте.

Федор повлек за собою друзей. Прошли несколько переулков, остановились на углу, возле закрытого лабаза,

с черной вывеской. На вывеске большими белыми буквами было написано: «Мука».

— Погодите тут,—шепнул Федор,—а я пойду, дам ему условный сигнал.

— А вдруг его там нет?

— Ну, не беда. Как-нибудь обернусь. Скажу, что спустил номер дома и улицу.

Федор скрылся в переулке.

* * *

Шли томительные минуты. Наконец, Федор вышел из переуллка в сопровождении высокого бритого человека, в фуражке со значком.

— На небольшом расстоянии идите следом за нами,—шепнул Федор.—Вместе неудобно.

Впереди шел Федор, позади в нескольких шагах информатор и за ним остальные.

— Чорт возьми, у меня так устали ноги,—сознался Амо,—что хоть ложись посредине улицы и умирай.

— Нужно потерпеть, у меня тоже ноги, словно чужие. Я даже боль перестал чувствовать.

Шли мучительно медленно и долго. Давно миновали центральные улицы. Потянулись переулки и улочки, с сонными домиками, без огня в окнах. Было уже поздно. Луна стояла почти в зените. Ни человека, ни собаки вокруг не было. У самого конца города, среди пустошей, показался каменный особнячок. Информатор взшел на парадное крыльцо его, вынул ключ и, не спеша, открыл двери. Сам вошел, оставив двери раскрытыми. Федор скрылся за ним. Немного погодя туда же вошли остальные. Информатор закрыл двери на ключ, ввел их в хорошо меблированную комнату.

— Комната принадлежит моему товарищу, он сейчас в командировке. Хозяева—интеллигенты, настроены к вам благожелательно. Чувствуйте себя в пределах этой комнаты вполне свободно. В коридоре тоже. Но на улицу не выглядывайте и не выходите. Не рекомендую. В этой комнате вы пробудете ночь и завтрашний день. А ночью мы вам принесем костюмы, документы, подыщем квартиру и свяжем вас с организацией.

Лицо у информатора свежее, молодое, но серьезное.

— Садитесь, побеседуем,—сказал Федор ему.

— Нет, не могу. Я должен отправляться к себе. Хождение по городу разрешено до двух, а теперь—он посмотрел на ручные часы,—пятнадцать минут второго. Я должен идти.

— Хорошо, один вопрос,—обратился к нему Борин.— Кто из здешних в числе повешенных?

— Все здешние. 12 рабочих из депо железной дороги, три сотрудника чека.

— Кто?

— Не знаю имен.

— Еще кто?

— Секретарь губкома...

— Как? Бедный, славный старик.

— Еще пятеро военных и учительница

— Какая?

— Черская.

— Так ведь она беспартийная.

— Ее повесили за то, что она преподавала в красноармейской школе и посетила два раза наше ячеековое собрание. Ну, мне пора. До свиданья, товарищи. Занавеску не открывайте.

— До свиданья.

Информатор ушел, закрыв за собою снаружи дверь на ключ.

— Буду спать, не раздеваясь,—категорически заявил Федор и в одежде рухнулся на пол. Борин стащил с постели одеяло и подушку и отдал ему. Погасили свет.

* * *

С утра и до вечера они были в напряженном ожидании. Несколько раз за день кто-то подходил к дверям парадного, дергал за ручку.

«Кто бы это мог быть?»—думал каждый из них.

— Может быть, ребятишки балуют на улице,—попробовал рассеять тревогу Федор. Но голос у него звучал не убедительно. Он сам не был уверен, что дергают ручку парадного уличные ребятишки.

Через стенку заплакал ребенок.

«Ишь ты, как слышно,—подумал Федор.—А мы-то ведь как громко разговаривали».

Потом стал слышен женский голос, убаюкивающий ребенка, и мерный скрип люльки.

— Ну, и завел нас твой осведомитель,—вполголоса сказал Борин.—Ловушка какая-то. Скорей бы ночь.

— Да,—согласился Федор,—но я ему, братец, безусловно верю. А местечко, признаться, не безопасное.

Чтобы убить время, принялись читать книги, лежащие на этажерке. Федор забрался в гардероб и нашел там шахматы.

— Самая достойная человека игра,—сообщил он друзьям, указывая на шахматы.

— Во всяком случае, нам шахматы как нельзя кстати. И время пройдет незаметно в интересной игре, и молчать будем,—добавил Борин.

Расставили фигурки. Борин сражался против Федора и Амо. Только изредка полное безмолвие и тишину нарушали шопотные возгласы: «Шах». «Гарде королеве». «Съем ладью». «Ну-с... больше часа не думают над ходом».

Уже стемнело в комнате, а они все играли, позабыв про еду и отдых. Борин получил мат. Его противники три.

* * *

В девятом часу лязгнул замок парадной двери. Все вздрогнули. Сжали в карманах револьверы. Дверь в комнату быстро раскрылась, вошел вчерашний осведомитель, в фуражке со значком, и еще двое: один уса́тый блондин, в черной рубашке, подпоясанный белым кушаком, другой бритый, угловатый великан, с лицом, точно сколоченным из хорошо выкованного куска. Угловатые большие губы, широкий подбородок, широкие скулы, угловатые надбровные дуги украшали его лицо. Он был одет в черные засаленные брюки колокольцами и кепи.

— Здравствуйте, товарищи,—сказал осведомитель, вытирая раздушенным платочком пот со лба.—Это мы.

— Фу ты, как испортил воздух,—поморщился Федор.—Что-то у тебя вкусы новые появились?

— А так безопаснее, товарищ Федосеев. Я всегда, когда прихожу в опасные места, или прохожу возле подозрительных врагов, то вынимаю свой платок. Душу же я его, что называется, на совесть. От платка несет «шипром», и это самая лучшая аттестация моей симпатии к белым.

— То-то, смотри у меня,—шутливо погрозил Федор.—Кто с тобой?

— Это наши друзья. Вот этот,—осведомитель указал на человека с угловатым лицом,—секретарь нашей железнодорожной организации, товарищ Котлов, а другой—рабо-

чий депо, товарищ Железкин. У него и Котлова вы будете проживать. Там совершенно безопасно. Кстати, там нас уже ждут.

Федор недовольно покачал головой.

— Не беспокойся,—заверил его осведомитель.—Собрались все надежные. И собрались—знаешь где?—в корпусе железнодорожных служащих, при станции. Кругом—и вверху, и внизу, и со всех сторон, живут одни рабочие. Мы сейчас пойдем туда.

— Так, что ли?—спросил Федор, указывая на свою многоцветную рубашку из латок.

— Нет, в коридоре костюмы. Котлов, тащи-ка сюда узел.

Котлов быстро вышел в коридор и вернулся в комнату с большим узлом в руках. Осведомитель принялся развязывать узел.

— Ну, а как же с нашим подпольным центром связаться?—спросил у него Борин.

— У нас будет сегодня член комитета. Он, наверно, уже ждет нас.

* * *

На улице Борин, Федор и Амо посмотрели друг на друга.

— При лунном свете, Петя, ты больше похож на какого-нибудь адвоката или на маленького буржуа. Этот темный костюм, шляпа, галстук с воротничком делают тебя неузнаваемым.

— Да и ты вовсе не похож на прежнего Федора. Не то—какой-то великовозрастный гимназист, не то—конторщик. Никогда в жизни не советую тебе носить эту серую блузу с ремешком и картуз. Не идет к тебе этот костюм. Армейский куда лучше,—сказал Борин.

— Ну, а как я?—спросил Амо.—Как вам нравится мой костюм?

— Просто прелесть,—в один голос ответили оба.—Настоящий коммивояжер мирного времени. Ха-ха!

Шли на больших расстояниях друг от друга. Борин шел рядом с Котловым и по пути расспрашивал его о составе организации и о ее численности. Выпытывал про настроение рабочих, про связь с комитетом, с центром.

— Что слышно в городе о партизанском отряде в Н-ом уезде, и как рабочие смотрят на белых властей?

— Рабочие депо одного вида погон не выносят, да и власть об этом хорошо знает. Из наших рабочих повешены 12 человек. За нами следят, но трогать боятся, так как мы угрожаем общей забастовкой по линии. Когда рабочие читают газету, то первым долгом спрашивают друг у друга: «А что про отряд слышно?» В лесу сидит, и чего сидит. Шел бы к нам, мы бы помогли. Про ваш отряд ходят по городу баснословные слухи: говорят, что вас несколько тысяч человек. Рабочие этому верят, а мы их не разубеждаем. Настроение рабочих боевое. Они озлоблены против белых до огня.

Совсем шопотом Котлов добавил:

— И оружие у рабочих есть припрятанное. Комитет помогает доставать оружие. Словом, в случае чего, наши 870 человек вооружены. Связь с комитетом у нас налажена. Центр же с нами прямо не сносится, а с комитетом. Да ведь у нас и организация-то, всего девять большевиков.

* * *

По мере приближения к станции, в воздухе запахло угольным дымом. Стали слышны то высокие, резкие, то мягкие и низкие паровозные гудки. Слышны были сверчки

кондукторов и сцепщиков, перекликающихся в отдалении. Звенели буфера. Шли улицей возле полотна железной дороги. Луна ложилась матовыми отблесками на стали рельс. В лужах нефти, возле рельс, отражались по несколько звезд. В разные стороны раскатывались паровозом вагоны. Сверкали красные, зеленые фонари стрелочников и сцепщиков. Горели желтоватые огни в будках. Вдалеке, на станции, сверкали большие созвездия электрических огней. Пронзительно гудя, по стрелкам промчался сверкающий огнями пассажирский поезд. Колеса вагонов стремительно выбивали частую и громкую дробь: тра-та, тра-та, тра-та. Поезд промчался, и на шпалах осталось несколько огоньков из паровозной топки.

Шагах в ста от станции стояло несколько двухэтажных казарменных построек. К одной из них подвел Борина Котлов.

— Сюда,—сказал он, указывая на освещенную дверь дома.

Прошли маленьким коридором, поднялись по железной винтовой лестнице на второй этаж. На площадку смотрели три двери. В одну из них Котлов сильно постучался. Дверь раскрыла полная беременная женщина, одетая в широкий капот.

— Это моя жена,—указал на нее Котлов.—Заходите.

Борин вошел в небольшую комнату с комодом, со стенами, увешанными картинами, с зеркалами. В соседней комнате слышались голоса. Долетали отрывки слов.

— Зайдемте, здесь все свои,—произнес Котлов и ввел Борина в соседнюю комнату.

В комнате было сильно накурено. На большом столе, покрытом скатертью, стоял самовар. От самовара шел дым и пар. Вокруг стола сидело девять человек. Среди них на-

ходились осведомитель, Федор и Амо. Остальных Борин не знал. Но как только он вошел в комнату, один из этих незнакомцев быстро подбежал к нему и пожал ему руку.

— Здравствуй, Борин,—сказал он,—не узнаешь?

Борин всмотрелся и узнал в нем своего старого подпольного друга.

— Ну, и изменился, нельзя узнать. Давно сбрил бороду?

— Давно.

Перед ним стоял человек с седой щетиной на голове и на щеках. Его лицо украшали большие рыжие усы. У губ лежала энергичная складка.

— Давно мы не видались, Григорий Петрович!

— Давно. Лет пятнадцать будет.

— Да, не меньше. Ты откуда здесь, Петрович, и давно?

— Недавно, недели две. Я назначен сюда на подпольную работу, а комитет направил меня на работу в депо. Я, ведь, последние десять лет работал среди железнодорожников.

— Ну, как же филологический факультет? Ведь ты тогда готовил себя в учителя?

— Готовил. Арестовали. Пять лет пробыл в Сибири. Я уже давно, Петенька, профессиональный революционер. Ну, да ладно. Ты мне вот что Расскажи. Что это за партизанский отряд там организовали? Подробно Расскажи, здесь все свои. А в комитет я тебя завтра сведу. Мы еще тряхнем стариною наедине. А теперь рассказывай нам о партизанском отряде, как он силен, и что вы предполагаете делать. Садись к столу, да за чаем и рассказывай.

* * *

Вдруг со стороны вокзала раздался оглушительный взрыв. Его сменила частая дробь ружейных выстрелов,

Опять оглушительно рывкнул взрыв и послышалась трескотня патронов.

Котлов быстро выбежал на улицу, запыхавшийся вернулся обратно и сообщил:

— Взорван поезд со снарядами и патронами... К нашему дому уже подбирается цепь казаков. Возможно, будут обыски. Лучше теперь разойтись по домам.

Все оглушительнее и ураганнее становилась канонада взрывов. Стекла со звоном вылетали на пол и разбивались в крошки. Временами казалось, будто колоссальная гора земли обрушилась по соседству. Дрожал весь дом. Это взрывались тяжелые снаряды.

Наскоро собравшиеся гости распрощались с Бориным и Котловым и вышли. Федор ушел к информатору «обследовать, насколько сохранился аппарат».

— У него и заночую,—сказал он.

Амо взял себе квартиру этажом ниже, у Железкина. В комнате остались Борин и Котлов.

— Посмотрите еще разок свои документы,—сказал Котлов.

— Какие документы?

— У тебя в боковом кармане лежат.

Борин нащупал боковой карман. В нем шуршала бумага. Он вынул ее и прочел:

«Удостоверение. Выдано Петру Ивановичу Орехину в том, что он состоит ремонтным мастером при депо железной дороги Н. Н. при станции Ц.».

— Очень хорошо,—сказал Борин.—Только костюм у меня немного буржуйский.

— Ничего. Наши мастера так одеваются. Да на одежду и не обратят внимания. Лишь бы фамилию, имя и отчество запомнил хорошо. Вот и все. Нехорошо, чорт возьми этот

взрыв. Пойдут теперь по городу аресты, облавы и обыски. Чорт возьми, как гремит! Точно самый жаркий бой идет.

Котлов подошел к окну с выбитыми стеклами. Посмотрел. Шопотом сказал Борину:

— Возле самого нашего дома стоит цепь солдат.

Час-два они прождали. Но потом легли спать.

* * *

К утру взрывы затихли, и лишь изредка одиночная трескотня патронов слышалась от вокзала. Опять засвистали, загудели проходящие мимо паровозы. Застучали о рельсы колеса вагонов. В окно с разбитыми стеклами дул легкий ночной ветерок. С ветром залетал в комнату угольный дым и запах нефти. Борин плохо спал ночь. Урывками. Встреча с Григорием Петровичем заставила вспомнить многое. К тому же нервировало солдатское оцепление подле дома. Борин несколько раз просыпался и смотрел в разбитые окна. На пустынной площади железнодорожного полотна тянулись десятки рельсовых путей. Пересекая площадь, из-за насыпи тянулась узкая, но густая цепь серых фигур, с винтовками в руках. Почти у самого дома, внизу стоял первый из этой цепи. Он, казалось, стоя спал, ухватившись двумя руками за штык стоящей на земле винтовки. К утру, когда взрывы затихли, цепь ушла.

* * *

За окнами посветлело. На целые версты заблестели холодной сталью рельсы. Борин оделся и сел у окна. Вскоре из соседней комнаты пришел Котлов. Угловатое лицо его было сонное и поэтому еще более угловатое.

— Как спали?—спросил он и, не дожидаясь ответа, добавил:—вы тут в комнате сидите и никуда не выходите.

Жена уже поставила самовар. Попьете чайку. А я иду на работу. Слышите, гудки. Приду к вечеру. Что нужно купить, скажите жене, она достанет. За себя не бойтесь.

Котлов ушел, слегка позевывая и закрывая рот огромной ладонью.

День тянулся медленно. Борин ждал с нетерпением Федора, но он почему-то не приходил. Надоело смотреть в окно. Бездействие и неизвестность утомляли.

Вдруг хлопнула дверь в соседней комнате. Раздались торопливые шаги. В комнату вошел Котлов. Лицо у него было сильно взволновано.

— В депо объявили забастовку,—прерывистым голосом сказал он.—Организаторы—сами рабочие. В связи со вчерашними взрывами, на станции контр-разведкой арестовано 16 рабочих. Трое из них наши, из депо. Двоих избили до полусмерти и отпустили нынче утром. Они, окровавленные и истерзанные, явились прямо в депо. Рабочие всколыхнулись. Требуют освобождения остальных четырнадцати и наказания для палачей... Послали делегацию из трех стариков; неизвестно, что будет.

Котлов уселся на стул, тяжело дыша.

— Ух, запыхался.

— А где теперь рабочие?

— В депо.

— А меньшевики там есть у вас?

— Есть,—они теперь говорят во-всю, рты развязали, хотят отговорить рабочих от забастовки. Рабочие их не слушают, они ждут с нетерпением возвращения делегации.

— Рабочие вооружены?

— Есть оружие... у многих.

— А если делегацию арестуют — возможно выступление?

— Неизбежно... собираются пойти демонстрировать к властям.

Борин подумал. Затем сказал:

— Надо рабочих повести за собой. Делегатов безусловно арестуют. Рабочих здесь мало, и с ними считаются генералы не будут. Надо использовать момент возмущения, чтобы раскрыть глаза рабочим на классовую сущность деникинцев. Надо повести их целиком за собой. Остатки выбить из-под тлетворного влияния меньшевиков. Нужно растолковать им, что боевое выступление необходимо, но не сейчас. Если теперь они выйдут массою на улицу, то их на полпути перерубят казаки... Самое лучшее, если они объявят однодневную забастовку протеста и разойдутся по домам из депо. А к боевому выступлению пусть лучше подготовятся, согласуют выступление с выступлением нашего партизанского отряда... А если будет возможно, пусть предварительно завяжут связь с Красной армией на нашем участке фронта.

— Да, да,—утвердительно вторил Котлов.—Хорошо было бы вам явиться туда и сказать несколько слов рабочим. Это подействует. Хотя и опасно вам появляться, но можно будет скрыться. Иначе рабочих не удержишь, и непременно наделают глупостей. Да риск-то не особенный вам пойти. О нашей забастовке еще власти не знают. Вокзал еще не оцеплен.

— А далеко депо?

— В двухстах шагах.

— Тогда пойдемте скорее.

Котлов быстро побежал в соседнюю комнату и вернулся с засаленной брезентовой курткой, набросил ее на плечи Борина. А на голову ему напялил свой картуз. Борин беспрекословно повиновался.

— Ну, пошли.

Они сбежали по лестнице. Потом бегом пробежали железнодорожную площадь, покрытую рельсами, шпалами, товарными вагонами. Пробежали через мостовидный кран, через который во все стороны пробегали параллели рельс. Вот и депо: железный овальный сарай, с раскрытыми настежь огромными воротами. Из сарая выглядывают зеленые и черные паровозы. Обычного стука и грохота не слышно из депо. Они вбегают узким проходом между большими паровозами в огромную боковую залу. Черные чугунные арки нависли над ними, симметрично уходят вдаль корпуса. Высоко вверху выбитое, запыленное и засыпанное сажей окошко. В окошко виднеется клочок голубого неба. У стен внизу и во всех направлениях по залу тянулись железные стойки, верстаки, огромные колеса, горна с мехами, железные брусья, винты, тиски, машины с колесами и валами. Небольшие паровые молоты. Машины не движутся. Возле них не видно людей.

* * *

Они свернули налево в двери. Борин увидел куполообразный зал, переполненный рабочими. Рабочих было несколько сот человек. Среди них Борин заметил несколько женщин и стариков. Кожанки, неуклюжие брезентовые костюмы, засаленные и измазанные в мазуте, солдатские штаны, опорки на ногах пестрели всюду. Морщинистые, пасмурные лица опущены вниз. Слышен шум многоголосой речи. Подошли ближе.

В кругу рабочих, на верстаке, держась одной рукой за ремень привода, говорил рабочий с выбритым лицом, смертельно бледным. Борин услышал последние слова его речи.

— И нужно, поэтому, товарищи, нам смириться... потому что ничего мы поделать не можем... А только через эту нашу глупость пострадают наши семьи, да и мы сами... Стенку лбом не прошибешь... А тех, которые вызывают вас на выступления,—не слушайте... Выступали уже не раз... Сами знаете, а видите, ничего не выходит, только смерть и разорение для нашего брата...

— Правильно, Матвей,—поддержали оратора несколько голосов.

— Давай, разойдемся, ребята, пока шею не наkostenяли...

Оратор спрыгнул с верстака, нахлобучил на голову засаленную фуражку. Стал в стороне. Дрожащими руками принялся сворачивать папироску, то и дело перешептываясь с двумя соседями.

Борин хотел просить Котлова, чтобы тот дал ему слово в порядке очереди. Но Котлова уже возле него не было. Не успел осмотреться он по сторонам, как услышал громкий голос Котлова. Посмотрел и увидел его на верстаке. Котлов говорил речь.

— То, что сказал Матвей... вы его не слушайте, товарищи; врет все он, шкурник. Свою шкуру спасаючи. Не время, говорит, выступать. А почему ты знаешь, что не время выступать нам? А?

— Знаю,—раздался из толпы голос Матвея.

— Ни черта ты не знаешь. Меньшевистский ты шкурник! Рабочему всегда время выступать, когда на него с ножом прут... Тебе, конечно, ничего, лишь бы ты жив остался. Шкура барабанная... А вот наших товарищей повесят, это ничего? А? А потом и до нас доберутся. Эх, ты, а еще говорит—я социалист... Ты... тормоз вестингауз для нашего рабочего дела, а не социалист... Что твой

брат рабочий гибнет—это тебе ничего... Таких предателей, как ты, в нашей семье нет и не будет... Так, что ли, товарищ?

— Верно, Котлов,—загудело много голосов из толпы.

Лицо и фигура у Котлова были могучими и властными.

— Потихе, товарищи,—сказал он,—я теперь не речь вышел говорить. После поговорим. Всем нам известно, что делать, на то мы и рабочие... Я хочу сказать вам, что мы не одни здесь.

Головы рабочих повернулись к выходу.

— Нет, товарищи, туда нечего смотреть. Я вам говорю, что мы здесь не одни потому, что к нам для связи приехал начальник партизанского отряда, товарищ Борин.

— Уррра!—закричали сотни голосов.—Покажись. Нача-а-аль-ник! Тащи его на верстак, ребята! Эй, дай дорогу! Дорогу...

Борин шел узким проходом между двух стен рабочих. Стал на верстак рядом с Котловым.

— Ура!—продолжали кричать многие голоса.

Борин снял картуз и, когда толпа затихла, стал говорить.

— Товарищи. Крепкий привет вам от нашего партизанского отряда... Товарищи. Долгих речей говорить теперь некогда. Я вам хотел сказать вот что. Ваших делегатов непременно арестуют и, возможно, повесят... Но, товарищи, разве нас запугают смертью? Нет. Наши борцы, погибшие в бою, никогда не умирают. Мы должны будем выступать. Неправ товарищ Матвей... Но только нам теперь выступить невыгодно. Вы одни, товарищи. Нужно подождать несколько дней, неделю. Не больше. А тогда вместе с нашим отрядом выступите. За свое дело мы всегда готовы умереть. Но теперь нам никак не выгодно выступать.

И мы не будем выступать. Товарищи, мы на провокации теперь не поддадимся. В ответ же на белый террор мы пока объявим забастовку. А теперь, товарищи, разойдемся по домам. Казаки, наверное, уже едут сюда. Побольше выдержки, товарищи, получше подготовьтесь к выступлению. Вооружитесь и ждите.

Борин сошел с верстака. После него опять говорил Котлов.

— Вы слышали, товарищи, что сказал нам начальник отряда? Я думаю, что никто из нас возражать не будет... Разве только Матвей. Пошли, товарищи, по домам. Нечего зря свои спины подставлять под казачьи нагайки... Каждый готовится к выступлению, но с осторожкой... Обыски будут... Может и арестуют кого из нас... Мы ко всему готовы... Пошли, товарищи. Будем ждать. Пусть так и скажет начальник отряда партизанам, что, мол, рабочие будут ждать. А завтра утром соберемся здесь.

Толпа рабочих, как бы повинувшись Котлову, тронулась массой к выходу. Кто-то из рабочих, растрепанный, худой, в бородке клинышком, вскочил на верстак. Было видно, как он делал нечеловеческие усилия, чтобы перекричать громкий говор уходящей толпы. Наконец, он взялся рукою за горло, как видно, надорвав его. Безнадежно махнул рукою и сошел к трем ожидавшим его у верстака товарищам.

Сквозь шум Борин услышал его слова:—Прозевали мы. Надо было бы нам выступить раньше. Ей-богу, рабочие вышли бы на улицу. Я вот и красный флаг приготовил.— Он высунул из-за пазухи кусок ярко-красной материи.

— Эх, сорвалось, теперь уже не вернешь их.

Проходя к выходу, мимо Борина, он гневно сказал:

— Большевистские демагоги, саботажники революции. У-у, погодите!

— Кто это?—спросил Борин Котлова.

— Наш анархист с приверженцами.

У выхода на улицу стояли Григорий Петрович, Федор и Железкин.

— Надо спешить,—сказал Григорий Петрович,—сюда едут казаки. Да вон они уже движутся. Смотрите.

На самом деле, в дальнем конце железнодорожного полотна показались небольшие конные фигуры. Они быстро приближались, увеличиваясь в размерах.

— Едут по полотну цепью,—шепнул кто-то.

— Ну, мешкать нечего.—Пошли.

Григорий Петрович помчался наперерез через полотно железной дороги, пролезая под вагонами. Все последовали за ним гуськом. Перешли полотно. Путь преградила бетонная стена с колючей проволокой наверху.

— Здесь нужно перемахнуть,—сказал Григорий Петрович.—Снимайте куртки, кладите на проволоку. Так. Ну, теперь кто поздравее, Котлов,—подставляя спину. Борин, лезь.

Борин быстро перепрыгнул через стену. За ним остальные. По эту сторону железнодорожного полотна город был совсем похож на деревню. Они шли улицами, наполненными сугробами пыли и лужами грязи. По дороге попадались густо измазанные в черную грязь свиньи с поросятами. Часто крыши домов были крыты соломой. Так прошли несколько улиц. Близко к окраине разбились на две группы. С разных сторон вошли в маленький проулок. Постучали в двери небольшой деревянной избы у канавы с крыльцом. Раскрылось окно. В него высунулась черная взлохмаченная голова. Посмотрела. Протянула букву, а-а-

а-а“ и скрылась обратно. Двери раскрылись, вышел тот же взлохмаченный человек, в калошах на босу ногу и в исподнем белье. Он зевал, закрывал рот одной рукою, а другой придерживал спадающие кальсоны.

— Заспался, извините,—сказал он.—Заходите, господа.—И прибавил шопотом:—товарищи.

Зашли в темную комнату с единственным столом и одной скамейкой у стены. Расселись на скамью.

— Ты что так долго спишь, Андрей, и не стыдно?—пожурил взлохмаченного человека Григорий Петрович.

— Заспался,—оправдывался Андрей.—Я лег в постель, т.-е. на стол, всего два часа назад.

— Почему?

— Печатали воззвание к населению.

— О чем? Почему мы не знали?

— Поздно пришла сводка. Вчера в десять часов ночи получили сводку с фронта. Наши наступают. Заняли за неделю триста верст территории, шесть крупных городов и захватили 21 тысячу пленных и трофеи.

Все в комнате сразу стали оживленно разговаривать. Засуетились. Кто-то начал кричать «ура», но ему зажали рот.

— Замолчи, сумасшедший!

— Еще что?

— Наш фронт от города в ста верстах.

— Благодать,—расплывся в улыбке Федор.—Покажи листовку.

Андрей, придерживая одной рукой спадавшие кальсоны, другой принялся рыться под дровами в печке. Достал папку, из папки вынул небольшой листок бумаги. Федор прочел напечатанное на нем вкривь и вкось гектографом.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВОЗЗВАНИЕ

Всем честным труженикам. Товарищи! Победоносная Красная Армия заняла ряд городов, территорию в 300 с лишним верст. 30 тысяч пленных и невиданные трофеи! Белые банды бегут. В их стане разложение. Красные герои уже в нескольких верстах от города. Не пройдет и двух дней, как царские палачи, генералы будут уничтожены навсегда и красный стяг труда взвоется над городом и над всей трудовой Республикой!

Дорогие товарищи! Военно-революционный комитет, который сейчас организован в губернии, соединяет воедино силы для могучего выступления в тылу у врага. Он призывает вас всех готовиться к этому выступлению, не покладая рук. Но на провокации одиночных выступлений не поддавайтесь, товарищи! Врозь мы слабы, вместе—непобедимая, всесокрушающая сила.

Уже сейчас в наших рядах имеется такая могучая войсковая единица, как партизанский отряд, оперирующий в Н уезде, насчитывающий в своих рядах более десяти тысяч человек. В городе мы тоже насчитываем их несколько тысяч. Через пару же дней мы будем превосходить гарнизоны численностью и мощью.

За работу, товарищи!

Вооружайтесь, кто чем может! Время не терпит!

Долой белых палачей-вешателей!

Да здравствует непобедимый союз трудящихся!

Да здравствует рабоче-крестьянская Красная армия!

Да здравствует мировая пролетарская революция!

Губревком.»

— Хорошее воззвание,—похвалил Федор.—Только насчет численности нашего отряда преувеличили, братцы. Даже меня покорило. У нас, когда мы уходили из отряда, вместе с батальоном, было 1.200 человек.

— Ничего,—ответил Андрей.—Где нынче тысяча повстанцев, там их завтра будет десять тысяч.

— Распространили листовку?—спросил Борин.

— Уже расклеили в городе около двадцати штук. Остальные послали в уезды.

— Сегодня будут повальные обыски,—сделал вывод Григорий Петрович.

— Не думаю. Нас под вечер вчера обыскивали. Поэтому мы и печатали здесь.

— Когда же соберется комитет?—спросил Борин.

— Здесь, в три часа дня.

— Будем ждать. Поесть-то дашь нам что?

— Ступайте в сенцы, там есть молоко, яйца, ветчина, а я сосну часок-другой.—Андрей быстро залез на стол, под пальто и мигом захрапел.

— Это кто?—спросил Федор у Котлова.

— Это секретарь нашего губернского комитета.

* * *

С двух часов стали приходить члены комитета. Они входили со двора без стука. Борин внимательно всматривался в лица и узнавал в них своих старых друзей.

— Борин? Здорово, дорогой. Не из центра ли?—спрашивал у него приземистый, толстый человек. Бритое лицо вошедшего простодушно улыбалось. Серые глаза искрились под стеклом очков.

— Власов? Ты ли это? Тебя без бороды не узнаешь. Здравствуй, милый.

Товарищи целуются.

— Как попал? Откуда? Что делал? Что слышно нового? Кто здесь, кого нет?—послышались обоюдные вопросы.

Власов рад встрече. Но по обыкновению сдержан. До захвата города белыми он был председателем трибунала. По привычке, говорил медленно. Каждое слово «обмаргивает», как говорил про него Федор. По профессии он был телеграфистом.

Снова раскрылась дверь, вошел худощавый человек в шляпе, надвинутой на нос. Длинные черные усы свисают по-хохлацки вниз на бледном угодничьем лице. Федор сразу узнал вошедшего.

— Иудейский хохол—Абраша Зоткин,—порекомендовал он Борину.

Зоткин бросил шляпу в сторону и прыгнул на шею Федору, а затем Борину, выкидывая при этом самые удивительные фокусы ногами. Усы у него сползли на подбородок, обнажая бритую верхнюю губу.

— Откуда покойничков бог принес?—со смехом говорил он.—Чорт возьми, как тут не верить в загробную жизнь!

Абрам Зоткин, по профессии печатник, при Советах был членом коллегии ЧК, кроме того заведывал отделом народного образования.

За ним следом вошел еще один, знакомый Борину член комитета. Раньше он занимал пост заведующего агитотделом губернского комитета. Подслеповатый, обрюзглый, седоватый смотрит исподлобья. Он больше двадцати лет провел в тюрьмах царской России. С восемнадцати лет, отдавшись делу революции, он никогда не уходил от нее. Тепло и радостно поздоровался он с Бориным и Федором.

— Нашего полку прибыло,—сказал он баском. Друзья поздоровались.

Через час пришли еще двое. Это были ответственные работники подпольного губкома, присланные из ЦК партии для работы в губернии. Федор не преминул задать по несколько исчерпывающих вопросов и узнал, что до посылки сюда оба товарища работали среди путиловцев, так как сами были металлистами. Оба они были старыми партийцами-большевиками. Провели по несколько лет на каторге.

Один, повыше ростом, с черной щетиной на щеках, в синих очках, с копной кудрявых волос на голове, с желтым карандашом за ухом был назначенским председателем комитета. Звали его Борисом.

Другой был небольшого роста человек, с серым бритым лицом, с припухшими небольшими глазками и хромой на правую ногу. Он носил странную кличку «Великана», неизвестно почему данную ему товарищами.

* * *

Разбудили Андрея. Спешно открыли заседание комитета. Заслушали информацию Григория Петровича и Котлова по поводу забастовки в депо. Постановили написать новое воззвание, клеймящее белых палачей и призывающее рабочих к выдержке. Вторым вопросом заслушали сообщение Борина по поводу партизанского отряда. Сообщение приняли к сведению и постановили установить прочную связь с партизанским отрядом через специальный кадр курьеров. Кроме того, постановили написать воззвание к красным героям—партизанам и красноармейцам. Затем обсудили вопрос о связи с армией и о совместном выступлении. Постановили завязать живую связь со штабом армии. Для этой цели выдвинули две кандидатуры: Котлова и Железкина. Борин протестовал против посылки Котлова. «Он очень авторитетен среди здешних рабочих. Его никак нельзя

убрать отсюда». Кандидатуру Котлова отвели. Железкина тоже.

Члены комитета задумались, выискивая в памяти подходящего кандидата в связные. Поднялся Федор.

— Вот что, товарищи,—сказал он.—Я выдвигаю свою кандидатуру. Пойдите, пойдите,—отводил он недоуменное возражение.—Во-первых, моя миссия в городе, так сказать, выполнена. Остальное сделает товарищ Борин. Не перебивайте, братцы. Здесь я особенно не нужен, ну и в отряде без меня обойдутся. А как связной, я, братцы, первый сорт. Сами видите. Для меня это будет прогулка, и дело я сумею протолкнуть в штабе очень быстро. Да что и говорить, ехать в штаб должен я, и никто другой. Комитетчики переглянулись.

— Ваше мнение, товарищ Борин?

— Пускай идет. Он мастер такие вещи обдeldывать. Только ты там, Федюша, не задерживайся. Хотя мы тебя ждать здесь не будем, но, тем не менее, поскорей возвращайся. Только одно условие, товарищи: прошу его здесь не задерживать на обратном пути. Он в отряде будет очень нужен.

Кандидатуру Федора приняли. Заседание закрыли. И закипела черновая работа комитета. Принялись писать воззвание, листовки, письмо к партизанам, донесение в штаб армии.

* * *

Поздней ночью Федора провожали в дорогу. Федор, переодетый крестьянским парнем, с документами жителя деревни прифронтовой полосы, шел в сопровождении Железкина. В котомке, висевшей у него за плечами, помещался черный хлеб, в котором были спрятаны донесение, небольшой браунинг с патронами и деньги.

За городом Федор пожал Железкину руку, обнял его и, сгорбившись, точно от большой тяжести, пошел по туманной дороге в путь. Где-то в городе раздавались одиночные выстрелы. На окраине лаяли собаки. Скользили темные облачка, проплывавшие мимо луны. Безлюдное поле то озарялось матовым светом, то погружалось во мрак.

* * *

Утром, когда еще все спали, пришел Железкин с Амо. Амо был взволновал и рассержен.

— Ну что же это такое, товарищ Борин. Вы вчера были среди забастовщиков, а меня не предупредили. Но если бы случилось несчастье, виноватым оказался бы я. Через вас я лишился бы карьеры. Командир разжаловал бы меня из завхоза в начальники снабжения отряда. Нет, это невозможно... больше я от вас ни шагу. Так вчерашние сутки помучился. Ай-вай.—У Амо был шутливый тон речи, но по лицу было заметно, что он не спал ночь. Оно было помятое и побледневшее.

— Ладно, товарищ Амо, больше разлучаться не станем. Мы просто забыли вчера о вашем существовании. День был такой.

— Когда же в обратный путь?—спросил Амо.

— Хотя бы сегодня. Все, что нужно было сделать, мы сделали. Связь с губкомом налажена.—Через каждые три-четыре дня будут являться к нам связные. Этим наша задача исчерпывается. Но мне хотелось бы побыть здесь еще денек-другой, чтобы узнать, чем закончится забастовка рабочих депо. Как ваше мнение?

— Один-два дня задержаться можно, думаю я. С отрядом ничего не станется за это время. Конечно, перебудем.

— И я так думаю. Мы хорошенько прощупаем настроение гарнизона и отношение между командным и исполнительным составом.

Борин пошел умываться. В комнате было темно, на полу играли солнечные зайчики от лучей, падавших сквозь щели закрытых ставень.

Стук сапог в соседней комнате разбудил всех. Вскочил со стола Андрей, потянулся, зевнул и изумленно уставился на Амо.

— Я с Бориным,—заметив его недоумение, пояснил Амо.

— А где Борин?

— Умывается.

— А-а.

Андрей был удовлетворен. Он сел на стол, болтая ногами, не спеша закурил папиросу, брызгая красноватыми лучами спички в коричневую тьму, сгущенную у потолка. Проснулись другие члены комитета. Спешно одевались и поодиночке уходили. В комнате остались Борин, Амо, Андрей и Григорий Петрович. Они ждали с нетерпением прихода Котлова, давно ушедшего в депо.

* * *

В первом часу в комнату без стука вошел Железкин. Он был неузнаваемо бледен. Красная полоса тянулась у него от щеки к шее. Губы запеклись кровью.

— Что, что с тобою?—подбежали все к нему.

— Ничего,—ответил он—говорить только трудно, язык прикусил.

— Кто тебя так обделал?—спросил Андрей.

— Кто?—Казачи. Вот кто.

— Когда?

— Час назад.

— Рассказывай, ну. Где Котлов?

— Котлов избит и арестован.

— Да что случилось?

— Собрались утром мы в депо. Как говорил товарищ Борин, делегаты оказались арестованными и посажены в тюрьму.—Говорят, пороли. Мы устроили митинг. А тут, откуда ни возьмись—казаки. Стали разгонять митинг. Офицер приехал, приказал встать на работу. Начальник депо приехал и тоже угрожал. «Рассчитаю, упеку». Тут вот выступил Котлов и принялся призывать рабочих к забастовке. Офицер подал сигнал, на Котлова бросилась толпа казаков и тут же стала избивать его. Затем его увели куда-то. Должно быть, расстреляют. Многих рабочих избили и под угрозой ареста заставили работать. Возле каждого рабочего у станка поставили казака. Теперь вот перерыв на обед. Отпустили нас с условием, чтобы немедленно вернулись к работе. Я и прибежал сюда.

* * *

Борин и Амо пробирались на новый ночлег. Надо было пересечь главные улицы. Завернули за угол. Перед ними сверкнул десятками окон двухэтажный дом.

— Здание бывшей губчека.... Что здесь теперь?—спросил Борин.

— Градоначальство.

— Больно сильно электрифицировано. У них сегодня как-будто бы бал. Обычно—меньше огней.

Подошли ближе. У входа в здание стояло несколько часовых, в высоких горских бараньих шапках с белым верхом.

Когда они уже проходили мимо сияющего подъезда, прямо на них выбежал офицер с растрепанной прической. За ним еще несколько.

— Господа... позвольте, господа,—закричал он, задев их.—Почему вы не зайдете, господа? Как не стыдно, господа?—говорил он с пьяной ласковой укоризной, схватив за рукав Борина. Остальные офицеры приблизились к ним.

— Нельзя же так, господа. У нас там...—офицер болтул рукою, назад,—много дам и мало кавалеров. Прошу, господа, зайдите..... Оч-чень весело.... пожалте...

Остальные офицеры тоже принялись упрашивать.

— Нельзя же так, господа, зайдите, господа.—Все они пьяно улыбались и тащили их за рукава к подъезду. Часовые внимательно наблюдали за сценой.

— Хорошо, господа,—забежал вперед Борин.—Только с условием! Оваций и встреч нам не устраивайте. Дайте офицерское слово.

— Даем, даем. Идите сами наверх.

Борин, а за ним Амо поспешили воспользоваться любезностью офицеров и быстро пошли вверх по лестнице.

— Хотя бы скорее избавиться от этих пьяных рож.

Наверху они оставили свои фуражки у дряхлого швейцара. Быстро прошли первую комнату, уставленную длинными столами с закусками. Облокотившись на столы, тут спало несколько офицеров.

— Знаешь что, зайдёмте в мой бывший кабинет,—предложил Борин:—посидим там немного и домой. Здесь очень небезопасно.

Они пошли. Издалека доносились звуки музыки.

— Игрaют в большом зале,—пояснил Борин.

Прошли еще одну комнату. В другой наткнулись на сцену. На диване сидело двое офицеров. У них на коленях

лежала женщина с обнаженными ногами и грудью. В другой комнате попала совсем обнаженная женщина среди бутылок вина и цветов. Рядом с ней сидели два полурасдетых офицера. Один седоусый офицер спал прямо на полу. Голова его покоилась между двух толстых ног в ажурных панталонах. Голова и бюст обладательницы панталон помещались где-то под столом.

У входа в кабинет их сбила с ног кавалькада пьяных офицеров, нагруженных женщинами. Пьяные женщины, в крикливых растерзанных нарядах, с прическами, сбитыми на сторону, с раскрытыми ртами, осоловелыми, пьяными глазами сидели, плотно ухватившись, у офицеров на шеях, спинах, животах. Крича что-то бессвязное, группа рассеялась по разным комнатам.

В кабинете было совсем темно. И чьи-то грубые голоса, к которым присоединились потом пискливые женские, закричали из потемок:

— Вход одетым запрещается! Раздевайтесь за дверьми, господа. Да, за дверьми. А сюда голенькими!

Борин с силой захлопнул двери.

— Знаешь что,—предложил Амо,—давайте-ка удирать.

— Вот идем сюда,—указал Борин на маленькую дверь в коридор.—Мы здесь не встретимся с этими пьяными офицерами. Здесь черный ход.

Прошли темным коридором. Подошли к лестнице вниз, во двор. Пахнуло уличной свежестью.

Неожиданно направо раскрылась дверь, и на пороге показалась знакомая Борину фигура.

«А, Иванов»,—вспомнил Борин и хотел отвернуться, но встретившийся человек уже узнал его, и изумление на его лице сменилось выражением злобы.

Иванов быстро скрылся за дверьми.

— Бежим вниз!—крикнул Борин.—После узнаем, в чем дело.

Они бросились стремительно вниз по лестнице... Вот уже улица.... вот сад. Амо впереди между деревьями.

— Стой! — кричат Борину сбоку несколько голосов. Он быстро бежит, но его хватают за плечи и ведут обратно.

* * *

В квартире Григория Петровича шел спор.

— Пусти, пусти меня!—кричал Амо.—Это позорно!

— Замолчи, сумасшедший. Ну, какая польза? Ну, что мы можем сделать.

— Нет, я с этим не могу примириться.

— Но Борина повесят.

Григорий Петрович сел около него. Глаза его были затуманены слезами.—Но что же делать?

Несколько минут в комнате стояло тягостное молчание.

— Нет!—наконец, воскликнул Амо. Темное лицо его еще более потемнело, а у висков вздулись прыгающие жилы.—Нет, надо сделать все возможное, чтобы освободить его... Умру, но сделаю.

— Ну, что же ты, голубчик, сделаешь?—Ну, что ты можешь сделать? Ну, что мы можем сделать?

— Что сможем?—Лицо Амо горело решимостью.—Все сможем. Мы должны будем устроить побег.

— Каким образом?

— Каким образом освободим—это мы найдем. Лишь бы его сегодня не убили. В этом отношении у нас, старых дашнаков, большой опыт. Можно сделать так. Проследить, где он в заточении, и сделать налет.... Или, если его будут вести по улице, то совершить нападение.

— Ерунда. Детская вещь!

— Не ерунда. Только нужно будет обмозговать это дело. Надо так сделать, чтобы его в первую очередь не убила стража. Во всяком случае, нам нужно будет человек двадцать-тридцать. Сумеет ли их выделить городская организация?

— Нет, не сумеет. Этого нельзя сделать. Это будет равносильно провалу организации и ни к чему не поведет.

— А оружие достать можно?

— Это сумеем. Но....

— Никаких не должно быть «но». Жизнь Борина—драгоценная жизнь. Вы ложитесь, Григорий Петрович, а я еще посижу и хорошенько обдумаю всевозможные пути действия... Уверяю вас, что у нас есть шансы на успех.

* * *

Ранним утром Амо уже распоряжался.

— Вот что нужно достать, Григорий Петрович. Все это должно быть у нас в доме к двенадцати часам.—Амо передал записку. Григорий Петрович прочел:

1) Хорошо оседланных лошадей с плетками.	2 шт.
2) Ручных бомб.	10 »
3) Револьверов.	12 »
4) Хорошо вооруженных людей.	3—5 чел.
5) Деревенских костюмов	2
6) Пролеток с хорошими лошадьми	5
7) Бумаги, нужные для передачи в отряд.	
8) Продовольствие на дорогу.	

Григорий Петрович прочитал, покачал головою.

— Людей не достанем. Но все остальное достанем. Я пойду. А ты будешь здесь?

— Нет, я пойду к Железкину: пусть скажет рабочим. Охотники найдутся.

Уходя, Григорий Петрович сказал:

— Не могу я одобрить эту пинкертоновщину. Ничего не выйдет. Только себя и других погубишь. Не по-нашему ты действуешь, Амо.

— Ничего, ничего,—отмахнулся обеими руками Амо.— После поговорим.

* * *

Григорий Петрович и Амо стояли на углу улицы возле комиссариата.

— Говорят, повели судить. Лицемеры. Плохо то, что белошاپочников сменили казаки... Видишь, те ушли. Хотя ничего. Ну, я пойду расставлю людей. Ведь моя правда. Целых десять человек оказалось желающих. Я еще раз разъясню всем, расскажу, как действовать. С извозчиков пусть не встают. Один управляет лошадьми, другой угрожает бомбами. Затем нужно еще раз сказать, чтобы погромче кричали: «Смерть большевикам!» «Давайте нам большевиков—нечего с ними возжаться!» Понятно?

— Конечно, понятно. Только...

— И пусть следят за офицерами. Они могут догадаться убить Борина раньше, чем мы его освободим. Одобряете план?

— Да, но...

— А когда Борин будет в наших руках, все ребята разъедутся во все стороны. Одобряете план?

— Нет, не одобряю.

— Ничего, после одобрите. Ну, я пойду предупреждать. А сами вы, Григорий Петрович, уходите поскорее отсюда. А то взаправду провалите организацию. Скажите всей организации, чтобы была настороже.

Григорий Петрович покачал головой, поцеловал улыбающегося Амо и, вытирая слезу рукою, ушел за угол.

* * *

Борина втокнули в ту боковую комнату над черным ходом, где он только что видел Иванова. Кто-то с силой бил его в спину. Перед ним находилась маленькая комната, наполненная облаками табачного дыма. В дыму Борин увидел три фигуры. Ближе всех к нему стоял офицер с растрепанной прической, зазававший их на бал. На его лице был разлит неподдельный ужас. Одной рукой он держался за рукоятку браунинга, покоящегося в кобуре.

— Так это предчека?—спрашивал он у соседа, выпучив глаза. Сосед спрятался за его спиной.

— Он, я хорошо знаю,—отвечал последний.

«Иванов—предатель,—подумал Борин,—сотрудник губчека и предатель».

— Он, в этом не сомневайтесь, я хорошо его знаю... Вместе работали.

— То-есть как вместе работали?—бестолково спрашивал офицер, судя по лицу, совершенно сбитый с толку.

Борин посмотрел вокруг. Сзади и с боков у него стояли шесть вооруженных. Судя по лицам и форме, это были не то казаки, не то горцы.

Они внимательно смотрели за ним.

«Не уйти,—решил Борин.—Жаль, сплеховал».

Между тем офицер все еще продолжал задавать недоуменные вопросы.

— То-есть, как ты вместе с ним служил? А? Ты что врешь, а? Ты думаешь, что я пьян, а?

«Хорошо, что Амо не попался,—думал Борин.—А, может быть, и попался. Может быть, уже убит. Если бы не этот подлец Иванов, все обошлось бы хорошо».

— Чего же тут не понять?—объяснял Иванов.—Я служил не за совесть, а за деньги... за паек, и сводки посылал нашим. Надо понимать, как следует. Три раза на этого самого чорта нападение устраивал.—Иванов показал пальцем на Борина.—Все выкручивался. Ну, а теперь не выкрутишься!

Офицер постучал себя по лбу пальцами. Несколько раз скорчил гримасу, силясь прогнать гнетущие мозг винные пары. Потом он зашел сбоку посмотреть на Борина.

— Предчека. Гм! Вот что! Вот он какой! Не пойму, никак не пойму. Какого чорта ему здесь нужно?

— Какого чорта?—передразнил его Иванов.—Может быть, он где-нибудь адскую машину поставил в доме. Может быть, через минуту все мы на воздух вспорхнем.

— А-а-а,—засуетился офицер.—Нужно пойти доложить.

— Кой чорт.... Они все пьяны, как винная бочка. Нет, итти незачем.

— А ты спроси у него,—помог ему Иванов.—Он скажет, есть ли адская машина.

— Ребята, смотрите за ним в оба,—приказал офицер,—я буду допрашивать.

Один из стражи что-то передал другим на гортанном наречии. Стража подошла вплотную к Борину.

— Отвечай, есть адская машина?—закричал офицер тоненькой фистулой.—А то...

Он быстро поднес кулаки на уровень лица Борина. Борин быстрым ударом отбросил офицера к стенке, где тот шлепнулся на пол.

— Держите его!—закричал иступленным голосом офицер.—Я его сейчас расстреляю.

Офицер вскочил на ноги, подбежал с револьвером в руке к побледневшему Борину, взвел курок, но его дернул за руку Иванов.

— Убить успеем, успеем.

— Пусти!—кричал красный, как кровь, офицер.

— Этого нельзя допустить.—Иванов встал между Бориним и офицером.—Этого нельзя. Пойми. За это тебя завтра генерал самого расстреляет.... Ты пойми, может быть, здесь у них заговор. Ведь не спроста же он здесь. Успокойтесь. Это ничего, что он вас ударил. Зато завтра генерал вас непременно наградит....

Офицер поморщился и неохотно спрятал браунинг в кобуру.

— Общайте его!—крикнул он караульным.—А потом уведите в караульное помещение. Свяжите по рукам и ногам. Ты, Али, отвечаешь мне за него головою. Понял?

— Так точно,—отвечал тот солдат, что переводил другим приказания на гортанной речи. Борина обыскали. Из карманов брюк извлекли маленький браунинг. Передали его офицеру. Офицер погрозил Борину.—Постой, негодяй.

Борин молча скривил губы в насмешку. Это окончательно взбесило офицера.

— Уведите этого негодяя. Уведите этого разбойника. Я не могу на него смотреть. Я застрелю его!

Борина быстро вытолкали назад в коридор. Почти на руках снесли по лестнице вниз. У выхода помещалась караульная рота. Провели по узкому проходу через два ряда коек с сонными фигурами солдат. Мимо стоек с винтовками... ввели в полуподвал, где раньше содержались арестованные белогвардейцы.

«Превратности судьбы»,—засмеялся Борин. Но тут же вспомнил о лесе, где находилась Феня. Сердце резнула мучительная боль.

Его связали и уложили на голые нары. Возле поставили двух часовых.

«Плохо я стал подпольничать,—опять принялся ругать себя Борин.—Попался. Хотя тут больше всего виноват этот предатель Иванов. Не кстати смерть.... ох, как не кстати». Пробовал Борин утешить себя мыслью, что все же его друзья на свободе, что дело революции без него в надежных руках. Но это утешение было слабое. Хотелось еще пожить. Почему-то смерть представилась ему в виде старика с окостеневшими, полураскрытыми руками, с растопыренными пальцами. Точно он с закрытыми глазами ловил кого-то невидимого. У старика хищное лицо, искаженное дикой злобой. По острой бороде текла струйка крови. Где-то он видел этот труп старика. Но где, не мог припомнить.

Через несколько минут стали болеть в связанных местах руки и ноги. Время шло медленно. Часовые менялись. Они стояли, точно истуканы, в кавказских бешметах, в высоких барашковых шапках с белым верхом. Боль рук и ног все усиливалась. Борин временами забывался и стонал.

* * *

Утром за ним пришел офицер, с огромными черными усами и колючим взглядом. Он был одет в такую же форму, как и солдаты, только сшитую лучше.

— Развяжите его,—приказал он караульным.

Борина развязали. Он долго растирал затекшие и занемевшие места. Наконец, сел на нары.

— Как ваше здоровье?—насмешливо спросил офицер.

— Ничего,—буркнул в ответ Борин.

— Я тоже думаю, что ничего,—согласился с ним офицер.—Мы вас сейчас отправим в военно-полевой суд.—Офицер испытующе посмотрел в лицо Борина.—А из военно-полевого суда есть один ход—к праотцам.

Борин посмотрел на него, погладил бороду и сказал:
— Ну...

— Ну, а это вещь не из приятных, особенно ежели через повешение.

— Кому как. Вы вот лучше дайте мне напиться, а то я, пожалуй, не доживу до столь сладостной минуты.

— Обойдется и так. Идем.

* * *

Шли посередине ярко залитой солнцем улицы. Около пятнадцати человек с саблями наголо охраняли Борина на пути в военно-полевой суд. Солнце слепило глаза. Но Борин шел твердой поступью, растрепанный и хмурый. Ароматный утренний воздух немного освежил его после бессонной мучительной ночи. По сторонам улицы шли прохожие. Иные молча смотрели на шествие, другие с состраданием качали головой. И вдруг.... у поворота на главную базарную площадь Борин увидел два знакомых лица. Это были Амо и Григорий Петрович.

«Они следят, куда меня поведут»,—подумал Борин. Слабая надежда шевельнулась у него в сознании. Но он тотчас же отверг ее. «Пустое, что они могут сделать?»

Подшли к большому черному корпусу, где раньше помещался военный комиссариат. Над входом в здание развевался трехцветный флаг. На древке флага висела белая лента. По широкой лестнице Борина ввели в большой зал. Остановили в углу перед дверьми с надписью «Кабинет Е. В. П. Комдива». Конвоиры окружили Борина со всех

сторон, а офицер, закрутив свои большие черные усы, точно на пружинах вошел в двери кабинета.

* * *

Прошло с полчаса. Наконец, из кабинета вышел конвойный офицер. Выбрал из стражи двоих, наиболее воинственных, поставил их по сторонам Борина. Вынул из кобуры наган и скомандовал:—Прямо в двери, шагом марш!

Стиснутый с двух сторон стражниками, подталкиваемый сзади дежурным офицером, Борин ввалился в кабинет комдива. В просторной светлой комнате, за большим письменным столом, заваленным бумагами и газетами, сидел лысый, бритый офицер. Над ним на темных обоях стены красовалась готическая таблица: «Личный секретарь Е. В. П. Комдива».

— Подождите здесь, поручик,—сказал он конвойному офицеру.—Я пойду доложу.

Он без стука вошел в большую дубовую дверь направо. Опять потянулись томительные минуты ожидания. У Борина закружилась голова. Захотелось спать.

«Вот церемонные черти,—мысленно выругался Борин.—А впрочем, все равно». Он покосил глазами направо. В упор на него смотрели черные подстерегающие глаза. Хищный профиль с плоским, как у птицы, носом, серое лицо, у щек изрытое оспой. Острый подбородок и темные губы длинной веревочкой. «Ну, и рожа»,—подумал Борин. Его почему-то стал душить смех. Он обернулся в левую сторону. Там на него смотрела такая же рожа, только с щетинистыми, тараканьими усами и выпученными глазами.

— Эй, ты, стой смирно!—окрикнул его сзади конвойный.

Вошел лысый офицер. Сказал:—Заводите,—и величественным жестом показал на дверь. Стиснутый с двух сторон, Борин ввалился в другую комнату.

На фоне голубых обоев стояла черная резная венская мебель. В углу красовался белый мраморный камин. Рядом с ним стояло трехцветное знамя с орлом наверху. На окнах цветы с большими листьями. Напротив дверей, у стены, помещался большой стол, покрытый, вместо сукна, двумя трехцветными знаменами. И стол, и камин, и знамена отражались в блестящем навощенном полу. За столом сидело пять человек, одетых в офицерские мундиры. Лица серьезные и нахмуренные. В центре стола, развалившись, сидел офицер, с генеральскими зигзагами на погонах, в бакенбардах и пенсне. Остальные все были гладко выбриты и причесаны.

— Ближе сюда,—бархатным голосом сказал офицер в бакенбардах.—Еще ближе. Так. Ну-с!

Бакенбарды повернулись поочередно направо и налево:

— Начнем, господа.

Его соседи утвердительно кивнули головами.

— Егор Павлович,—обратился тогда генерал к хмурому офицеру, сидевшему у края стола с ручкой в руках,—позовите Иванова.

Хмурый офицер встал и вышел в маленькую черную дверь возле камина. Офицеры внимательно уставились на Борина.

«Рассматривают, каков большевик, чекист,—сделал вывод Борин.—Как видно, раньше не встречали лицом к лицу. Не подумали бы, что я хоть чуть-чуть трушу».

Борин выпрямил стан, закинул назад голову. Прищурился одним глазом, стал в упор смотреть на своих судей. Сосед

председателя достал монокль. Поднял бровь и вставил его в правый глаз. Посмотрел на Борина и что-то шепнул председателю. Тот улыбнулся. Кровь залила лицо Борина.

* * *

Маленькая дверь раскрылась, вошли хмурый офицер и Иванов.

Иванов был хорошо одет. На нем красовался летний чесучевый костюм. Ослепительно белые туфли и воротничок с белым галстуком. Но его лицо оставалось все то же сморщенное и сжатое: глубоко посаженные, прищуренные, разбегающиеся серые глаза, тупой нос, приподнятая левая бровь, стриженные под гребенку седые волосы. Сгорбленная спина и не сгибающиеся длинные ноги.

— Садитесь, господин Иванов,—сказал председатель, указывая на стул у камина.—Можете приступить к допросу.

Хмурый секретарь стал задавать вопросы Борину.

— Ваше имя... отчество... фамилия.... женат... есть ли дети... возраст... вероисповедание... национальность... Потом секретарь сказал: «Анкета заполнена».

— Я имею несколько вопросов,—обратился к соседям председатель суда. Те утвердительно кивнули головами. Тогда генерал обратился к Борину:

— Скажи... как его...

— Борин,—подсказал секретарь.

— Да, Борин. Скажите, Борин, так это вы бывший председатель местной губчека?

— Вы об этом хорошо знаете,—с усмешкой оборвал его Борин.

Председатель нахмурился, поднял брови.

— Прошу прямо отвечать на вопросы, иначе....

— Я буду отвечать только на те вопросы и так, как я это найду нужным.

— Одумайтесь, Борин. Ваша жизнь здесь поставлена на карту, и, в зависимости от степени вашей искренности и честности, она может быть спасена.

Борин вскипел:

— Оставьте ложь. Не прикидывайтесь ханжой,—закричал он.— Я еще, не видя вас, знал, что я уже обречен. Я знаю, кто мои судьи. Судьи—это вы: царская Россия, дворянство, юнкерство, мой смертельный враг. От вас я не жду пощады и не хочу ее. Поняли?

— Уверяю вас, Борин, что смертный приговор вы еще не получили.

Судьи переглянулись. Потом председатель сказал:

— Вы очень, понимаете, вы очень дерзкий, Борин. Однако же старайтесь отвечать на поставленные вам вопросы короче и прямее, иначе мы вынуждены будем судить вас без вашего присутствия. Уверяю вас, что ваша участь еще окончательно не предрешена.

— Зря все это.—Борин махнул рукою.

Председатель повернулся в сторону Иванова.

— Свидетель, господин Иванов. Что вы скажете по делу Борина? Не стесняйтесь, говорите все.

Иванов быстро на несколько шагов приблизился к столу. Секретарь суда снял с него тот же допрос, что и с Борина.

— Прикажете начать сначала, ваше высокопревосходительство?

— Говорите короче.

Иванов еще более сморщил свое лицо. Собрал в бантик тонкие губы. Два раза слабо кашлянул и начал:

— Я видите ли, ваше высокопревосходительство и господа высокие судьи, сам происхожу из дворян. Как вы уже

изволили слышать, коренной житель здешних мест. Лет двадцать тому назад, т. е. в 1897 г. я из этих мест уехал в столицу моей родины, России, дабы там сыскать себе службу, так как время для меня было тогда тяжелое. В престольном граде Москве мне посчастливилось видеть его светлость градоначальника города, который не только изволил меня обласкать, но даже дал мне аттестацию в департамент полиции. Его высокопревосходительство, начальник департамента полиции, сразу же определил меня в третье отделение по политическому сыску.

— Короче, господин Иванов,—нетерпеливо прервал его председатель.—Мы все это уже слышали.

— Слушаюсь,—смирненно сказал Иванов и даже руки сложил на груди.—Так я служил там верой и правдой до самой этой проклятой большевистской революции. Я убежал из Москвы на родину. Но так как жить было нечем и в такое время сидеть в бездействии, когда, можно сказать, Русь-матушка гибла, я не могу,—поэтому я устроился на службу в эту самую проклятую ЧК, сначала переписчиком. Ну, конечно, меня, как беспартийного, не допускали к ихним делам. Тогда я решил войти в ихнюю партию, чтобы по-больше вредить им, ваше высокопревосходительство.

— Короче! Иванов, короче!

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство. Назначили меня в информационный отдел, где всякие сводки и отчеты писались. Вошел в доверие к этому самому разбойнику,—Иванов указал на Борина,—стал им устраивать сюрпризы. Десять раз на него заговоры устраивал. Доносил, где он будет, нашим людям. Какой дорогой будет ехать... но все было неудачно. Только вот, наконец, попался, голубчик, не уйдешь теперь.

— Иванов! С подсудимым не переговаривайтесь.

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство. Вот я все дела этих душителей и грабителей брал на заметочку, знал, что им не сдобровать. Разрешите, зачту. Они у меня здесь все занумерованы в порядочке, и даже число, месяц и год проставлены.

Иванов достал из бокового кармана большой, вчетверо сложенный и весь исписанный лист бумаги.—Разрешите зачитать, ваше высокопревосходительство.

— Читайте.

«Как я мог не разобраться в этом человеке?—думал Борин.—Ведь такой был артист, подлец». Борин помнил, как Иванов не раз на партийных собраниях выступал с божбой и клятвами, что он предан революции.

Иванов начал читать.

«Номер первый—дал ордер на реквизицию имущества у вдовы полковника Блохина, достопочтенной женщины. Реквизировали на 30.501 рубль золотом. Номер второй—расстрелял сына поручика Вихреева, приехавшего из Сибири с манифестом от Е. В. П. главнокомандующего Колчака. Номер третий—арестовал и расстрелял священника села Бровки, его преподобия Полищука, подымавшего свою христолубивую паству на крамольников, насильников—большевиков. Номер четвертый—расстрелял три уважаемых лица города: бывшего первого купца Горборина—за сбережение оружия, Никанора Никаноровича Петрова—за торговлю своим добром, и Лукина Савелия Герасимовича—за то же. Номер пятый—расстрелял учителя гимназии Друхина, Никиту Герасимовича, за преподавание ученикам христолубивой ненависти к большевикам и за распространение воззваний о свержении их. Теперь номера—шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый—расстрелы за покушения на

этих насильников. И все расстрелянные—праведники, и все—заслуженные лица города и губернии. Потом номера—четырнадцатый, пятнадцатый, шестнадцатый, семнадцатый, восемнадцатый и до двадцать третьего—расстрелы за укрывание своего добра и за потайную торговлю вином. От двадцать четвертого и до сорокового—карательные расстрелы на местах священников, офицеров, крестьян за восстание против ига насильников, за укрывательство своего добра и за варку вина. Вот, ваше высокопревосходительство, этот полный список православных христиан, казненных этими каторжниками и злодеями. А вот другой список—557 человек, безвинно арестованных, добродетельных людей.

— Все?—спросил председатель, постучав пальцами по столу.

— Все, ваше превосходительство.

— Давайте сюда ваши бумаги.

Иванов угодливо подал председателю два листа бумаги.

— Подсудимый Борин! Признаете ли вы себя виновным в возводимых на вас обвинениях?

— Признаю. Только это с вашей точки зрения преступления, а с нашей точки зрения—моя заслуга. К тому же этот список неполный. Еще много можно было бы внести туда!

— Как неполный? —закричал Иванов, вскочив со стула.—Чего врешь?

— А ты, голубчик, забыл занести в него тех, кого ЧК расстреляла из своей среды?

— А-а-а. Это,—усмехнулся Иванов,—это меня не касается. Милые дерутся, только тешатся.

Генерал чуть-чуть улыбнулся. Пошептался о чем-то с соседями. Потом сказал:

— Можете идти, господин Иванов. Завтра утром зайдите ко мне в это время.

Иванов низко раскланялся и вышел.

Члены суда опять зашептались.

— Вы нам должны будете еще ответить на несколько вопросов, подсудимый. Скажите, когда вы вступили в эту разбойничью партию, и какую она вам дает выгоду?

— Вступил я в разбойничью партию большевиков в девятисотых годах. Больше пятнадцати лет тому назад. Выгоды же она мне дала вот какие: первое—это право бороться за раскрепощение рабочего класса, бороться с вами. Второе—сидеть по тюрьмам и умереть за это дело от вашей руки.

— Много ли вы заработали за эти пятнадцать лет, спрашиваю я?

— Нет, немного. Шесть лет каторги при царе и вот теперь—смерть.

— Не говорите таких громких фраз, ведь мы все равно не поверим. Говорите правду, сколько было награблено вами.

— Много. Очень много. По крайней мере, на сотни миллионов рублей золотом, не считая лесов, лугов, земель, двorcов, фабрик, заводов и многого другого.

— Где же вы храните награбленное?

— Я грабил вас не для себя, а для народа, у которого вы награбили все то, что я отнял у вас.

— Это возмутительно,—фыркнул председатель.

— Позвольте мне, ваше превосходительство, задать ему вопрос,—попросил член суда с моноклем.—Правда ли, что вы пытали и издевались над арестованными в подвалах ЧК?

— Низкая, подлая ложь!

— Еще вопрос. Каким образом вы попали к нам на бал?

— Случайно: проходил мимо и был приглашен вашим распорядителем.

— Изволите шутить.

— Нет, серьезно.

— Хорошо, есть ли в городе ваша подпольная организация?

— Не знаю.

— Не раскаиваетесь ли вы в тяжелых кровавых преступлениях?

— Нет, и даже напротив. Виню себя за то, что зачастую бывал мягок к своим врагам.

— Список говорит за другое. Не можете ли вы нам раскрыть ваших соучастников?

— Извольте, если вы так недогадливы. Мои соучастники—это весь рабочий класс страны и всего мира.

Взбешенный председатель поднялся во весь рост.

— Ваша наглость граничит с безумием,—с пеной у рта закричал он.—Мы вас прикажем пытать!

— Не страшно. Я от вас лучшего не ожидаю.

— Бандиты! Разбойники! Грабители! Разорили всех!—громко кричал председатель.—Что вы сделали с усадьбами, фермами, лесами? Вы разорили все! Вы толкаете страну в пропасть, вводите анархию. Вы разрушили хозяйство страны!

Наконец, поднялся до сих пор молчавший сосед председателя слева. Человек с лошадиным лицом. Он сказал:

— Вы разрушили семью, вы пачкаете все святое в человеке.

— Вы давно ее сами разрушили.

— Вы безнравственны,—поддержал его председатель.

— Ложь! У вас нет доказательств. Зато вы нравственны. Это можно доказать. Это вашу голову, председатель, я видел в темной гостиной на балу. Она покоилась между двумя толстыми женскими ногами в пьяном сне

Председатель закричал иступленным голосом, как мельница, махая руками:

— Нет, он невыносим! Выведите его, мы будем совещаться.

Борина вытолкали за дверь. И только тут он почувствовал слабость. Он покачнулся, чуть не упал. Долгое время стоял с закрытыми глазами, пошатываясь. «Эх, скорей бы покой!..»

Хотелось лечь на кафельный пол и больше не вставать. Прошло несколько минут. Опять вошел хмурый секретарь и вызвал его в кабинет суда.

— Нечего тут церемониться,—сказал председатель, когда Борин вошел.—Читайте приговор.

Секретарь погладил свои волосы ежиком и прочитал:

— «Приговор военно-полевого суда при Н-ской дивизии имени его превосходительства, генерала Деникина. Номер. Число.

Заслушав дело по обвинению рабочего Петра Борина в насилиях, грабежах, убийствах, чинимых им, Петром Бориным, на протяжении последних лет, постановили: применить к Борину высшую меру наказания—смертную казнь через повешение, предварительно дав ему сто шомпольных ударов. По исполнении донести».

— А до этого сведите его в контр-разведку вот с этой запиской,—негромко сказал генерал начальнику конвоя:

Борин напряженным слухом уловил это и понял: «будут пытать...»

Борина вывели за дверь...

* * *

Когда он вышел на улицу, то у него закружилась голова и потемнело в глазах. Кто-то сильно толкнул его в плечо.

— Иди, иди, что ли,—крикнул грубый голос.

Борин оглянулся. За его спиной шел усатый конвойный офицер с револьвером в руке.

— Ну, нечего оглядываться, ничего не потерял,—грубо крикнул он.

Десять казаков шли вокруг Борина. В такт шагам качались обнаженные наголо сабли. Сверкала сталь. Уродливые длинные фиолетовые тени ползли по золотистой, песчаной дороге впереди казаков.

«Такой хороший солнечный день,—подумал Борин,—так хочется жить. Что-то теперь там, в Ивановской топи?» Щемило сердце.

«Потребуют сведений. Пожалуй, убьют, пытая. Непременно убьют. А труп повесят. Чтобы только приговор привести в исполнение?»

— Куда вы меня ведете?—спросил Борин, не оборачиваясь.

— Молчи, там увидишь.

* * *

Вдруг, что это... со всех сторон конвой окружили коляски, наполненные вооруженными людьми. Лица у этих людей до самых глаз были закутаны белыми платками. У каждого в высоко поднятой руке сверкали большие бомбы.

— Ни с места!—закричал грубый голос с пролетки,—иначе вы вместе с нами взлетите на воздух!

— Мы требуем—прокричал знакомый Борину голос,—чтобы вы выдали нам этого проклятого большевика!

— Смерть большевикам!—заревело сразу несколько голосов.—Смерть!

Неизвестные люди в масках прыгают с извозчиков с поднятыми бомбами в руках.

— Храбрые казаки, ни с места!—кричат они.

Двое из них подходят к Борину, берут его под руку и ведут сквозь строй казаков. Один из них идет позади его.

— Стойте!—закричал и рванулся вслед за ними офицер.

— Дайте, я его пристрелю здесь! Дайте, я не могу допустить!

Но кто-то в повязке сбил его с ног, вырвал из рук револьвер.

— Держите их!—закричал офицер с пеной у рта.—Это большевики!

Но казаки стояли неподвижно, замерев от испуга.

Борина посадили в пролетку. Всунули ему в руку два свертка и револьвер с патронами. Кто-то пожал ему руку, кто-то сел рядом с ним. Вот в воздухе взвился кнут. С силою рванулись кони, и пролетка понеслась во весь дух.

На пути сосед сбросил повязку. Перед Бориным сидел Амо. Борин засмеялся.

— Молодец, Амо. Я так и чувствовал, что без тебя в городе не обойтись.

— Будет погоня!—кричит Амо сквозь стук лошадиных копыт.—Вот здесь, в узле наша старая одежда. Давайте переодеваться.

К ужасу проходящих обывателей, двое пассажиров в пролетке стали раздеваться вплоть до кальсон, попутно надевая заплатанную, оборванную, крестьянскую одежду.

— Погоняй, погоняй,—торопил извозчика Амо.

Извозчик оборачивается к Борину.

— Железкин!—радостно кричит Борин,—и ты тут!

Железкин утвердительно кивает головой. Он хлещет лошадей, не жалея сил. Лошади несутся. Вот уже окраина города. Кирпичный завод, бойня. Последний домик, утопающий в зелени. У дороги стоят две оседланных лошади.

Возле них суетятся три человека. Они передают лошадей Борину и Амо. Сами садятся на извозчика, открывают закрытый белой повязкой номер и галопом едут в город. Борин и Амо садятся на лошадей и скачут по пыльному тракту.

* * *

Проехали вскачь около десяти верст. У лошадей взмылились спины. Вздыхались бока. Поехали шагом.

— А все-таки нам лучше будет свернуть с тракта, поехать верстах в пяти в стороне. Может случиться, что они узнают, по какой дороге мы удираем. Пошлют в догоню броне-автомобиль, а от него нам будет трудно убежать.

— Согласен,—подтвердил Борин.

Они свернули с тракта и поехали наискось коричневыми ржаными полями. Где-то в отдалении стали слышаться глухие раскаты грома; иногда казалось, что где-то далеко сверху падала по частям огромная масса земли.

— На небе ни облачка... Как жарит солнце. А тут раскаты грома,—недоумевал Амо.

— Да, странно.

Колосистая рожь шумит под ногами лошадей. В желто-коричневой волнующейся массе колосьев пестреют розовые и белые васильки. Душисто пахнет чобор. Пропитан воздух ароматом полевых трав.

На горизонте колышутся яркие, светло-голубые струи воздуха. В воздухе возле лошадей вьются золотисто-зеленые овода. Порхают разноцветные бабочки. Какой-то огромный темно-коричневый жук с силой ударился в щеку Амо и, точно в обмороке, упал на землю.

— Фу ты, напугал,—улыбался Амо, потирая ушибленную щеку.—Думал—уж не пуля ли, а это жук.

Борин смеется.

Ехали так около двух часов. Далеко в стороне ниточкой тянулась трактовая дорога с маленькими палочками телеграфных и телефонных столбов.

* * *

Борин неожиданно заявил:

— Да ведь я хочу есть... и потом устал страшно, болит спина. Я плохой наездник. Давайте, сделаем привал.

— Давайте. Хорошо, подъедем вот к тому одинокому дубку, не там, а вот, направо. И там отдохнем.

Они подъехали к большому тенистому дубу. У подножия его, в теневой стороне, расположились на мшистой, густой траве. Амо достал из мешков хлеб, яйца, сыр и бутылку красного вина.

— Это вам, товарищ Борин, будет очень хорошо.

— Но я не пью.

— Глоток выпейте, это вам поможет подбодриться и уничтожить усталость. Немного вина полезно пить.

— Бросьте, Амо. Вы, как человек кавказский, вино любите, ну и пейте его. Чего там, не фарисействуйте.

— Ну, и вы выпейте глоток.

— Попробую, дайте. Нет, не могу, такая кислятина.

— Эх, вы,—сострадательно покачал головой Амо:— «кислятина!» В этом отношении просто вы ни черта не понимаете.

— И понимать не хочу. Пейте сами. Да давайте есть.

Амо посмотрел на него, многозначительно подмигнул бровью и осушил бутылку вина одним духом.

— Это по-кавказский,—сказал он, еле переводя дыхание.—Ей-богу соскучишься. Однако же вы мне этого проступка в партбилет не заносите.

— Ха-ха-ха!—засмеялся веселым смехом Борин,—непременно занесу.

Закусив, они легли отдохнуть.

Вдруг, где-то уж поблизости, раздались такие сильные раскаты грома, что они сразу привскочили.

— Да ведь это орудийная канонада,—сказал Амо.

Как бы в подтверждение его слов, грянули десятки орудийных залпов.

— И вы знаете, очень недалеко,—добавил Амо.—Что бы это значило? Уж не наши ли партизаны воюют?

— Ну, где тут—ведь там бьют залпами целые десятки орудий.

— Может быть, подавляют восстание?

— Нет, не может быть,—прервал его Борин.—Во-первых, орудия бьют уже целый день. То, что мы утром приняли за гром, тоже были орудийные выстрелы. И, во-вторых, бьет целый десяток орудий. Таким образом можно целую местность сравнять с землей, а не то что усмирить восстание. Я думаю, что это настоящий бой.

— Ей-богу, так,—подхватил Амо.—Ай-вай, вот хорошо!

Амо, стуча ладошами над головой, изгибаясь, прошел вокруг дубка в лезгинке.

— Э-э, да на вас, товарищ Амо, винцо подействовало.

— Ничего подобного. Это я просто радуюсь.

— Смотрите-ка, смотрите!—неожиданно закричал он,—по полю движутся люди. Нам нужно бежать.

— Лежите, пожалуйста не шевелитесь. На-те револьвер. Где люди?

Амо показал рукой.

В самом деле, напрямик, по полю, по направлению к тракту двигались группы по 5—6 человек и одиночные фигуры. Некоторые из них шли близко и были хорошо видны. На плечах у них были погоны. За плечами—вещевые мешки. В руках у всех были винтовки. Шли они беспорядочно, длинной лентой. Возле некоторых групп катились пулеметы. Прямо, через посеы, ехали, нагруженные солдатами, крестьянские телеги. Ни звуков, ни песен не было слышно. Шла молчаливая масса смотрящих под ноги солдат.

— Отступают,—сказал Борин.—Это паническое отступление. И заметь, Амо! Между ними нет ни одного офицера. Там еще идет жаркий бой, а эти резервы уже бегут. Их бояться нам нечего. Однако, нам нужно скорее ехать. Иначе, как бы нам не попасть между двух огней.

Они быстро взнуздали лошадей и поехали в дальнейший путь, поминутно оглядываясь. Но отступавшие не обращали на них никакого внимания и шли своей дорогой, смотря себе под ноги.

* * *

Так они ехали еще несколько часов. По временам дремали на седлах и чуть не валились под копыта спотыкающихся от усталости лошадей. Они уже сделали полдороги до Ивановской топи, как вдруг их окрикнули караульные партизанского поста. Красноармейцы узнали Амо и Борина и наперерыв старались оказать им услуги. Возле поста они легли и заснули, как убитые. А вечером они уже подходили к стоянке партизанов, радуясь предстоящему свиданию с близкими друзьями.

Вот и палатки, разбросанные на поляне, сотни людей дым костров и шум.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В штабе отряда происходило собрание. Только что было получено из местечка сообщение, что к Ивановской топи выслан карательный отряд в составе одного пехотного полка и офицерской роты при двадцати пулеметах. Говорил командир. Он был в прежнем костюме; тот же громадный маузер висел у него на боку, так же был распахнут навзничь ворот его грязной рубахи. Только рыжая борода стала длиннее.

— Превосходство и числом людей и оружием на их стороне. Но зато на нашей стороне все условия обороны. Мы им на пути сюда понаделали неприятностей. И здесь создадим оборонительные пункты. Но, несмотря на это, нам нечего закрывать глаза на ту опасность, которую несут с собой карательные части. Не стоило бы нам уж очень сильно, как это мы делали, дебоширить в тылу противника. Но как бы там ни было, нам нужно изыскать наивернейшее средство обороны. Я предлагаю, несмотря на те трудности, с которыми это связано, перетащить сюда наши орудия.

— Как это сделать?—задал с места вопрос Фролов.

— Как это сделать? Я думаю, что можно снарядить побольше партизанов с топорами и в наиболее непроходимых местах леса прорубить дорогу. Вы смеетесь? Напрасно. Надо попробовать. Положение серьезное. Это предприятие займет не более трех суток; всего каких-нибудь 30 верст отделяют нашу стоянку от орудий. К тому же, верст на 20 лес редкий—можно свободно протащить орудия. А там чередующиеся. Для этой работы можно выделить 100, 200, наконец, 300 человек. Орудия нам нужны во что бы то ни стало. Они нам дадут полный перевес над противником.— Командир кончил речь и сел.

Критиковали его предложение Фролов и Михеев. Говорили, что план командира неосуществим. Фантастично мечтать в три дня вырубить хотя бы 10 верст лесу. Защищали Арон и затем Борин.

— Нужно попробовать,—говорили они,—если даже есть один шанс на успех.

Голосовали предложение поднятием рук. Большинством утвердили предложение командира. Чтобы не терять времени, решено было отправить отряд тотчас же. От себя штаб выделил на это предприятие Михеева и командира роты Большова.

В полдень отряд в двести человек партизанов, во главе с проводниками, вышел в путь. Около половины партизанов было вооружено топорами, вилами и винтовками.

* * *

Вечером отряд подходил к тому месту лесной дороги, где была оставлена батарея. Но ее там не было видно. Немного дальше к лесу, по ту сторону дороги разведчики-партизаны натолкнулись на сторожевой пост. Произошла минутная остановка отряда. Михеев и Большов пошли на шум и увидели двух своих разведчиков, задержанных красноармейцами батареи. Большова сразу узнали, обрадовались.

— Болтали, что наших всех перебили. А вот ты цел,—говорили они.

— Все наши целы,—бодро отвечал Большов.—За вами пришли. А где батарея?

— Вон там,—указали вглубь леса постовые:—митингуют.

Большов и Михеев пошли по указанному направлению в чащу леса. Туда шла небольшая извилистая тропинка. Прошли еще мимо двух постов. Постовые вначале задерживали их, но потом опознавали Большова и пропускали дальше. Наконец, перед ними открылась небольшая

поляна; на ней человек тридцать красноармейцев о чем-то громко кричали. В центре их стояла фигура, энергично махавшая обеими руками. Они подошли, никем не замеченные, ближе. Стало слышно, о чем кричала толпа.

— Бросай, ребята!

— Довольно, чего там смотреть на него!

— С голоду подышаем,—вошь заела.

— Не за то боремся!

— То же, что старый режим!

— Вот вам—довоевались!

— Эх, знал бы,—пошел бы служить! Как раз!

— Довольно... знаем... слышали.

— Намучились!

Крики затихли. Один голос стал покрывать все.

— Товарищи. Да я не ваш разве? Я сам из народа, понимаете, вместе с вами голодаю. Вместе вошь ест. На то мы и солдаты революции, чтобы уметь переносить безропотно эти лишения.

Опять его голос прервали десятки выкриков:

— Довольно!

— Переносили, да уже кости наружу лезут!

— Ты сам переноси, а нас не заставляй!

— Попили кровушки!

— Довольно! Слышали!

— Так ее, вашу революцию...

Шум снова замолк, и звонкий голос снова стал покрывать все:

— Ну что вы хотите, товарищи? Вы мне покажите, чем плоха советская власть. Да разве я не с вами? Да я первый пойду с вами громить ту советскую власть, которая против народа. Ну, кто расскажет мне плохое про советскую власть? Выходи, говори смело!

Несколько секунд все молчали. Потом опять раздались одиночные выкрики:

— Слышали это!

— Ты нам очки не втирай, понимаем сами, чай!

— Не за то боремся, чтобы голодать!

Большов шепнул Михееву:

— Это еще партизанский дух в армии не выветрился. Как чуть недостаток, лишения, упадок бодрости—и он выявляется. Это еще ничего. А раньше так бы и разнесли все. И командиру нагорело бы, избили бы. Ох, уж этот мне партизанский дух!.. Не могу... пойду с ними поговорю.

Большов быстро протиснулся сквозь толпу и стал по середине.

— Здравствуйте, товарищи!—громко сказал он.—Это что же вы здесь бунтуете, что ли?

Появление его произвело необыкновенный эффект. Шум совершенно утих. Красноармейцы сконфуженно опустили головы.

— Да голодно, обуться не во что, обносились!

— Вошь заела!—стали раздаваться одиночные восклицания.

— Вошь заела, ха-ха. Какой барин! А ты на войне думаешь как? Думаешь, как в 1917 г., от железной дороги на версту не отходить в сторону! Вагонами вас возить? Пешком воевать не хотите? Печеньями кормить? Да еще баб что ли приводить—такие вы вояки?

Толпа молчала.

— Стыдно, товарищи, совестно. Недостойно красноармейца. Своего командира не слушаетесь.

— Как не слушались,—заявил один голос.—Очень даже слушались. Только у нас теперь митинг. Разве мы не понимаем!

— Ну, а если митинг, нечего запутываться здесь. Нечего реветь белугами. Нельзя всем сразу галдеть. Не стадо гусей.

— Откуда, Большой?—спросил его военный, стоявший с ним в центре толпы. Он обернулся к Михееву, и Михеев узнал в нем помощника командира батальона Вохра, которого он видел как-то в городе. Он был бледен и взволнован. Девичье лицо его побледнело.

— А я из отряда. От командира с приказанием—выступить вам для слияния с батальоном немедленно.

— А как же орудия?

— А вот будем тащить лесом. Там у дороги двести человек партизанов с топорами и пилами.

Радость разлилась на лицах красноармейцев.

— Отдавай приказ, тов. Старкин. Пусть подготовятся к дороге. До захода солнца мы еще сумеем часа три выгадать времени. Надо спешить.

Старкин отдал распоряжение прикрепить канаты к орудиям и снарядным ящикам, а также раздать все продовольствие на руки. Потом он подошел с Большовым к Михееву.

— Хорошо что выручили,—улыбаясь, сказал он.—А то мои ребята не на шутку бунтовать решили. Все-таки я обвиняю в этом командира батальона. Почему до сих пор не установили с нами связи? Тут на-днях мы задержали одного крестьянина, так он нам рассказал, что вас всех до одного изрубили казаки еще неделю назад. Ну, это и подействовало на ребят

* * *

Под говор, крик и смех стали тащить по лесу орудия. Люди держались за канаты и волокли прыгающие и звенящие по корням зеленые пушки и зарядные ящики.

По лесу раздавались крики: «Эй, правей! Левей, левей! Так, прямо!»

Возле каждого орудия и зарядного ящика суеилось по 30—40 человек. Красноармейцы распоряжались партизанами. Те им безропотно подчинялись. Впереди орудий, шагах в пятидесяти, шла цепь партизан, выискивающая удобопроходимые места для орудий. А еще впереди их шли проводник, Большов, Старкин и Михеев. Шествие двигалось причудливыми изломами. Иногда приходилось делать большие крюки от одного края разведчиков к другому.

— Тута пройдет!—кричал разведчик-партизан, и если ближайший разведчик молчал, то орудия тянули к подавшему сигнал.

Тащили посменно, до наступления темноты. Лес был редкий, и отряд сделал около восьми верст без особых затруднений, и только всего один раз вышла заминка. Разведчик подал сигнал, что путь свободен, а не заметил впереди болотца. Чуть было в болотце орудие не вкатили. Еле удержали с горки. Пришлось орудия тянуть обратно и искать обходного пути. Когда стемнело, устроились на ночлег прямо между деревьями. Выставили караулы. Впроголодь закусили и, не зажигая огня, легли спать. Среди синей мерцающей тьмы то вспыхивали, то гасли в разных местах поляны огоньки цыгарок.

* * *

В потемках, где-то неподалеку, стали громко говорить два голоса. Один хриплый, басистый, а другой звонкий, задорный.

— Чего там? Нешто мы не понимаем?—хрипел бас.— Чего уж тут говорить, эх-х.

— Понимаешь, а говоришь непутевое,—звенел молодой голос.

— Да ты пойми, малец, земляца-то, что милая жена,—так и тянет. Особливо теперь. Хлеба скоро преть начнут на корню. А ты думаешь, мне не жалко? Вот и ропщешь. О господи!

— Ну, чем тут советская власть, скажи к примеру, виновата?

— Покою нет. Вот ты это и пойми, малец. А разве так можно, чтобы хлеб прел? Власть должна быть крепкая... Чтобы порядок был—вот что я говорю. А ты понимай.

— Дак, а ежели генерал прет сюды, дак что ты, к примеру сказать, делать будешь, а?

— Помиришься надоть... И покойнее будет.

— Эх, дурак ты, дурак, дядя,—вот что! Дак тогда же земляцу, что у тебя, отберут... и шомполов всыпят.

— А может, и не всыпят... Сказывали, что он не берет земли.

— Сказывали... А ты раззяв рот. А чего в отряд ушел-то?

— Да скотину забрали... Да бог с ней, со скотиной-то. Вот, скажем, к примеру, урожай гниет. А ты говоришь—советская власть.

— Замолчите, сороки!—неожиданно заревел третий голос.—Ишь, раскаркались. Спать надо, а не авкать по-собачьи.

— Ладно, без тебя знаем,—огрызнулся молодой голос. Но разговор все-таки прекратился.

* * *

Ранним утром отряд тронулся в дальнейший путь. Чем глубже отряд уходил в лес, тем труднее становилась до-

рога. Местами мешали пески, приходилось под колеса вставлять бревна. Стали по пути попадаться трудно проходимые овраги, низкие сырые места, заросли молодняка и кустарников. Много раз до полудня брались партизаны за топоры и вилы. И всего к полдню прошли около пяти верст. Михеев и Большов нервничали. Послали разведчиков, чтобы они лучше заранее прощупали дорогу. Через час разведчики вернулись и сообщили, что дорога такая же, какую они прошли утром.

— К вечеру пройдем не больше пяти-шести верст,—сделал печальный вывод Большов.—Этак мы, пожалуй, к завтрашнему вечеру не доберемся к стоянке.

Через несколько минут отряд снова двинулся в мучительно-трудный путь. И со вчерашнего вечера и до ночи он сделал всего немногим больше полпути.

А следующий день путь был еще труднее. Приходилось чуть ли не на каждом шагу делать прорубки, подкатывать бревна. К вечеру все партизаны страшно устали и еле держались на ногах. Всего, по словам проводника, отряд сделал около семи верст.

— Восемь да шесть да семь—двадцать одна верста,—подсчитал Большов.—Этак мы и завтра не успеем. А ведь уже будет четвертый день в отлучке. Боюсь, как бы уже там не началась стрельба без нас.

— И похоже на это,—говорил Михеев:—мы находимся на расстоянии десяти-восьми верст от стоянки, а между тем ни человека до сих пор не встретили на пути. Похоже, что отряд свернулся в кулак.

— Я сейчас пошлю связных в штаб.

— А доберутся ли без проводников? Кругом болота, трясины.

— Нужно попробовать.

Отрядили десять хорошо вооруженных партизанов в разведку. Во главе их поставили красноармейца, хорошо знавшего дорогу. Но связные ни ночью, ни утром не вернулись назад.

* * *

К полудню, когда орудия уже были в трех верстах от Ивановской топи, между деревьями стали доноситься отдельные винтовочные выстрелы. Когда отряд снова тронул батарею, из штаба прискакал на взмыленной лошади связной с приказанием спешить как можно скорее. Не отдохнувши как следует, отряд спешно пошел в путь. Но теперь уже по всем сторонам его шли цепи стрелков. Двигались страшно медленно. Местами приходилось строить большие мосты из бревен—до того была ненадежна зыбкая почва. А где-то неподалеку все разгоралась стрельба. К частым переливам винтовок стала примешиваться трескотня пулеметов. Все партизаны были напряжены и вели работу почти молча. Неподалеку, слева слышалась стрельба. То боковая цепь охранения батареи завязала перестрелку с казаками. Но болота были пройдены, и зеленые орудия с зарядными ящиками уже громыхали на песчаном сосновом косогоре перед стоянкой.

Михеев и Большов поднялись на бугор.

— Мы отрезаны от отряда,—закричал Большов.—Вы слышите, над нами свищут пули, и, видите, вот впереди по поляне разбросалась спиной к нам цепь белых?

Большов быстро приказал отряду рассыпаться цепью вокруг орудий. Возле орудий он поставил пулемет.

— Не стреляйте без моего свистка,—приказал он цепи.

У орудий Старкин, Михеев и Большов устроили минутное совещание.

— Нужно пойти в атаку с тыла,—предложил Большов.
— Еще вопрос, сколько их.—Старкин поморщился.—
Мы не можем рисковать орудиями.

— Товарищи!—предложил Михеев,—нужно пустить в дело орудия. Они нагонят на них панику. Наши же ободрятся. А потом можно будет предпринять атаку. Давайте спешить!

— Я думаю, что лучше не пускать в ход орудий,—начал Большов, но его прервал Михеев.

— Я приказываю!—сказал он.—Разговаривать некогда! Прошу повиноваться!

Старкин отдал стоявшему около командиру батареи немедленное приказание расставить орудия так, чтобы они поражали всю поляну и вдоль и поперек, и по сигналу бить картечью по неприятелю; Большов же побежал к цепи, созвал в кружок отделенных командиров и командиров взводов, чтобы подготовить атаку.

Все приготовления делались спешно, но без суеты. Михеев стоял в стороне, на виду у всех, хладнокровно засунув руки в карманы брюк. А перестрелка кругом все усиливалась. Уже не было слышно отдельных выстрелов винтовок. Их хлопанье слилось в непрерывный, перекатывающийся из конца поляны в конец звук. «Скоро ли начнут?—нетерпеливо думал Михеев,—возьмется как!» Старкин и Большов суетились у орудий и цепи. Наконец, подбежал Старкин, а за ним Большов.

— Все готово!—сказали они.

— Так нечего медлить, начинайте!.. Вы, товарищ Старкин, командуйте участком.

Командиры быстро побежали на свои места. Михеев присоединился к батарее. Возле батареи пулемет, казавшийся серой крошкой по сравнению с зелеными телами

орудий, выбивал частую дробь. Жерла пушек направились из-под кустов прямо вдоль неприятельской цепи. Артиллеристы стояли на своих местах у орудийных тел и открытых зарядных ящиков.

— Батарея!—громко скомандовал командир батареи, человек геркулесовского сложения, в длинной шинели и с маленькими усиками.—О-о-о-гонь!

У Михеева зазвенело в ушах, и он почти оглох. Орудийный выстрел близкий он слышал впервые. Это был звон гигантской стопудовой паровой машины, ударявшей по гигантской наковальне. Что-то злое рывнуло еще и еще раз.

Перед Михеевым стоял Старкин и с улыбкой показывал на свой открытый рот. Он знаками просил Михеева о том, чтобы тот тоже раскрыл рот. Михеев повиновался, и глухота понемногу стала проходить.

На поляне, где до того лежала цепь офицерских стрелков, стояли клубы пыли. Орудия били картечью почти в упор, и их действие было очень заметно. Редкая цепь противника встала, чтобы переменить положение, но попала под меткий фланговый пулеметный огонь и вынуждена была снова лечь в траву на прежнее место. Тогда Старкин приказал открыть по цепи как можно более частый орудийный огонь. Картечь, заряд за зарядом, взрывала поляну, и цепь офицеров не выдержала. Пошло беспорядочное бегство с поляны. Но мало кому удалось убежать за деревья. Пулемет батареи брал верную пристрелку и бил метко.

За ними вдогонку побежала двумя цепями рота партизанов, во главе с Большовым. Перестрелка на поляне утихла. Но еще слева, невидимая глазом цепь противника обстреливала тоже невидимую цепь прикрытия батареи.

Старкин приказал пустить несколько шрапнельных снарядов в тыл убегающему противнику. Оба орудия дали по шрапнельному выстрелу. Незаметные для глаза шрапнельные снаряды взвились высоко в воздух. На фоне солнечного, голубого неба они высоко разрывались серыми дымчатыми облачками, поливая оттуда дождем большие участки леса.

— Вот такой свинцовый дождь,—сказал Старкин, с улыбкой показывая на дымчатые облачка,—что теперь сыплется с неба, не особенно должен им прийти по вкусу.

— Сильное действие?—спросил Михеев.

— Нет. В лесу нет. Но деморализующее значение шрапнели велико. Ведь у них нет орудий. А это решает дело.

Ружейная стрельба перебросилась далеко в лес и затем заглохла.

Не прошло и часу, как обе половины отряда соединились возле партизанских лагерей. Все были радостны и опьянены первой победой. Перед строем партизанов Борин благодарил Старкина, артиллеристов и посланных за орудиями партизанов за проявленное мужество, упорство и умелость в бою.

Старкин принимал благодарность и кивал головою в сторону Михеева. Но тот совершенно отрицал свое участие в победоносных действиях артиллерийского звзда.

— Товарищи,—говорил Борин,—положение было настолько серьезным, что не прошло бы нескольких часов, как наш отряд вынужден был бы оставить позиции. Товарищи из отряда, посланные за батареей, и батарейцы не только спасли положение, но и разгромили наседающего противника. Ура славным бойцам!

— Ура!—подхватили, главным образом, красноармейские стрелки

Партизаны в массе еще не умели кричать «ура».

* * *

К вечеру выяснились результаты почти суточного боя. В штабе происходило собрание. Докладывал командир.

В отряде тяжело раненых 11 человек. Легко раненых—30. Убитых 26 человек. Из красноармейцев батальона убитых двое, раненых нет. Из нападающих подобрано раненых пятеро. Убитых насчитывается 92 человека. В плен взят один офицер, казаков 6. В числе трофеев оказались: 6 пулеметов, 123 винтовки, 12 подвод с продовольствием, 10 двуколок с патронами, 16 верховых лошадей и 34 обозных повозки. В штабе все радовались удаче.

— А где председатель?—спросил Арон у командира, как только улеглась первая суматоха.

— Председатель? Он тяжело ранен в правую сторону груди во время боя. Наш батальонный фельдшер говорит, что не протянет и дня.

— Бедняга! Надо будет к нему пойти.

Собрание закрыли.

Федоров, Борин, Михеев, командир отряда и Арон пошли навестить умирающего председателя.

* * *

В большой землянке, куда они вошли, стоял коричневый полумрак. Воздух был отравлен острыми запахами лекарств. Больше десяти темных фигур то мучительно медленно, то горячечно быстро ворочались в соломе. Это были тяжело раненые партизаны. Многие из них находились при смерти, не стонали, не ворочались, а только по

временам слабо хрипели. Усатая фигура в военном костюме, с красным крестом на руке, ходила в полумраке между ранеными, то наклоняясь к ним, то просто останавливаясь у изголовья. Рядом с ней ходил санитар с двумя большими посудинами в руках и несколькими полотенцами через плечо.

У входа в землянку все остановились. Командир на носках пошел вглубь и подошел к фельдшеру. Фельдшер быстро показал рукой в угол землянки у входного отверстия и больше не обращал внимания на командира. Командир подошел к выходу.

— Фельдшер говорит, что минуты председателя сочтены.

— Что у него?—спросил Михеев.

— Кровоизлияние внутрь и антонов огонь.

— Где он лежит?

— Вот, в этом углу.

Все они вошли в землянку и остановились.

— Э, да его, братцы, трудно узнать,—протянул Арон.— Ах, председатель, председатель!

Перед ними лежал неподвижно «председатель». Ноги и руки у него широко разбросались по соломе. Босые ноги, иссиня-белые, как у покойника, точно окаменели, руки тоже. Одет он был в одни парусовые штаны, запачканные струйками крови. Его туловище, без рубашки, было плотно забинтовано. Бинт был густо пропитан кровью. Голова, слегка приподнятая сзади, подбородком упиралась в грудь. Лицо серое, землистого цвета. Глаза и щеки глубоко ввалились, и выпирали скулы. Нос еще больше заострился. Полураскрытый рот тяжело глотал воздух, входивший и выходивший из легких с шумом и свистом.

У его изголовья сидела, скрючившись, тетка Марья. Она молчала. Но раскачивала из стороны в сторону свое худое тело и шевелила губами.

Председатель вскоре открыл глаза. Они из маленьких превратились в огромные, глубокие. Он обвел ими столпившихся у его ног штабных товарищей. Сначала долго жевал пересохшими губами и цокал языком. Потом прошептал: «Спасибо... навестили...» Его глаза встретились с глазами Арона. Он поглядел, опустил бровь и опять прошептал: «Преставился... Я... послужил... будя... другие...» Потом опять закрыл глаза и захрипел.

Хрипенье все усиливалось и усиливалось. И вдруг внезапно прекратилось. Тело председателя вздернулось на соломе, вытянулось и замерло.

* * *

Раннее утро было теплое и тихое. Замерли вокруг полян огромные дубы, сосны и березы. Небо залито сияющей краской. Точно по волнистой шерсти, окрашенной в красно-оранжевый и желто-оранжевый цвета, струились прозрачные светло-синие лучи.

Пустынную поляну пересекла быстрая конная фигура. Она остановилась у штабной землянки. Прибывший спрыгнул с лошади и быстро вбежал в землянку, где спали два дежурных красноармейца. Он схватил ближайшего красноармейца за шиворот и потряс.

— Ты, что же, братец, спать!—закричал он.

Красноармеец дико таращил глаза. Наконец, он оправился, вскочил со скамьи и грубо спросил:

— Тебе кого?

— Где спит начальник? Валяй, буди. Дело есть. Скажи, что из армии Федор приехал. Ну, живо, братец!

Красноармеец передал другому поручение, а сам, не сводя глаз с Федора, остался стоять на месте. Федор про себя потешался его петушиным топорным лицом.

— Заснул, братец, не годится. Недостойно красноармейца,—говорил он полушутя молчаливому красноармейцу.—Не годится. Этак к тебе сонному подкрадутся враги, да и зарежут как цыпленка.

Первым прибежал в штаб Арон. Радостно поцеловался с Федором.

— Жив-здоров, молодчага Федор!

— Что ты исхудал, Арон?

— Ничего, немного устал... и все.

Вторым пришел командир, а за ним Фролов, Михеев, Борин и Феня. Жадно впиваясь в каждое слово Федора, они вопросами заставляли его говорить обо всем, что он узнал за время отлучки из города. Федор в общих чертах изложил положение дел в армии, в республике, политическое состояние во всем мире. В заключение Федор попросил ножик. На виду у всех распорол правый шов на своей заплатанной тужурке и вынул оттуда три лоскута полотна, мелко исписанные словами.

— Вот это,—развернул он одну из них,—приказ из штаба армии за всеми подписями и печатями на имя штаба нашего отряда. Ха-ха! В нем говорится о том, что фронт в сорока верстах от местечка и в восемнадцать от нас, что связь с нами уже налажена, и нам в порядке оперативного задания на завтра приказывается итти в бой, занять участок от Михайловского и до местечка к двум часам дня. Связаться по фронту с правым флангом 178-го полка и влево с 8-м кавалерийским полком и ждать приказания—Федор передал лоскуток командиру.

— Снарядов и патронов только у нас мало,—вздрогнул командир.

— А как с орудиями?—спросил тут же Фролов.

— Орудия уже прорубленной дорогой будут выволочены на проселочную, там они сделают десятиверстный крюк и соединятся с нами под местечком. Весь вопрос в патронах и снарядах. Их у нас очень немного, и достать из армии в этот срок не удастся.

— Не горюй, командир,—кивнул в его сторону Федор:—с нами бог.

Все присутствующие засмеялись.

— А что у тебя в руке еще за лоскутки?—спросил Фролов.

— А это воззвание к партизанам и красноармейцам отряда из города. Другой лоскуток содержит в себе нужный для связи шифр, пропуска и отзывы, имена и фамилии командиров смежных частей и еще кое-что.

Федор и эти лоскутки передал командиру.

— Нужно готовиться к выступлению. Пришли-ка ко мне, братец, командиров,—сказал он красноармейцу,—заведующего оружием и завхоза.

— И коммунистов,—добавил Борин.

— Я думаю,—сказал командир, обращаясь к Борину,—что уже к рассвету мы должны быть у местечка?

— Я тоже так думаю.

— Товарищ красноармеец!—сказал командир другому красноармейцу,—ступай-ка в мою землянку, возьми с полки мою сумку с картами, да скорее чтобы вернулся!

* * *

Через часа два весть о походе разнеслась по всему отряду. Тишину и апатичное состояние партизанов и красноармейцев сменили радость и возбуждение. Почти все, кто имел винтовки, прочищали и осматривали их. Прилаживали к ним штыки. А те, которые не имели винтовок, старались раздобыть их у заведующего оружием.

Каждый партизан старался набрать побольше патронов и в карманы штанов и просто в какую-нибудь тряпку. Кое-где на поляне партизаны, бывшие некогда солдатами, объясняли молодежи и неученым старикам, как обращаться с винтовками. Их с напряженным вниманием слушали. Словом, все партизаны и красноармейцы были в боевом состоянии. Местами слышались разговоры.

— Побьем. Как не побить!

— А теперича покосы. В самую пору! А урожай нынче первенный! Сам-десять! Ржица ядреная.

— Бабы-то, поди, умаялись.

— Тебе бы все бабы. Эх, ты, сука! Тута не знаешь, где переночуешь, сожгли избы, а ты—бабы!!

— Ничего. Советская власть подмогнет!

— Эх, горюшко! Господи боже мой! Уж я покажу ефтой офицерине. Ох, уж только доберуся!! Будут знать, как чужих жен насильничать. Ох, уже доберуся!

— А колос большущий, и зерно наливное. Одно в одно!

* * *

После обеда возле самой землянки прямо на песке расположились Федор, Михеев и Арон. Они отдыхали, лениво говорили.

— Завтра в поход.

Михеев шутливо запел: «Это будет последний и решительный бой».

Арон хмуро глядел на небо.

— Скучно ждать до завтра,—сказал он.

— Ты, Арон,—глядя на него, проговорил Федор,— сильно изменился, что с тобою?

— Ничего, ничего, скучно!

Они лежали на песке, возле болотца, на самом солнцепеке.

— От травы идут пряные и сырые запахи,—сказал Михеев,—или это запахи болота?

— Подумай, и ты решишь этот мировой вопрос,—пошутил над ним Федор. Но никто не засмеялся.

— Я вижу, братцы, что вам очень скучно,—сделал вывод Федор. Надо вас развеселить. Хотите, я вам расскажу свое путешествие через фронт в штаб? Очень занятное и даже романтическое.

— Не романтическое, а романическое,—поправил его Михеев.—Но тем не менее, рассказывай. Только в смешных местах не забудь сказать, что нужно смеяться.

— А ты, Арон, будешь слушать?

— Говори... Все равно.

— Ну, слушайте, братцы. Как вы уже знаете, из города я сам вызвался охотником в связные в штаб армии. Очень уж мне хотелось разузнать действительное положение революции. Никто в городе не возражал против моей кандидатуры, и я в ту же ночь отправился в дорогу. Одежда на мне была крестьянская. Документы жителя прифронтовой деревни. Кроме того, у меня за плечами была котомка с черным хлебом, а в хлебе находились браунинг с патронами и документы.

Ночью я прошел верст десять, прямо по лугу, а на следующий день сделал на север около тридцати верст. Временами мне слышались глухие орудийные залпы. По дороге мне попадалось много дезертиров белой армии. Все они шли на юг. Меня поражала их чрезмерная оборванность. Люди были одеты в одни лохмотья. Они были страшно злы и сварливы и не задумывались пускать в ход свои винтовки. Какой-то старик-крестьянин ехал дорогою. Трое оборвышей кричали ему, чтобы он остановился, взял их и ехал бы с ними полем на юг.

Крестьянин еще быстрее погнал лошадей своей дорогой. Тогда оборвыши сняли с плеч винтовки и залпом выстрелили по удаляющейся повозке. Видно было, как старик взмахнул руками и вывалился из нее на дорогу. Я очень боялся, как бы они не подстрелили и меня. Но на меня они не обращали внимания.

В полдень я уже был далеко от тех мест и шел проселками. Орудийная канонада раздавалась уже недалеко, и были ясно слышны орудийные выстрелы. Недалеко от села, которое я проходил мимо, мне попался попутчик—крестьянин с козлиной рыжей бородкой. Он страшно ругал белых, жаловался на их бесчинства, грабежи и насилия:

— На каждой улице села есть повешенные, которых не позволяют хоронить. Родственники красноармейцев подвергаются смерти и казнятся бесчеловечным образом. Крестьяне ждут не дождутся Красной армии.

Однако же я от этого попутчика постарался отделаться. Больно он много и бестолково кричал. Часто прохожие останавливались на дороге и смотрели с изумлением на него. Я свернул в сторону и решил двигаться пролесками далеко от дороги. Вечером, братцы, со мной случился казус. Ох, чего только в жизни человека не случается! Так-с. Шел я лесом,—верстах в пяти всего от фронта. Цель была уже близка, и я внутренне радовался. Был чудный вечер, как теперь помню. Я люблю лес. И вот я шел, сбивая хворостинкой головки с лопуха и даже напевая что-то под нос.

Вдруг совсем близко слышу женские крики:—Помогите, спасите!—Я быстро сбросил котомку, достал и разломил хлеб, вынул браунинг с тремя обоймами и побежал на крики. Недалеко от дороги, сквозь кусты, вижу—четыре

солдатские фигуры склонились к земле. На носках подбегаю еще ближе. Вижу — солдаты не вооружены, и только одна винтовка лежит в стороне. Я подбежал еще ближе и закричал:—Руки вверх!

Мое появление навело на них ужас. Они вскочили и стали с поднятыми руками. Но вдруг один из них бросился к лежащей в стороне винтовке и патронташу. Но я быстро выстрелил в него и попал в ногу. Он упал.

С того места, над которым склонялись четыре эти дезертира, быстро вскочила растрепанная женщина в разорванном костюме сестры милосердия. Она подбежала ко мне. Я говорю ей:—Берите эту винтовку и целйтесь в этих негодяев.—Она повиновалась. Тогда я закричал им:

— Подберите раненого и ступайте прочь, пока я вас всех не перестрелял.—Они молча исполнили мой приказ и быстро исчезли. Мы остались одни.

— Вы куда?—спросил я ее. Она с удивлением посмотрела на мой крестьянский наряд и ответила:

— Сама не знаю.

— Тогда идите вместе по дороге. Где-нибудь в селе вы остановитесь.

— Хорошо,—согласилась она, стыдливо оправляя разорванное почти на четыре части платье. Я не особенный знаток, братцы, женской красоты, но должен сказать, что она была мила. Правда, довольно потрепана. Со мною она обращалась вначале, как робкая, послушная рабыня. А затем, видя, что я ей ничего дурного не делаю, осмелела. Улыбка появилась на ее лице. Она была, как видно, не прочь со мной пофлиртовать.

Когда стемнело, мы подходили к какой-то деревне, полузадернутой туманом от реки. Я тут стал с ней прощаться.

— Мне одной страшно,—сказала она,—куда же вы уходите?—В ее голосе слышались и каприз, и мольба, и страх. Я прямо сказал ей, что должен перейти фронт.

— Почему?—спросила она.

— Долг службы,—ответил я. Она с минуту подумала.

— Я тоже хотела бы перейти фронт,—наконец, сказала, она...—Но это немножко страшно. Я белая сестра. Меня там застрелят красноармейцы и коммунисты.

Я постарался ее разуверить в возможности такой для нее неприятности и задал вопрос:—Почему вас тянет по ту сторону фронта?

— Ах!—воскликнула она.—Мне так надоели эти офицеры, так надоела война... Я хотела бы отдохнуть, ведь я уже ушла из своего полка. Поэтому на меня и напали эти разбойники в лесу. Я заблудилась. Ах, что они со мной хотели сделать!

Мне, откровенно сознаюсь, уже не хотелось разлучаться с нею. Идеино я рассуждал так: «Зачем ей погибать здесь,—перетащу-ка я ее к своим. И сама сохранится и пользу принесет». Я хотел ее хорошенько расспросить о ней самой, но уже было позднее время, и нужно было подумать о еде и ночлеге. Я оставил ее одну в лесу у дороги, а сам зашел в крайнюю избу села расспросить о фронте и купить чего-нибудь поесть. Купить мне удалось хлеба, масла, вареной свинины. О фронте же я узнал не совсем утешительные для себя вести. Оказалось, что весь фронт в этом районе верст на двадцать занимают офицерские части. Нужно было мне за ночь сделать крюк верст в 20—25 и тогда уже рискнуть под утро пробраться через солдатский фронт.

Поблагодарив хозяев, я ушел. Мою спутницу я застал на том же месте, где оставил. Она очень обрадовалась моему появлению и даже схватила меня за руку.

— Ах, вот и вы. Почему так долго?

Мы пошли опушкой, обошли деревню и верстах в трех от нее, уже в поле, у прошлогоднего стога сена остановились и расположились на ночлег, как у себя дома. При лунном свете хорошенько подкрепились. Она была голодна не менее, чем я. Потом я ей устроил ложе в стоге, а сам сел рядом в полудремоте охранять ее сон. Она, правда, угоривала меня лечь рядом, но я отказался. Она быстро заснула. Через некоторое время и я заснул. А под утро, еще до рассвета, проснулся и разбудил ее. Нужно было уже идти. Она лениво потянулась, но потом встала и сказала мне:—Вы ступайте прямо и не оглядывайтесь, я сейчас буду за вами следом.

Итак, скоро она догнала меня, и мы пошли рядом. Тут я стал расспрашивать ее. Она, точно близкому другу, рассказала мне много поразительных вещей. Во-первых, она оказалась княжной, самой настоящей. Теперь фамилии не помню—не то Барятинская, не то Воротынская,—словом, чистокровная аристократка. Была при дворе Николая, имела в Москве богатейший дворец. Революция первая и вторая застали ее за границей—не то в Неаполе, не то в Ницце. Она там жила очень весело и не особенно интересовалась революцией. Но потом, однажды, у нее вышли деньги. Поблизости не было родственников, которые могли бы помочь. А тут, вдобавок, приехал к ним некий барон, который стал агитировать за спасение отчизны от большевиков, кто чем может. После доклада этого барона в русской эмиграции была произведена запись добровольцев в Добровольческую армию. Ну, она и решила поехать. Продала свое имущество и отправилась в деникинскую армию сестрою. Стаж сестры она уже имела еще со времени войны 1914 г. Приехала в армию. Сначала

все было хорошо. Но потом, когда ее послали в полк, стало плохо и скучно. Замучили приставаниями офицеры.

— Такие наглые, такие циничные,—говорила она:—и я решила уйти, где-нибудь встретить знакомого по дороге. Я этих белых теперь ненавижу.

Я внутренне улыбнулся. «То-то ты,—подумал я,—пунцовая».

— А не жаль вам прежней жизни?—спросил я.

— Очень жаль,—простодушно ответила она.—Но что же будешь делать? Ведь у меня были выезды, балы, был будуар. Вы знаете, у меня был малиновый будуар, такая прелесть! Я не могу никак забыть. Потом в моем доме в Москве была мраморная колоннада в саду. Я очень любила эту колоннаду. Там было много статуэток. Особенно мне нравился разящий амур. Это было такое дивное произведение искусства. Вы любите скульптуру? Я очень люблю. Затем у меня было много хороших знакомых. Многие из них мне нравились. Ну, да прошлого не вернуть!

— Почему?

— На стороне красных сила. Белые были уже под Москвою—теперь за 500 верст от нее. Ну, да оставим этот скучный разговор. Вот я не знаю до сих пор, кто вы, мой спаситель.

Я ответил с улыбкой:—Я чекист!

— Чекист?—с состраданием произнесла она,—бедненький! Давайте, бежим за границу. Там у меня есть знакомые, и я вас устрою как-нибудь.

Я так искренне расхохотался над ее предложением, что она смущенно залепетала:

— Что с вами, что с вами?

— Благодарю за покровительство, но отказываюсь. Скоро за границую будет ЧК, и тогда я отправлюсь за границу.

Но как бы там ни было, я решил с нею перейти фронт. Я немного успокоил ее, сказал ей, что там она будет во всяком случае в большей безопасности, и что я ей там окажу всяческую помощь советом и делом. Я тогда говорил искренно.

Перед рассветом, когда начали тухнуть яркие звезды, мы были у реки. Часть ее находилась в наших руках, а часть у белых. Нужно было достать лодку и, пользуясь темнотой и туманом, сплошной стеной висевшими над рекою, подняться по реке несколько верст вверх.

Лодку мы нашли у деревянного моста через речку; она лежала, вместе с десятком других, вверх дном на песке, привязанная канатом к столбу. На мое счастье, я не забыл захватить с собой перочинный ножик, а то нам бы с канатом голыми руками ни за что не справиться. Я посадил мою спутницу резать канат, а сам пошел вблизи поискать чего-нибудь, что бы заменило нам весла, так как весел у лодок не было. После непродолжительных поисков я нашел две широкие доски и один большой шест. Нужно было спешить, и я почти бегом вернулся к лодкам. Вместе с спутницей перетащил лодку к тяжело плескавшейся темной воде, посадил ее на руль, а сам стал орудовать шестом и досками, в зависимости от глубины реки. Уже стало светать, и я очень спешил проехать нужные нам две три версты.

Тихо плескалась вода под ударами шеста. Но кругом в тумане ничего не было видно. По моим расчетам, мы уже давно проехали три версты, но я все еще продолжал толкать шестом лодку. Сквозь туман начали проглядывать близкие к нам берега. Я сказал спутнице, чтобы она правила к левому берегу реки. Я был уже глубоко убежден, что мы цепь белых оставили позади.

Звезды уже к тому времени совсем погасли, и загорелся восток. Когда мы уже подъезжали к берегу, то нас обстреляли. Пули цокали, попадая в воду, и одна даже угодила в нос лодки. Я стал кричать, чтобы не стреляли, что мы свои. Стрельба прекратилась, и чей-то низкий голос с берега прокатился по воде: «Прича-а-аливай!» Все-таки с некоторой дрожью я стал толкать лодку к берегу. «А вдруг,— думал я,—здесь не наши, а белые?» Но страхи мои были напрасными. На берегу нас встретили красноармейцы сторожевого поста. На посту находились два пулемета, и если бы я продолжал грести дальше, то не миновать бы нам смерти. Начальник поста уже отдал приказ пулеметчикам обстрелять лодку. Я сказал начальнику поста, чтобы он нас тотчас же отправил в штаб полка или бригады, в зависимости от того, что ближе. «Срочное донесение»,— сказал я. Он недоверчиво посмотрел на нас, но, не задерживая, направил в штаб дивизии, который находился в двенадцати верстах от поста. Разумеется, нас предварительно обыскивали, и у меня отобрали браунинг. Мы под охраной четырех красноармейцев через полчаса отправились в путь. Красноармейцы в пяти верстах от поста в селе достали две подводы, и дальнейший путь мы ехали на подводах.

В штабе дивизии я поговорил с военкомдивом, который оказался моим старым знакомым. Он угостил нас обедом, расспросил меня про положение в отряде и губернии, затем затребовал автомобиль, и мы, уже без стражи, шоссеной дорогой поехали в штаб армии. Штаб армии помещался в восьмидесяти верстах, в губернском городе Б. Прибыли в штаб армии в первом часу дня. Я попросил шофера подвезти нас к Особому отделу армии.

В комендатуре Особого отдела я застал хорошо знакомого мне чекиста Ершова. Когда мы вошли в помещение,

то он долго смеялся надо мной и над моей спутницей, которую его насмешки приводили в сильнейшее замешательство. Я попросил его устроить ее где-нибудь поблизости со столом и дать ей на одежду. Ершов посмотрел на меня с удивлением, но все-таки отдал распоряжение. Сам же я, не переодевшись и не отдохнувши, пошел с Ершовым к начальнику отдела с докладом. Начальник отдела уже знал о нашем прибытии и ждал меня с нетерпением. Узнав, что я из Н-ской губернии, из партизанского отряда с донесением, он вызвал по телефону к себе начальника политотдела армии, начальника разведывательного управления и командующего армией. До их прихода я рассказал ему подробно наше положение и положение городской организации. Рассказал и о последней забастовке в городе.

— Только не знаю я, что теперь с забастовщиками,— сказал я в заключение.

— Они уже стали на работу, силой заставили,— сообщил мне начальник отдела. Я искренне похвалил отдел за хорошо поставленную информацию. Затем мы немного помолчали. Прервал молчание Ершов. Он поставил вопрос сразу ребром:

— Откуда ты, Федор, раздобыл эту аристократическую особу и на кой черт ты ее сюда привез?

Хотя я был подготовлен к этому вопросу, но все-таки в такой форме он меня озадачил. Я с минуту подумал и затем, посмотрев на друзей, рассказал им все по душам, как и что было. Когда я сказал о своем чувстве к ней, то Ершов так громко рассмеялся мне в лицо, что я даже тогда почувствовал, что сказал какую-то глупость. Я знал Ершова, как человека, хотя и грубого, но откровенного.

— Не ожидал я от тебя такой глупости, Федор,—сквозь смех кричал Ершов,—ну и дурак же ты, братец... Ну,

что у тебя с этой княжною общего? Просто ты должен хорошенько разрядиться—а то вон какой бугай! Ха-ха-ха! Вот уже разоделжил!

Глядя на него, смеялся и начальник отдела. Но он смеялся как-то беззвучно, по-отцовски.

— Нет,—пытался оправдаться я,—по-моему она все-таки выше того, что вы о ней думаете. Потом, она сущий ребенок в вопросах классовой идеологии и политики. Она неспособна к действию.

— Хорошо, хорошо,—отмахнулся от моих слов начальник.—Я ее прошупаю хорошенько и, поверьте мне, я вам точно скажу, чего она стоит... Когда думаете уезжать обратно?

— Завтра же.

Тем временем пришли старшие начальники армии. Они рассмотрели сводки и решили совместно с нашим отрядом и городской организацией выступить на завтрашнее число, так как фронт был уж от города в двадцати верстах. Постановили завязать связь с городом, написать ряд воззваний в городскую организацию и в партизанский отряд. Часть из воззваний решили разбросать с аэропланов, а несколько рукописных экземпляров передать со мною.—Затем собрание закрылось, и я отправился на квартиру к Ершову.

Через час после моего прихода на квартиру Ершова меня вызвал по телефону начальник Особого отдела. Я передам мой разговор с ним дословно.

— Слушаете?

— Да.

— Я только что отпустил Волконскую, толковал с нею около двух часов.

— Да?

— Она на самом деле кое в чем сплошная дурочка, но не настолько глупа, как это вам показалось.

— Гм. Ну?

— Мы с нею нашли общий язык. Она, оказывается, очень любит деньги вообще, из чьих бы они рук ни шли... Я нанял ее на службу в ЧК.

— Как?

— Да, представьте себе. Даже не пришлось принять методов уговора или воздействия. Как только она услышала от меня, что она за какие-то сведения, даваемые нам из кругов нашей восточной эмиграции, будет получать известное количество денег... слушаете?... которых ей хватит на будуар, духи и хотя бы маленький выезд, так—вы не поверите—она стала умолять меня дать ей эту работу.

— Да что вы говорите?

— Да. Я затем пытался ее поугаать перспективой обычного конца всех шпионов. Но она не испугалась. Поверьте, у нее есть большой авантюристский талант. Она нам будет очень полезна. Ведь она там будет вхожа во все высшие сферы.

— Так-с.—Я не знал, что делать с телефонной трубкой. Она у меня горела в руках.

— Я ей выдал вперед деньги и документы. Завтра она вместе с вами и еще одним заграничным сотрудником переходит фронт и едет за границу. Я ей сказал, что каждый ее шаг будет нам хорошо известен, и что в случае чего... Но она меня обнадежила тем, что она человек честный и благородный и будет честно работать, кому служит.

— Гм. Хорошо...—только и нашелся сказать я.

— Вы зайдите к ней, она просила, чтобы вы зашли к ней. Адрес попросите у Ершова. Ну, пока!.. Вы очень

хорошо сделали, что перетащили ее сюда. Перед отъездом зайдите ко мне, ну, хотя бы завтра утром. Пока—до свиданья!

Звонок прозвонил отбой, а я все еще стоял у телефона с «очень выразительной дурью на челе», как сообщил мне потом Ершов.

За чтением газет, журналов и материалов я совершенно забыл о существовании моей княжны. Уже хотел ложиться спать, так как час был поздний—около двенадцати часов ночи, уже я стал раздеваться, как слышу, Ершов зовет меня к телефону. Подхожу. Беру трубку, спрашиваю:

— Кто звонит?

— Противный, противный, противный!—раздался голос княжны.—Как не стыдно, до сих пор не пришел. Это не по-дружески.

— Занят был

— Занят был!.. И слышать ничего подобного не хочу. Слушайте—чтобы вы сейчас же пришли ко мне. Я вас жду уже несколько часов. Противный, противный! Я вас жду.

Я отошел от телефона. Сначала мне не хотелось идти к ней. Я чувствовал себя точно обиженным. Но потом меня все-таки потянуло видеть ее. Я не совсем решительно спросил у Ершова адрес ее квартиры и спешно вышел на улицу. Сердце во мне почему-то замирало. По дороге я выругал себя хорошенько, пытаюсь таким образом успокоиться. Но и ругань не помогла.

Поместили ее в военной гостинице, в отдельном номере. И гостиницу и номер я разыскал скоро, но почему-то несколько минут стоял в нерешительности перед маленькой стеклянной дверцей. На матовом стекле по временам появлялась чья-то тень. Наконец, меня загнал в комнату какой-то военный, подозрительно посмотревший на меня.

В комнате было уютно. В темноте вырисовывались ширмы, кровать, мраморный умывальник и стол с электрической лампой под голубым абажуром.

— Идите сюда, противный,—раздался ее голос из глубины кресел в тени.

Я подошел к ней и сел рядом на стул.

— Ну, говорите, где пропадали?

Я повторил, что был занят.

— Есть хотите?

Я сознался, что хочу.

— Я вам сейчас устрою поесть,—сказала она. Легко подбежала к небольшому столу у кровати и принялась там возиться с баночками и хлебом. Я невольно залюбовался ее фигурой. Распущенные пышные волосы спадали волнистыми локонами до пояса. Одета она была в какое-то легкое, полупрозрачное свободное платье, из-под которого вырисовывалась полная женская фигура. Через несколько минут она смастерила мне вкусный ужин. Тут было много вещей, о которых я не мог и мечтать в нашей обстановке. На столе стояли в коробочках какие-то рыбки, ветчина, сыр и другое. Я недоумевал. Спросил, откуда она все это достала.

— За деньги все можно достать,—отвечала она,—даже в стране большевиков.

На это я ничего не мог возразить и принялся есть. Она села возле меня и все время шутила. Напевала веселые песенки на неизвестном для меня наречии. Шутила надо мною и, наконец, заразила меня своей веселостью.

«Эх,—махнул я рукою,—повеселиться можно». Да и если бы я хотел, братцы, то все равно тогда не сумел бы сохранить серьезность.

Она полушутливо, полусерьезно стала болтать о том, что она будет делать за границей. В тон ей я стал пугать ее тем, что с ней может случиться там.

После ужина мы расселись в креслах и разговорились.

— Что вы думаете относительно вашей будущности?— спросил я у нее.—Вы многим рискуете, взявшись за эту опасную работу.

— О, я о будущем не думаю... это пустое занятие, мой спаситель. А риск—это моя стихия. Я люблю, когда у меня замирает сердце и звенят нервы.

— Но вы бы могли найти себе работу менее опасную, и которая бы идейно вас удовлетворяла.

— Ах, вы так смешны: меня физически, а стало быть, и идейно удовлетворяет полная приключений беззаботная жизнь.

— Я хотел сказать, что между теми, т.-е. нами, кому вы взялись служить, и вами, слишком мало точек соприкосновения.

— Нет, вы невменяемы. Большой ребенок. Ну, какая точка соприкосновения может быть более прочной, чем деньги? А я буду от вас в этом отношении зависеть.

— Но неужели ваши симпатии не на той стороне?

— Какой вы, право, чудак! Все это просто глупые слова. Белые, красные. Я не знаток в политике, но поверьте, что вы мне так же милы, как хотя бы мой хороший петербургский знакомый князь Жорж. Вы такой взрослый и говорите такие пустяки.

— Ну, хорошо,—пробовал я перейти в атаку по последнему пункту, который я считал наиболее чувствительным у каждой женщины.—Ну, хорошо, допустим. Но неужели вас не привлекает перспектива домашнего очага?

— Фи-фи,—брезгливо поморщилась она.—Ну, как вам не стыдно в моем обществе говорить такие вульгарные вещи? Муж, пеленки, писки... фи!—Она изобразила на своем лице неподдельное отвращение.—О чем угодно говорите, только не об этом.

Я замолчал. И в полумраке заметил особенный блеск в ее глазах. Не желая состряпать у нее какую-нибудь глупость, я решил уйти, встал и попрощался.

— Как, вы уходите?—сказала она.—Нет, вы побудьте немного у меня, мне одной скучно.—Она стояла возле меня и говорила, ласкаясь, как кошечка.

Я колебался.

— Не уходите, милый,—сказала она, глядя на меня, слегка запрокинув назад голову.

Я нерешительно сказал, что мне завтра нужно рано встать, но она меня взяла за руки обеими руками и стала тянуть к себе, говоря: «Не уходите, не уходите, милый!»

Ну, я и не выдержал. Один момент, и она лежала в моих объятиях.

— Ах, что вы,—шептала она. А между тем, ее душистые, мягкие руки крепко сжимали мою шею.—Не уйдешь, милый?..

Я утвердительно кивнул головой. Она стремительно прильнула ко мне и уже немного грубым голосом сказала:

— Милый, попируем сегодня ночь, она наша... А завтра,—в опасный путь.—Она вырвалась из моих объятий, подбежала к дверям, быстро закрыла их на ключ и погасила свет.

Через несколько секунд она пришла ко мне совершенно обнаженная. Я бросился к ней.

— Разденьтесь, дурачок,—услышал я ее полуповелительный, полунасмешливый голос.

Вся ночь напролет прошла в пьяном угаре. Она была жадна, цинична, утонченно-развратна. Каждую минуту этой ночи она использовала для наслаждения и все время говорила и говорила, точно в бреду.

Только тогда я понял, в чем ее назначение в жизни.

Проснулся я в первом часу дня. Посмотрел на ту, с которой провел ночь любви. Она спала, пышно разбросавшись на кровати. Я мог смотреть на нее уже без вожделения. И тут я особенно отчетливо понял, какая пропасть лежала между мною и ею. Я тихо оделся и уже одетый разбудил ее.

— Я ухожу,—сказал я.

— Ага,—протянула она.—Вы уже одеты.—На ее лице была разлита полупрезрительная усмешка.

— Вечером увидимся,—сказал я, избегая смотреть на нее.—Вместе будем переходить фронт.

Она повернулась ко мне спиной и протянула: «Хорошо, до свиданья».

От нее я прямо пошел в Особый отдел. Начальник принял меня по-дружески.

— Когда отправляетесь?—спросил он.

— Я думаю часа через два. Могут быть в пути задержки.

— Отлично, тогда я прикажу, чтобы вам через час подали автомобиль. Вот вам немного на дорогу.

Когда я прощался с этим симпатичнейшим человеком, то он, удержав мою руку в своей, все-таки задал вопрос.

— Ну как ваше чувство?—На его лице сияла веселая улыбка. Я откровенно ему сказал, что чувства не было.

— Я так и думал,—качнул головою начальник и дружески, помню, распрощался.

Через час мы были в пути. Полдороги мы сделали на автомобиле и на лошадях и вечером подъехали к реке,

к последнему красноармейскому посту. Но ночь была лунная, и нам пришлось дожидаться утра. Под утро луна скрылась. Небо слегка заволокло тучами, и от реки поднялся густой туман. Нам дали хорошую лодку и весла. Мы, распрощавшись с постовыми, стали спускаться вниз по реке. Верстах в десяти ниже того места, где мы прошлый раз раздобыли лодку, мы остановились и причалили к берегу. Фронт уже был пройден.

Агент завоzilся с лодкой, а мы отошли в рощицу прощаться. Она, как старая любовница, обняла меня,—я не сопротивлялся,—и стала говорить.

— Когда мы увидимся? Ты далеко, мой милый?

— Да, далеко.

— Мне не хотелось бы с тобою расставаться... Нельзя ли сделать так, чтобы вы с этим жучком поменялись ролями. Я очень хочу, чтобы ты поехал со мною.

— Никак нельзя,—отвечал я.

— Ну, почему?.. Ты, если бы хотел, это мог бы сделать.

— Не могу.

— Никак?

— Никак.

Мы молчали. Она все еще обнимала меня и прижималась ко мне. Между тем небо уже залилось багрянцем. Еще одинокая звезда на востоке купалась в сине-сиреневых сумерках. Но уже на багрянце востока засияли яркие отблески солнца. Уже близился восход. Где-то вблизи прокричал человеческий голос. Нам нужно было спешить. Я сказал ей об этом. Тогда она спросила:

— Где я тебя смогу найти?

— Это трудно сказать.

— Я напишу тебе на штаб армии, может быть передадут.

Я сделал неопределенный жест.

— Ну, прощай, милый.—Она хотела поцеловать меня, но я невольно отвернулся. Тогда она, не глядя на меня, пошла к реке, я же направился на юг. Вот, товарищи, какое приключение было у меня за время путешествия в армию. Как оно вам нравится?

* * *

Арон сидел сгорбившись и, казалось, не слышал последних слов Федора. Его лицо потемнело и нахмурилось.

— Что с тобою Арон? Ты, право, серьезно нездоров,—сказал Федор.

— Я—ничего,—как-то беспомощно улыбнулся Арон—мне тяжело.

— Да что с тобою? Ну, говори, дубина.—Оба друга смотрели на Арона с тревогой. Глаза Арона заволоклись слезами.

— Я теперь слаб, как ребенок,—сказал он все с той же беспомощной улыбкой.—Я не сплю уже пятую ночь.

— У фельдшера был?

— Дело не в фельдшере...—Черты лица Арона вдруг исказились. На шее и на лбу вздулись жилы. Он стал говорить отрывисто и громко:

— Ты спрашиваешь, что со мною?... Она меня не любит. А я не могу быть без нее... Не мог-гу...

— Кто она?—спросил Федор.

— Не спрашивай,—оборвал его Михеев.

Арон, точно не слушая их, продолжал:

— Она меня не любит... Она любит другого... О-о-о! Ну, что мне делать? Скажи мне, Миша, ну, что мне делать? Ну, что?

— Успокойся, успокойся.

— Нет... Я должен умереть... или—нет... или убить его. Я не могу.

— Успокойся, Арон. Ну, успокойся.

— Он просто переутомился,—сказал Федор.—И дернул же меня черт рассказать об этом приключении. Я думаю, Арон, что ты завтра в бой не пойдешь.

— Нет,—резко оборвал его Арон.—Я в бой пойду.—Арон уже владел собою. А вы, товарищи, забудьте об этой слабости... В бой же я должен пойти, так как кроме всего остального я военком участка... Ну, полно, полно хмуриться, Михей, ты видишь, я уже улыбаюсь. Не бойся, глупости не сделаю.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Еще небо не рассвело как следует румянцем, а отряд уже тронулся в военный поход. Все, что было лишнего в отряде: дети, жены партизанов, больные, раненные, телеги, ящики, палатки, отбитое у врага продовольствие,—все это было оставлено на поляне в Ивановской топи. Охранять стоянку оставили сорок человек партизанов, наиболее дряхлых и неумелых бойцов.

В мерцающих пустых сине-свинцовых предрассветных сумерках, среди призрачных елей, сосен и берез, продвигался отряд. Он растянулся на несколько верст узкой лентой. И впереди и с боков отряда ехали разведчики-кавалеристы.

За тремя батальонами партизанов шла пулеметная команда, поочередно тащившая на плечах разобранные пулеметы. В хвосте отряда двигалась отборная рота красноармейцев батальона—гордость командира. Командовал ею Большой

Впереди отряда на лошадях гарцовал весь штаб. Между Фроловым и Федором ехала Феня. Как ни уговаривали ее остаться на поляне, она настояла на своем и поехала с отрядом.

Лес безмолвствовал. Местами отряд продвигался очень узкими тропинками по колеблющейся травянистой почве среди густого, влажного седого тумана. Местами колючий хлесткий кустарник тесно обступал со всех сторон змейку людей и вызывал глухое ворчанье и ругань.

* * *

Уже посветлел воздух. Между деревьями заструились рассветные отблески. Часть небо поглубела. На востоке загорелась желто-зеленая полоса. Уже отряд прошел полпути и вышел на большую дорогу к местечку. У дороги устроили привал.

— Что-то замешкались батареи, — тревожно говорил Арон командиру. — Уже давно можно было не только быть здесь, но и у местечка. Еще вчера с полудня мы отправили орудия прорубленным путем сюда. Крюк, правда, большой, но все же со вчерашнего обеда по эту минуту можно было бы покрыть три таких расстояния.

— Ничего, заспались, — подбадривал Арона командир. Он был одет в старый костюм с гимнастеркой, раскрытой у ворота. — Сейчас явятся, думаю я.

Как бы в подтверждение его слов, из-за дальнего поворота леса послышался глухой стук железа. Это катились орудия и зарядные ящики. Скоро артиллеристы соединились с отрядом.

— Ну, мешкать нечего, — заторопился командир. — Нужно спешить в дорогу. — Отряд выстроился и пошел в дальнейший путь.

Небо пылало раскаленными кусками облаков всех цветов радуги. Мягкая дымчатая синева отошла далеко на запад. На ярко-светлом фоне неба, точно железные, резко вырисовывались причудливые очертания дальних деревьев. Отряд уже подходил к цели. Михайловское и местечко находились всего в нескольких верстах. Отряд разбился на две неравные части. Один батальон партизанов при четырех пулеметах, под командою Старкина и Фролова, отошел в сторону. Он должен был идти боем на Михайловское, занять его и укрепиться в нем. На остальные два батальона и роту красноармейцев ложилась трудная задача—с боем завладеть местечком. Фролов и Старкин распрощались с товарищами из штаба и увели батальон в чашу леса.

— Ну, время и нам,—сказал командир.—Я думаю батальон пустить цепью с двух сторон. Рота же будет двигаться в центре фронта, частично прикрывая батарею.

— А пулеметы?

— Пулеметы мы придадим по два каждой роте.

— На сколько нам хватит снарядов и патронов?—спросил озабоченный Арон.

— Смотря каково напряжение боя. Для хорошего боя, ей-богу, и на полчаса нехватит и патронов и снарядов.

— Это плохо,—сделал вывод Арон.

— Но ничего не поделаешь—приказ,—точно оправдываясь, сказал командир.

— Ну, тронем.

Командир отошел с батальоном, и Арон услышал отрывистые звуки его команды: «А-о, э-о, и-ом!»

— Хороший солдат, — прошептал Арон, — но что будет?

Цепи шли участками по несколько десятков человек. По расчету командира отряда, бой должен был начаться, как только отряд выйдет из леса. Командир и Арон разъезжали вдоль движущейся цепи, перебрасывались веселыми шутками, взвинчивали боевое настроение среди бойцов, но это было излишне, так как партизаны были настроены твердо и решительно. Федор, ехавший рядом с Бориным, тоже подметил это настроение партизанов.

— Стосковались по земле, — сказал он Борину. — Будут драться, как львы. Урожай зовет.

* * *

Отряд начал выдвигаться из лесу. Уже последнее дерево осталось позади. Впереди, куда только ни падал взгляд, расстилались поля тучной золотистой ржи. Зашло солнце и хлынуло лучами и на золотые поля и на острия штыков, на сбруи лошадей, на зеленую кожу орудий и зарядных ящиков. Все предметы загорелись яркими красками.

Вдруг впереди, куда солнце бросало свои теплые лучи, захлопали отдаленные выстрелы. Еще дальше у балки глухо затрещали пулеметы.

— Ах, подлецы! — крепко выругался командир. — Где же кавалеристы-разведчики? — Так их, чорт!

Пули стали повизгивать в воздухе над их головами. — Где-нибудь замешкались, — сказал Арон.

— Надо, — не слушая его, продолжал командир, — подойти к неприятелю на более близкое расстояние; потом будет труднее приблизиться. Эй, товарищи, — подозвал он к себе командиров батальонов. Борода у него сияла, точно сделанная из ярко-вычищенного тончайшего золота. — Пе-

ребезжки устраивайте на ближайшее расстояние к противнику, под защитой частого огня батареи и пулеметов. Быстро, товарищи!

Командиры рысью побежали исполнять приказание.

Через несколько секунд, гремя и звеня, прорезали воздух один за другим два пушечных снаряда. Забили отчаянную гремучую дробь десятки пулеметов. Опять рывкнули пушки.

Цепь партизанов подвигалась вперед перебежками. То в одном, то в другом месте ее вскакивало несколько одиночных фигур с винтовками. Стремительно пробегали вперед несколько десятков шагов и падали, как подстреленные, в хлеба.

Часть из них на самом деле не добегала до цепи и падала в хлеба. То были или убитые или раненые бойцы. Скоро уже почти вся цепь выравнилась далеко впереди, где кончались ржаные поля и начинались ярко-зеленые луга. В перебежку с последним бойцом пошел командир, за ним Арон. Они, не останавливаясь, пробежали все расстояние до цепи и там в изнеможении упали на землю. С того места, где лежала цепь отряда, противник был хорошо виден. Точно темные кусочки вспаханной земли на светло-зеленом поле, виднелись лежащие фигуры противника. Партизаны стреляли уже по видимой цели.

Волной перекатывалась трескотня винтовок. Назойливо дробили слух пулеметы.

Командир уполз куда-то в сторону. Арон остался один.

«Кой чорт!—подумал он, слушая весь этот гром боя.—Где уж тут можно приказывать».

Неизвестно почему, он вспомнил о Фене, о своей любви, и ему стало до слез больно за себя и за свою любовь. «Я так любил ее... Я так люблю»...—шептал Арон.

Та-та-та-та!—где-то близко его ржи долбил пулемет. Быстрота стрельбы стала отдаваться в сознании Арона каким-то магнитным зовом.

«Да-да-да-да—в такт пулемету дробила мысль.— Она не любит... она не любит... Да-да-да-да». И вдруг он почувствовал нестерпимую усталость. И мозг и тело,—все сразу потребовало покоя и неподвижности—сна. «Я устал, умереть бы», сказал он себе.

«Нет, нет!—вдруг встрепенулся весь он.—Надо действовать. Стыдно. Позорно!»

Арон встал во весь рост и пошел по цепи, изредка нагибаясь к бойцам. Наконец, горячка боя захватила его.

Арон стрелял, приказывал, помогал перетаскивать пулеметы; кругом сухо хлопали винтовки, рывкали и рыкали громами недалекие орудия. Дым и пыль, как серой вуалью, покрывали и обе цепи лежащих и стрелявших друг в друга людей, и даль, и голубое небо, и солнце.

* * *

Подбежал командир и стал что-то говорить. Он кричал. Лицо его багровело от напряжения. Он казался иступленным. Косил глазами, дергал широким носом и шевелил большими рыжими усами. Бекеша с красной повязкой висела у него на затылке. А ворот грязной летней гимнастерки был расстегнут и обнажал рыжую волосатую грудь.

В промежутке залпы затихли, и Арон, наконец, услышал, что говорил ему командир.

— В атаку надо... Скорее! Разведка донесла. Они по балке уходят в лес. Надо не дать...—Опять загредел воздух от залпов, и голос командира перестал быть слышным.

«Атака, так атака,—безвольно решил Арон.—Нужно. Гут».

Арон знаком показал командиру, что он на атаку согласен, и выхватил наган. В секунду затишья командир закричал, бежа вдоль цепи:—Товарищи, белая сволочь отступает. На штыки их. За мною, братцы! Ур-р-ра! За советскую власть!

— А-а-а-а!—прокатился вопль по цепи. Партизаны повскакали и, стреляя на ходу, побежали вперед кривой, длинной лентой. Арон, без фуражки, с револьвером в руке, бежал рядом с командиром и тоже кричал. За ним, почти рядом, бежали молча Борин, Михеев и Феня. Феня держала в руке браунинг. Ее серое платье было почти совсем разорвано в клочья во время пути по лесу. Оно превратилось в несколько лоскутов. Растрепанные волосы развевались пушистой волной. Глаза горели, искрились. Полураскрытый рот алел.

— Ур-ра!—кричала цепь стрелков. На бегу стала смыкаться и сомкнулась в плотную стену, ошетиленную штыками.

Противник тем временем тоже стекался к оврагу. От врага выбивали частую дробь целые десятки пулеметов. Но пули ложились то ближе, то дальше наступавших, не попадая в цель. Оробелые пулеметчики больше смотрели на грозную лавину партизанов, чем на прицел.

Кто-то возле оврага выбежал вперед, прокричал «ура». Два офицера в погонах выбежали за ним, размахивая саблями и вызывая солдат и казаков из оврага. Пять человек последовало за ними, потом еще и еще. Пулеметы у оврага вдруг замолкли. И масса белых ринулась в контр-атаку.

— Ура-ра!!!—кричала стена партизанов и бежала, выставив вперед штыки.

— Ура!! Ура!!—кричала лавина белых, бежавших с ружьями наперевес. Промежуток между врагами все

уменьшался, и, наконец, закипел кровопролитный штыковой бой.

Вначале враги кололи друг друга штыками, били прикладами. Дробили головы, протыкали животы, груди, шеи. Командир с бешенством ткнул штыком в бок худощавому полковнику. Тот взвыл, схватился обеими руками за штык и упал. Дернул к себе винтовку командир, но она не подавалась. Глубоко засел штык. Пришлось командиру бросить винтовку и выхватить маузер.

Арон схватил молоденького, хрупкого прапорщика и с страшной силой метнул его на три штыка бежавших на него солдат. Прапорщик безмолвно упал, пронзенный штыками, увлекая за собой винтовки.

— Эй, ребята, товарищи! Не жалея гадов,—кричал Арон. Но его никто не слушал и не мог слушать.—Эй, не плошай.—Но он даже сам не слышал за шумом своего голоса.

* * *

Стонало поле битвы. Уже большая часть бойцов была убита с обеих сторон. А бой ожесточался. На скользкой, липкой от крови, неровной от тел убитых и раненых траве разъезжались и спотыкались ноги. Винтовки уже были отброшены в сторону, и рукопашный, смертельный бой сменил штыковой. Звериные крики смешались со стоном и воем раненых.—Гиви-ау-ги-ай-ау! — в тысячу голосов кричала окрестность. В этом бою побеждал тот, кто был физически сильнее. Вот великан-солдат в погонах схватил щуплого красноармейца с большим, красным бантом на груди. Быстро перевернул его головою вниз и с каким-то деревянным выражением лица стал не спеша бить его голову о землю. Череп красноармейца треснул, и оттуда потекла

мозговая каша с кровью. А сзади наскочил Арон, с пеною у рта, с каким-то диким, высоким криком. Вскочил на убийцу сзади и впился пальцами в его горло.

— Ага!—кричал Арон. И все сильнее давил горло.— Ага!!—Удушенный солдат, с высунутым языком, с синим вспухшим лицом, упал рядом со своей жертвой.

Все теснее становилась бойня, и все сильнее резал слух сплошной крик. Он слился в один зудящий воющий звук: Зз-зв-зв-зв-зв...

Арон вдруг вспомнил, что здесь в бою находится Феня. Где она, жива ли?! Арону стало страшно. Он осмотрелся кругом. Среди мертвых тел барахтался воющий большой змеистый человеческий клубок... И вдруг совсем близко он увидел ее, Борина и Михеева, окруженных казаками. Казаки фехтовали штыками. Борин и Михеев отбивались прикладами. А Феня, обезоруженная, стояла между ними. Арон помчался на помощь, опрокидывая все на пути, и наскочил сзади, поднял брошенную кем-то винтовку и прикладом ахнул ближайшего казака в спину. Казак упал ничком. Но остальные четверо даже не посмотрели на смерть соседа. Они были заняты боем.

— Вот погоди!—кричал один из них, грозя штыком Фене.— Всажу тебе штык по самую рукоятку.

— Получай сам,—крикнул казаку побледневший Арон,—получай, мерзавец!—Но казак увернулся от приклада и прикрылся штыком. Арона обожгла боль в плече.

— Бей жида!—крикнул тот же казак, указывая штыком другим на Арона.—Это жид.

— Да, я жид! А ты—подлец! Белая сволочь!—Арон бешено дрался прикладом. Откуда-то позади вынырнул офицер—усатый, лысый, в фуражке, с очками; он подбежал к Арону с занесенной саблей, но получил удар штыка от Михеева.

— Бей жидов, — закричал он, падая на труп казака, и уже умирающий указал казакам на Арона. Целый десяток казаков сразу окружили Арона. Арон отчаянно отбивался. Но казаки все сближались и сближались. Уже кровь потекла у него по шее, по щеке и груди. Уже три штыка сразу проткнули ему бедро. А он все не двигался с места, размахивая прикладом винтовки.

— Сюда, товарищи! — кричал Борин красноармейцам. — На помощь! Но Арон уже истекал кровью. Уже тише кричал он казакам: — Бейте жидов, видите вот он, ну-ка! Сто на одного! — Голос у Арона оборвался. — Ура советам... ах! — Один штык впился ему в грудь. Затем целый десяток сразу вонзился в его тело. Арон не крикнул. Казаки подняли на окровавленных штыках его труп к небу.

Но недолго потешались казаки. Мстительно наскочил на казаков командир отряда с двадцатью партизанами, и ни один из казаков не остался в живых.

Труп Арона подняли, завернули в шинель и отнесли в сторону. А бой уже кончился. Победа оказалась на стороне партизанов, но она досталась им дорогой ценой. Из девятисот человек в отряде в живых осталось, может быть, восьмая часть. Но недостатка в бойцах не было. Со всех сторон к месту боя стекались добровольцы. Пришли двадцать два человека добровольцев из Михайловского.

Вскоре пришли вызванные командиром крестьяне из соседней деревни с лопатами. А через несколько часов по обеим сторонам дороги было вырыто около полусотни братских могил. В них зарыли убитых. Не было ни речей, ни торжества. Подальше в поле, немного в стороне, у оврага, похоронили Арона. Когда могилу забрасывали землею, то многие партизаны плакали навзрыд и размазывали слезы по щекам грязными мозолистыми кулаками. А Михеев

растерянно улыбался, беззвучно плакал и говорил, будто бы удивляясь:

— Вот, брат, убили? Жаль!

Борина и Фени на похоронах не было. Борин вместе с командиром и сотней добровольцев отправился в местечко выбивать засевших там офицеров и организовывать власть и охрану жителей. Феня же осталась при раненых и вместе с обозом шла за головным отрядом в Михайловское, занятые партизанами.

К вечеру поле обезлюдело совсем. Скользили по траве оранжевые закатные лучи. Могильные бугры отбрасывали темно-фиолетовые тени, и над пустынной тихой степью нависли серо-синие дождевые тучи.

В уцелевшей траве затрещали кузнечики. Кругом было безмятежно и тихо, точно в этих местах ничего и не происходило.

* * *

Вечером в местечке не было ни стрельбы, ни суматохи. Регулярные части белой армии ушли за несколько десятков верст на юг. Линия красного фронта к вечеру перекинулась за двадцать верст за местечко. Роль отряда была выполнена блестяще.

Вечером в здании бывшего совета заседал штаб отряда с уполномоченным реввоенсовета армии. Он привез с собой три ордена красного знамени. Эту награду получили, по общей просьбе, еще до собрания командир, Борин и Федор.

Из суммы реввоенсовета и из трофейного золота реввоенсовет армии отпустил на усмотрение штаба партизанов около десяти тысяч рублей золотом на помощь пострадавшим от белого террора партизанам. Кроме наград и де-

нег, уполномоченный высшего командования армии привез приказ штабу сдать оружие, распустить крестьян по домам, а батальон Вохра направить с оружием отрядов в распоряжение штаба армии. Общую радость и бодрость омрачали воспоминания о бое. Как живая стояла в воображении каждого геройская смерть Арона.

— Наши товарищи никогда не умирают,—говорил Михеев всякому, кто заводил с ним разговор об Ароне. Но глаза его поминутно наполнялись слезами.

— Знаешь, Федор,—сказал он как-то другу:—а он, Арон, мне в санаторию конфеты приносил... такой товарищ был!

Решили утром устроить митинг, чествовать героев-партизанов и после митинга распустить отряд. Перед сном Борин сказал Федору и Михееву:

— А завтра в путь, друзья, мешкать нечего! Что-то там теперь в городе, даже трудно представить. Наверно, организация разгромлена. Нужно скорее воскресить работу в губернии. Мне кажется, что я не дождусь завтрашнего дня.

* * *

На большой площади перед советом собрались толпы жителей местечка и ближайших сел. Все они были разодеты по-праздничному. Уже близилось к полудню, и солнце ослепительно заливало ярким светом ветхую церковку в стороне, за железной решеткою, маленькие приземистые домики с подслеповатыми окнами, местами с закрытыми ставнями. Среди волнующихся тысяч голов виднелись степные седовласые, седебородые лица стариков и цветные платки женщин. Среди взрослых бежали ребятишки, белобрысые и голосистые. На голубом небе ни облачка.

На балконе дома совета, откуда всегда говорились речи, стояли штабные товарищи и уцелевшие члены совета.

Целый десяток красных флагов свисал с перил балкона вниз к толпе. Большой красный стяг развевался под крышей.

— Начинаем?—спросил член реввоенсовета у Борина.

Это был высокий, стройный человек, восточного типа, в солдатском костюме.

— Начнем,—согласился Борин. Осмотрел толпу и начал:

— Товарищи и граждане, внимание!—Голос его потонул в уличном шуме, но ближние придвинулись к балкону, остальные за ними,—и понемногу площадь затихла.

— Товарище - крестьяне! — прокричал член реввоенсовета.—Митинг в честь побед красного оружия и освобождения местечка объявляю открытым!

Площадь молчала.

— Слово от имени партизанского отряда, освободившего местечко от белых, предоставляю начальнику его, т.-е. военному, товарищу Борину.

— Просим, просим,—раздались из толпы несколько десятков голосов, принадлежавших красноармейцам и партизанам отряда.

Борин подошел к перилам балкона. Кто-то крикнул: —Ура!—Этот крик подхватили сразу тысячи голосов, и площадь вновь замолкла.

— Товарище-крестьяне,—начал Борин, опираясь руками о перила балкона и наклоняясь над толпой.—Прежде всего мы должны вспомнить о тех, кто своей жизнью пожертвовал за ваше освобождение от царских генералов, кого мы еще вчера имели в своих рядах живыми. Товарищи, обнажим наши головы перед теми, кто отдал все, что мог, трудовому народу, даже свою жизнь.

Многие на площади, до тех пор стоявшие в шапках и картузах, сняли их и уже больше не надевали.

— Товарищи,—продолжал Борин.—Они не только отдали свои жизни делу вашего раскрепощения. Нет, они в тяжелых мучениях отдали их вам. И целые тысячи, десятки и сотни тысяч самых лучших из вас, из рабочего класса, гибли и гибнут в смертельном бою с нашими врагами. Товарищи, не забывайте о них. Никогда не забывайте, какие бы лишения вам ни приходилось переносить. Пусть всегда перед вашими глазами будут эти дорогие нам тени павших борцов. Товарищи, труден наш путь! Еще многие лягут на этой дороге, но мы победим, победа за нами.

— Вот вы, трудовое крестьянство, пом...—Борин внезапно оборвал свою речь. Все, кто был на балконе, хлынули к перилам. Над площадью откуда-то сверху трещала дробь пулемета. Толпа на площади шарахнулась в разные стороны, давя и опрокидывая все на пути.

— Провокация!—закричал член реввоенсовета Борину.

— Стреляют с колокольни в церкви,—крикнул командир, перемахнул через балкон на площадь и с четырьмя красноармейцами побежал наискось через площадь к церкви. Там он скрылся за оградой.

Вдруг Борин заметил в толпе девочку лет семи, стоявшую неподалеку от балкона. Прямо на нее бежала часть толпы, обезумевшая от выстрелов. Борин быстро перепрыгнул через перила на площадь. Никто из окружавших его не успел ничего предпринять. Все на балконе замерли в ожидании. Вот Борин подбежал к ребенку.. Тот доверчиво протянул ему ручки... Борин наклонился к нему и вдруг... общий крик ужаса вырвался из груди всех. Из толпы выбежал человек в военном, без фуражки, с револьвером в руке. Он на бегу выстрелил три раза в упор

в Боруна. Боруна схватился за грудь и упал возле спасенного ребенка. Толпа схватила убийцу. А пулемет к тому времени перестал стрелять.

* * *

— Петенька, милый, родной!—то шептала, то кричала Феня, прижимая бледную голову Боруна к груди. Его отнимали у нее.

— Перевязка,—говорил Федор.

— Нужна перевязка,—кричал и Михеев. Но Феня была близка к обмороку.

— Нет, нет,—отстраняла она их и снова прижимала голову Боруна к своей груди.

Боруна открыл глаза. Осмотрелся кругом. Отстранил слабой рукой фельдшера.

— Не нужно... я умру... кто он...—Боруна опять закрыл глаза. Наконец, Феню отвели в сторону, а Боруна быстро унесли в здание совета. Осмотрели и перевязали рану.

— Десять, двадцать минут жизни,—прошептал фельдшер Федору. Лицо Федора окаменело. У члена реввоенсовета на глазах слезы. Федор постоял немного, как бы в раздумьи, затем выбежал из комнаты, плача навзрыд. Остальные стояли у изголовья раненого. Вдруг Боруна вздрогнул и замер. Через секунду раздался голос фельдшера: —Он мертв.

* * *

Федор допрашивал убийцу.

— Что заставило тебя убить его? Ну! что!?

Убийца молчал, его большие глаза, окаймленные серой морщинистой кожей, смотрели безразлично.

— О, подлец, кого ты убил. Кого убил!!!—Федор рвал на себе волосы.

Вошел Михеев. Он с изумлением посмотрел на убийцу.

— Штоль? Офицер старой армии, санаторский больной!—закричал он.—Ты, ты убийца!

— Да, я, Штоль—убийца. Я рад, что хоть одного из вас мне удалось убить перед смертью! Палачи родины! Ах, почему я раньше не убивал вас из-за угла десятками? Вы все достойны смерти... Но я не один...

— Выведите его,—почти крикнул Федор двум красноармейцам.—Я ему... и пришлите ко мне командира.

— Что Феня?—спросил Федор после минутного тягостного молчания.

— Она все еще в обмороке. Но пойдем, Федор. Там уже опять созывают митинг.

— Ты будешь говорить?

— Да.

* * *

Похороны Борина назначили на утро. Труп его одели в парадную военную форму и положили в большом зале совета. За один день мимо гроба прошло несколько десятков тысяч человек. А ночью у гроба сидела Феня, стояли Федор и Михеев. Феня уже владела собой. И лишь с какой-то жадностью все время смотрела в лицо Борина. Несколько раз за день прибегал Амо. Он все хлопотал о похоронах. То приносил цветы, то поправлял одежду на Борине и подетски плакал.

* * *

Утром Борина положили в гроб и вынесли на улицу. Гроб поставили на дрожки, накрыли красным сукном и об-

ложили цветами. Цветы были простые, полевые: ромашки, колокольчики и васильки. Дрожки утонули в зеленой хвое и венках.

Борина повезли в последний путь.

За гробом рядом с Феней шел Михеев. Он был пасмурен больше обыкновенного и часто откашливался. Феня была одета в костюм сестры милосердия. Большой красный крест горел у нее на груди. Глаза были сухие воспаленные, а губы плотно сжаты. За ними шли рабочие и красноармейцы с черными и красными знаменами. На знаменах под солнцем горели позолотой надписи: «Спи спокойно, дорогой товарищ, мы дело твое довершим», «Ты убит, но ты живешь среди нас», «Смерть предателям, убийцам из-за угла!» За рабочими шли партизаны отряда. А дальше двигалась большая толпа мужиков, баб, стариков и детей.

Было тепло, безветрено. Солнце сияло где-то позади. На деревьях чирикали воробьи и кричали галки.

Когда гроб поравнялся с мостом, из ворот крайнего дома выбежала девочка. Это был спасенный Бориным ребенок. Она бегом несла к гробу зеленый венок. Ее крохотные ручки не успели еще сплести его до конца. Дрожки остановили; кучер поднял девочку, и она, плача, положила венок на гроб. Феня взяла ее на руки и беззвучно зарыдала. Михеев судорожно потирал горло рукою, откашливался и незаметным движением руки смахивал непрошенные слезы с ресниц.

У совета еще ночью вырыли могилу. Она смотрела черной пастью навстречу солнцу. Гроб, покачиваясь на веревках, опустился в глубину могилы. Были сказаны речи; потом могилу засыпали землею и на могильный холм сложили венки и цветы.

4-50
2753/2817

Цена 1 р. 50 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА
«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
Москва, Центр, Кузнецкий Мост, 7.
Ленинград, Проспект Володарского, 53а.

HECKMAN
BINDERY INC.

 DEC 92

N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL

00008753039